

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Кафедра российской истории

Г.И. Матвеева

СРЕДНЕЕ ПОВОЛЖЬЕ В IV-VII ВВ.: ИМЕНЬКОВСКАЯ КУЛЬТУРА

Учебное пособие

*Допущено Министерством образования Российской Федерации
в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений,
обучающихся по специальности 020700 «История»*

2-е издание, дополненное

Издательство «Самарский университет»
2004

ББК 63.3(0)2
УДК 930.26
М 333

Матвеева Г.И. Среднее Поволжье в IV-VII вв.: именьковская культура: Учебное пособие, 2-е издание, дополненное. Самара: Изд-во “Самарский университет”, 2004. 168 с.

ISBN 5-86465-152-4

Учебное пособие знакомит студентов исторических факультетов с результатами многолетних исследований именьковской культуры, существовавшей в IV-VII вв. на территории Среднего Поволжья и Южного Приуралья. Именьковским племенам принадлежит особая роль в развитии экономики и культуры региона. С их приходом начало распространяться пашенное земледелие, появилась новая высокопродуктивная порода крупного рогатого скота, высокого уровня развития достигли черная металлургия и металлообработка.

В пособии даны история изучения памятников именьковской культуры, характеристика системы расселения, жилищ, хозяйственных сооружений, погребального обряда и вещевого инвентаря имсньковских племен. Уточнены хронология и периодизация культуры. Рассмотрены вопросы развития хозяйства, социальной структуры, а также происхождения и этнической атрибуции племен именьковской культуры.

Предназначено для студентов, аспирантов, преподавателей вузов.

ББК 63.3(0)2
УДК 930.26

Рецензенты: д-р ист. наук, проф. акад. РАН В.В.Седов,
д-р ист. наук, проф. В.А.Иванов,
д-р ист. наук А.В.Богачев,
канд. ист. наук П.Н.Старостин.

ISBN 5-86465-152-4

© Матвеева Г.И., 2004
© Издательство “Самарский университет”, 2004

Одной из важнейших проблем, еще не до конца решенных исторической наукой, является проблема происхождения и ранней истории славян. С этой проблемой тесно связана именьковская культура, племена которой обитали в I тыс. н.э. на стыке лесостепной и лесной зон Среднего Поволжья и Приуралья от среднего течения р. Суры на западе до среднего течения р. Белой на востоке, от правобережья р. Камы на севере до устья р. Самары на юге. Именьковские племена сыграли важную роль в развитии экономики и культуры населения Поволжья. Они первыми освоили пашенное земледелие и способствовали его распространению в регионе. С их приходом появилась новая продуктивная порода крупного рогатого скота. Высокого уровня развития у них достигла черная и цветная металлургия и другие производства.

Изучение именьковской культуры началось полстолетия назад и в настоящее время известно свыше 500 памятников, на 100 из которых проводились масштабные или небольшие рекогносцировочные раскопки. В результате этих раскопок получен обширный материал, характеризующий погребальный обряд и материальную культуру именьковских племен.

Именьковская культура резко отличается от синхронных и более ранних культур Поволжья и Приуралья по своему погребальному обряду, по конструкции жилищ, по характеру керамического материала. Лишь в первый период изучения исследователи пытались искать ее истоки в Среднем Поволжье среди финно-угорских культур. Открытие Рождественского II могильника с обрядом трупосожжения вызвало появление разнообразных гипотез о характере именьковских памятников, их хронологии, происхождении, дальнейшем развитии и отношении к синхронным культурам смежных регионов. Одни исследователи искали истоки именьковской культуры среди тюркских или угорских памятников Сибири, другие сопоставляли ее с джегьясарской и каунчинской культурами Средней Азии. Подобная противоречивость гипотез была обусловлена неразработанностью источниковедческих вопросов. Особенно острая дискуссия развернулась в 60-х годах вокруг вопроса об этнической принадлежности носителей именьковской культуры. В последующие десятилетия были достигнуты значительные успехи в изучении этой культуры: были проведены широкомасштабные исследования могильников на территории Татарстана, а также поселений в Самарской и Ульяновской областях. Впервые были выявлены и исследованы памятники предименьковского времени (славянского и лбищенского типов). Результаты этих работ позволили вновь вернуться к проблемам происхождения и этнической атрибуции именьковской культуры.

Основные черты погребального обряда и материальной культуры именьковцев сближают их с носителями культур «полей погребений», среди которых и следует искать их истоки. Конечно механизмы сложения именьковской культуры все еще не до конца ясны, но ее генетическая связь с пшеворской, позднезарубинецкой и черняховской культурами не вызывает сомнения. Археологи до сих пор не пришли к единому мнению относительно хронологии именьковской культуры: одни датируют ее IV-VII вв., другие ограничивают ее хронологические рамки V-VI вв., третьи считают возможным датировать культуру VI-VIII вв.

Вопросы этнической принадлежности и времени бытования культуры являются основными, без их решения невозможна историческая интерпретация. Трудность исторического толкования именьковской культуры заключается в сложной обстановке I тысячелетия н.э. – времени, когда на территории Восточной Европы была окончательно нарушена первобытная замкнутость родового общества и всюду начали развиваться отношения, характерные для территориальной соседской общины. Сильно усложнили исторический процесс движения готв, гуннов, болгар. С приходом последних в Среднее Поволжье связано прекращение существования именьковской культуры. До сих пор исторические судьбы именьковских племен не до конца ясны.

Все нерешенные проблемы именьковской культуры еще предстоит решить. Но уже и в настоящее время уровень наших знаний позволяет дать полную характеристику погребального обряда, материальной культуры, экономики и общественного строя племен именьковской культуры. Решению этой задачи и посвящено данное пособие. Оно знакомит студентов с культурой Среднего Поволжья и Приуралья, которая не нашла отражения ни в одном учебном пособии, которая еще недостаточно полно освещена в литературе, и в то же время с культурой чрезвычайно важной, так как знакомство с ней коренным образом меняет сложившиеся представления об этнокультурной ситуации в Урало-Поволжском регионе в I тысячелетии н.э.

В связи с тем, что исследование именьковской культуры имеет пока непродолжительную историю, некоторые выводы и положения, содержащиеся в данном пособии, можно считать предварительными, требующими дальнейшей проверки на основе широких археологических изысканий.

Археологические памятники Среднего Поволжья, впоследствии отнесенные к именьковской культуре впервые привлекли внимание исследователей в середине XIX века. В начале 50-ых годов XIX века Н.А. Толмачев посетил и описал Именьковское и Ташкирменское городища. В 1866 г. геолог Н.А. Головкинский открыл городище и селище у с. Рождествено на правом берегу р. Меши. В 1870-1871 годах А.Н. Стоянов произвел раскопки Ташкирменского I городища и осмотрел уже известные к тому времени памятники у с. Рождествено и Именьковское городище (Старостин П.Н., 1967а).

В 1871 году в Трудах I-го Археологического съезда была опубликована работа К.И. Невоструева «О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской», содержащая первую археологическую карту. Среди описанных городищ были Ташкирменское I в Казанской губернии, Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке и другие (Невоструев И. 1871).

В 1877 году вышла книга С.М. Шпилевского «Древнейшие города и другие болгаро-татарские памятники в Казанской губернии», содержащая подробную сводку 186 памятников, среди которых городища: «Шолом» у с. Бальмеры, «Девичий Городок» у с. Татрские Измери, Именьковские I и II, Тетюши II, Большое Фролово, Старомайнское и др. (Шпилевский С. М., 1877, с. 308 – 334).

Проведение IV Археологического съезда в г. Казани способствовало активизации археологических исследований в Среднем Поволжье. В 1887 году при Казанском университете было основано общество археологии, истории и этнографии, члены которого в 80 – 90 годы XIX века внесли большой вклад в изучение археологических памятников Среднего Поволжья. Среди них следует отметить П.А. Пономарева, который открыл ряд городищ в Казанской губернии и обследовал несколько уже известных памятников (Именьковское городище, Сокол I, II). Он обратил внимание на отличие городищ, отнесенных впоследствии к именьковской культуре, от болгарских, отметив отсутствие проездов в их валах [Пономарев П.А., 1884; Пономарев П.А., 1893; Пономарев П.А., 1895; Старостин П.Н., 1967а, с.5-6].

В 1884 году была опубликована работа В.Н. Поливанова, посвященная Старомайнскому городищу, расположенному на р. Майне в Ульяновской области [Поливанов В.Н., 1884]. В 1900 году им же была издана «Археологическая карта Симбирской губернии», в которую были включены и некоторые памятники середины I тыс. н.э., в частности, известное городище Ош-Пандо у с. Сайнино на территории со-

¹ Раздел написан в соавторстве с В.А. Скарбовенко.

временной восточной Мордовии и городище Лбище на Самарской Луке [Поливанов В.Н., 1900].

В 1898 году член Императорской археологической комиссии А.А.Спицын обследовал окрестности с. Балымеры в Казанской губернии и произвел раскопки на Шоломе, интерпретированном им как городище (Спицын А.А., 1916).

Позднее в 1925 г. раскопки городища Шолом в производил член Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете В.Ф.Смолин [Смолин В.Ф., 1926].

В 1927 году Л.М. Тамбовцев обследовал городище Степановское I, Большефроловское, Чирки-Бибкеевское I и Елховское (Тамбовцев Л.М., 1928, с. 3-7.)

В 1918 году был открыт Самарский университет, при котором в 1919 году было создано Общество археологии, истории, этнографии и естествознания. На базе Общества были организованы Высшие этнолого-археологические курсы. В течение последующих десяти с лишним лет слушатели курсов под руководством В.В.Гольмстен проводили разведочное обследование территории Самарской области. В 1922-24 и 1930 годах экспедиция Высших этнолого-археологических курсов выявила на Самарской Луке более 50 археологических памятников. Среди них В.В.Гольмстен выделила группу поселений с грубой бугристой толстостенной керамикой, отнесенной ею к V (ош-пандинскому) типу и с более тонкостенной и заглаженной, принадлежащей к VI (барбашинскому) типу: городища Манчиха, Кармалы, Ош-Пандо-Нерь, Торновское и селища у сел Подгоры, Выползово, Новинки, Шелехметь, Торновое, Винновка, Ермаково, Аскулы, Сосновый Солонец, Брусяны, Валы и др. – всего 22 поселения [Гольмстен В.В., 1925б, с.12]. Эти V и VI типы керамики В.В.Гольмстен считала разнокультурными, но синхронными; она датировала их XIV в. н.э. на основании сходства керамики VI типа с посудой Барбашинского могильника [Гольмстен В.В., 1925б, с. 13]. Последующее обследование вышеупомянутых поселений позволило отнести их к именьковской культуре, так как V и VI типы представляют собой разновидности именьковской керамики.

Несмотря на неправильную датировку и интерпретацию памятников интересующей нас группы, работа В.В.Гольмстен имеет большое значение как первый опыт классификации поселений железного века на Самарской Луке.

В 1934 году в связи с выходом постановления правительства РСФСР о строительстве на р. Волге Куйбышевской ГЭС. В связи с этим постановлением Государственная академия истории материальной культуры (далее – ГАИМК) приступила к археологическому обследованию берегов р. Волги от г. Чебоксар на севере до Самарской Луки на юге и нижнего течения р. Камы от устья до г. Елабуги [Факрутдинов Р.Г., 1975, с.12].

В 1936 году экспедиция Института истории материальной культуры (далее – ИИМК) АН СССР под руководством Г.П.Гроздилова обследовала берег р. Волги в пределах Самарской Луки от г. Куйбышева на востоке до с. Новодевичье на западе, нижнее течение р. Усы и устье р. Сок; были осмотрены памятники I тыс. н.э.: городище Лысая гора у дер. Моркваши (на котором заложен шурф) и селище Гаврилова Поляна [Гроздилов Г.П., 1941].

В 1938 году экспедиция ИИМК в составе трех отрядов под общим руководством А.П.Смирнова обследовала левобережье р. Волги в пределах Куйбышевской и Ульяновской областей. Отряд А.П.Смирнова осмотрел левый берег р. Волги от г. Ульяновска до с. Старая Майна и нижнее течение р. Урень. Отряд А.В.Збруевой обследовал территорию Куйбышевской области от с. Царевщина до с. Ягодное; были осмотрены памятники I тыс. н.э.: городища Белая гора, Манчиха и селища у сел Подгоры и Выползово. В 1939 году отряд А.В.Збруевой обследовал нижнее течение рек Майны и Утки и берег Волги между устьями этих рек в пределах Ульяновской области и Татарии [Збруева А.В., Смирнов А.П., 1947; Фахрутдинов Р.Г., 1975, с. 13; Матвеева Г.И., 1975, с. 106].

В том же году и в следующем 1940 экспедиция Куйбышевского областного музея краеведения под руководством К.Н.Муромцевой и Н.В.Бакшаева обследовала археологические памятники Куйбышевской и Ульяновской областей, проверяя состояние памятников, открытых В.В.Гольмстен.

Перечисленные выше работы носили, в основном, разведочный характер; раскопки археологических памятников середины I тыс. н. э. в 30-е годы не проводились, за исключением работ экспедиции ГИМ и ИИМК на территории городища Болгары в Спасском районе Татарии, где в 1938 году А.П.Смирновым и Н.Ф.Калининым исследовалось селище Коптелов бугор, содержавшее культурный слой I тыс. н.э. [Старостин П.Н., 1967а, №146].

В 1945 году на первом Всесоюзном археологическом совещании была поставлена задача составления карты Татарской АССР. Для выполнения этой задачи Институтом языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР (далее – ИЯЛИ КФ АН СССР) было организовано многолетнее обследование территории Татарии, руководство которым возложено на Н.Ф. Калинина. В 1946 году экспедиция работала на территории левобережной Камы, в 1948 году на ее правобережье, в 1949 году – на правом берегу р. Волги и в среднем течении р. Свияги, в 1950 году экспедиция обследовала северо-западные районы Татарии, в первую очередь низовья р. Свияги. Во время разведочного обследования проводились небольшие рекогносцировочные раскопки ряда памятников – городищ Степановского I, Ташкирменского I, а также шурфовка большинства обнаруженных памятников. За весь

период работ экспедиции в 21 районе Татарии было обследовано более 120 памятников I тыс. н.э.

Подводя итоги работам 1946 – 52 годов, Н.Ф.Калинин выделил особую группу археологических памятников Татарии, которую он датировал V – XI веками. По мнению Н.Ф.Калинина, аналогичные памятники встречаются на юге Мордовии – в среднем течении р. Суры, а также в Ульяновской и Куйбышевской (ныне Самарской) области, на Самарской Луке. Первоначально Н.Ф.Калинин отнес эту группу памятников Татарии I тыс. н.э. к особому варианту позднегородецкой культуры, сложившемуся, по его мнению, при значительном участии прикамского культурного компонента [Калинин Н.Ф., 1951]. Позднее, в 1954 году, он предложил объединить однотипные памятники I тыс. н.э. всего Среднего Поволжья в единую археологическую культуру и назвал ее восточно-буртасской. В носителях этой культуры Н.Ф.Калинин видел восточную группу племенного союза буртасов, финно-угорского средневекового народа, родственного мордве. По его мнению это были позднегородецкие племена, продвинувшиеся с левого берега на правобережье р. Волги.

Этническая атрибуция носителей культуры I тыс. н.э. основывалась на сведениях арабских источников X – XI веков о буртасах, живущих на Волге: Ибн-Руста, Идриси, Аль-Бекри, Аль-Балхи и других [Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954, с.44-63].

Точку зрения о позднегородецкой финно-угорской основе выделенной Н.Ф. Калининым группы памятников I тыс. н. э. поддержали А.П. Смирнов [Смирнов А.П., 1952; Смирнов А.П., 1961], А.М.Ефимова [Ефимова А.М., 1962] и Б.Б.Жиромский [Жиромский Б.Б., 1958]; первоначально этой точки зрения придерживался и В.Ф.Генинг [Генинг В.Ф., 1959].

Дальнейшие исследования памятников выделенной Н.Ф. Калининым группы показали, что, во-первых, их верхняя граница укладывается в пределы VII века, и, следовательно, носителей этой культуры нельзя связывать с историческими буртасами арабских источников X-XI вв.; во-вторых, позднегородецкие (марийские и мордовские) памятники, как это было убедительно показано П.Н.Старостиным, в значительной степени отличаются от именковских по погребальному обряду, по характеру расположения поселений, по типам оборонительных укреплений, жилищ, керамики и т.д. [Старостин П.Н., 1964, с.191-208].

В 1950 году в связи с сооружением Куйбышевской ГЭС на р. Волге возобновила свою деятельность, прерванную войной, Куйбышевская археологическая экспедиция ИИМК под общим руководством А.П.Смирнова, работавшая вплоть до 1955 года. В 1951 году вторым отрядом Куйбышевской археологической экспедиции под руководством Н.Я.Мерперта были заложены два небольших раскопа площадью 32 и 20 кв. м на поселении, расположенном близ деревни Тарновка

Ставропольского района Куйбышевской области, где обнаружена керамика, относящаяся к двум разновременным группам: лепной и гончарной.

К первой группе относились фрагменты плоскодонных горшководвидных сосудов с грубой поверхностью, не имеющих орнамента, за исключением насечек на венчиках нескольких сосудов. Н.Я.Мерперт отнес эту керамику к городищской культуре и датировал серединой I тыс. н.э. [Мерперт Н.Я., 1954, с. 151-156]. Без сомнения эта керамика относится к именьковской культуре.

В 1952 году Н.Ф.Калинин заложил раскоп площадью 100 кв. м на Саралинском городище в Лаишевском районе Татарской АССР, на левом берегу р. Волги [Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, с.161, № 398]. В 1953 - 54 годах он исследовал городище Именьково I в том же Лаишевском районе, на левом берегу р. Брыски, где вскрыл 1660 кв. м [Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1960, с. 226-250]. В 1954 году Б.Б.Жиромским были продолжены раскопки городища "Шолом" на берегу р. Волги у с. Балымеры Спасского района [Жиромский Б.Б., 1958, с. 424-450]. В 1955 году А.М.Ефимова исследовала селище Балымеры V к востоку от с. Балымеры Спасского района Татарской АССР [Ефимова А.М., 1962, с. 25-26].

В 1956-58 годах В.Ф.Генинг произвел раскопки могильника у с. Рождествено Лаишевского района Татарской АССР, обнаруженного еще в 1948 году Н.Ф.Калининым [Генинг В.Ф., 1960, с.131-138], и заложил два раскопа на селище Рождествено IV, примыкающем с севера к могильнику [Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К., 1962, с. 11-26]. Он датировал исследованные памятники IV - V вв. н.э. и согласился с правомерностью выделения их в особую культуру, но предложил назвать ее именьковской по первому наиболее полно изученному памятнику - городищу у с. Именьково в Татарии [Генинг В.Ф., 1959, с. 208].

В 1959 году объединенная экспедиция Казанского университета и Института антропологии МГУ под руководством В.Ф.Генинга и М.С.Акимовой исследовала группу памятников в Кушнареновском районе Башкирской АССР, в среднем течении р. Белой: вскрыла 118 кв. м площади селища на северо-восточной окраине с. Кушнареново, провела раскопки грунтового могильника вблизи селища, где обнаружила два погребения с трупосожжениями, идентичных погребениям могильника Рождествено II в Татарии небольшие раскопки селища у дер. Матвеево в 7-8 км от с. Кушнареново [Генинг В.Ф., 1977, с. 113-133].

Обнаруженные на территории Приуралья, в Кушнареновском могильнике, погребения с трупосожжениями заставили В.Ф.Генинга пересмотреть точку зрения о финно-угорской языковой принадлежности носителей именьковской культуры и генетической связи их с позд-

негородецкими племенами. Ссылаясь на наличие могильников с обрядом трупосожжения и находки плоскодонной керамики в различных районах Сибири, он высказал предположение о сибирском происхождении именьковской культуры и ее тюркской этнической принадлежности [Генинг В.Ф., 1961а, с. 42]. Эту гипотезу он развил в ряде последующих работ [Генинг В.Ф., 1961б, с. 334-346; Генинг В.Ф., 1964, с.125-129].

В 1958 году отряд Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР (далее – ИИЯЛ БФ АН СССР) под руководством Н.А.Мажитова вскрыл 544 кв. м на поселении у д. Новые Турбаслы Благовещенского района Башкирской АССР [Мажитов Н.А., 1962] и продолжил раскопки многослойного городища Уфа II в черте города Уфы, в восточном квартале ул. Пушкина, начатые П.Ф.Ищериковым [Ищериков П.Ф., Мажитов Н.А., 1962]. На обоих памятниках был обнаружен культурный слой, содержащий плоскодонную керамику с грубой поверхностью, причем на городище Уфа II он залегал выше слоя с бахмутинской керамикой, что дало основание П.Ф.Ищерикову и Н.А.Мажитову отнести его к позднему периоду существования городища и датировать VI – X веками.

В 1959 году Г.Н. Матюшин открыл восемь поселений в окрестностях д. Романовки на западной окраине г. Уфы [Матюшин Г.Н., 1962].

В 1961 году отряд ИИЯЛ БФ АН СССР под руководством К.В. Сальникова произвел раскопки поселения Романовка II. В 1962 году в докладе на III Уральском археологическом совещании К.В.Сальников предложил выделить обнаруженную при раскопках поселения грубую плоскодонную керамику в особый романовский тип, к которому он причислил также керамику с поселения Новые Турбаслы и городища Уфа II. Ближайшие аналогии романовской керамике К.В.Сальников указал на Тарновском селище в Куйбышевской области, Именьковском городище в Татарии и на городище Ош-Пандо в Мордовии. По мнению К.В.Сальникова племена, которым принадлежала керамика романовского типа были пришлыми. Однако к гипотезе В.Ф.Генинга о сибирских истоках и тюркской этнической принадлежности именьковских и романовских племен К.В.Сальников отнесся с осторожностью. Признавая близость по многим признакам романовской керамики к позднегородецкой, он не решился признать в романовцах пришельцев с запада и указывал на возможность наличия предшественников романовских племен среди населения, оставившего памятники с грубой плоскодонной керамикой первой половины I тыс. н.э. в районе г. Стерлитамака [Сальников К.В., 1964, с. 13-14].

Раскопки Романовского селища были продолжены экспедицией Башкирского университета под руководством Г.И.Матвеевой в 1965 г. и 1968 г., и в 1989 г. экспедицией Куйбышевского (Самарского) университета под ее же руководством.

В 1977 году Н.А.Мажитов отнес грубую плоскодонную керамику романовского типа к турбаслинской культуре и датировал ее с VI-VIII до рубежа I и II тыс. н.э. По его мнению культурная близость романовской и именьковской керамики могла образоваться в результате прихода в Западное Приуралье части средневожского населения в период миграции болгарских племен в низовье Камы, т.е. около VII-IX вв. (Мажитов Н.А., 1974 г., с. 59). Все эти положения Н.А.Мажитова декларативны и лишены какой-либо аргументации.

Начиная с 1945 года П.Д.Степанов проводил исследование археологических памятников в восточном Дубенском районе Мордовии и примыкающих к нему Сурском и Карсунском районах Ульяновской области в среднем течении р. Суры [Степанов П.Д., 1948, с.38]. С 1946 по 1949 годы экспедиция Мордовского научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики под руководством П.Д.Степанова полностью исследовала городище Ош-Пандо у с. Сайнино в бассейне р. Парамзы, левого притока р. Суры, вскрыв 2479 кв. м его площади [Степанов П.Д., 1967]. В 1948-49 годах П.Д.Степанов раскопал 800 кв. м культурного слоя городища Ашна-Пандо неподалеку от с. Гулюшево Сурского района Ульяновской области на р. Ашна, левом притоке р. Суры [Степанов П.Д., 1951а, с.67; Степанов П.Д., 1951б, с.136] и вел раскопки селища вблизи того же с. Гулюшево Ульяновской области. В конце 60-х годов он исследовал городище и селище у с. Морга в Дубенском районе Мордовии и начал раскопки селища Лопатино III у с. Малая Кандарать Карсунского района Ульяновской области, продолженные им в 1970 году [Степанов П.Д., 1971, с. 166].

Сурскую группу памятников П.Д.Степанов датировал VI – IX веками н.э. Он признал идентичность памятников этой группы с памятниками левобережной Средней Волги и Нижней Камы типа Именьковского I городища, “Шолом” и Рождественского II могильника, но дал им совершенно другую интерпретацию. Сначала, на основании находки в слое городища Ош-Пандо шумящей подвески, он приписал памятники сурской группы древней мордве [Степанов П.Д., 1948, с. 42; Степанов П.Д., 1951б, с. 138], однако впоследствии изменил первоначальную точку зрения, связав эту группу памятников с угром-адьярскими (венгерскими) племенами, ссылаясь на их отличие от памятников древней мордвы и на их сходство с памятниками Башкирии, на близость ряда вещей с находками с территории Венгрии, не указывая, впрочем, конкретно вещи и памятники.

Он отметил полную идентичность некоторых вещей с городища Ош-Пандо и с Пастерского городища на Украине, которое он приписывал венграм [Степанов П.Д., 1964, с.144].

Территорию Приуралья П.Д.Степанов отождествлял с Леvedией, а Поволжье – с Ателькузу (Этелькузу) письменных источников, откуда

древние венгры переселились сначала в местность между Днестром и Дунаем, а затем – в Паннонию.

Точка зрения П.Д. Степанова не нашла поддержки у исследователей. В 60-ые годы была выдвинута и получила признание гипотеза об угорской принадлежности памятников кушнаренковского типа в Южном Приуралье.

С начала 60-х годов активизируется изучение памятников именьковской культуры на территории Татарии. С 1961 года сотрудники ИЯЛИ КФ АН СССР Казаков Е.П., Косменко М.Г., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Фахрутдинов Р.Г. приступают к регулярному осмотру берегов Куйбышевского водохранилища и долины р. Камы: здесь, на коренных берегах и высоких участках надпойменных террас, после затопления превратившихся в острова, находилось большое количество памятников, продолжавших разрушаться и требовавших проведения охранно-спасательных работ. Осматривались также долины притоков Волги (Утки, Бездны, Ахтая, Свяги, Большого Черемшана) и Камы (Меши, Брыски). Наиболее интенсивные работы проводились в Лаишевском и Рыбно-Слободском районах на правом берегу р. Камы и в Алексеевском на левом берегу Камы, Куйбышевском (ныне Спасском) в Заволжье, а также Буинском, Тетюшском и Камско-Устьинском на правом берегу р. Волги. Пройдены также разведочные маршруты по малым рекам Татарии. В результате разведочного обследования к середине 60-х годов в Татарии было выявлено более трехсот памятников именьковской культуры.

Параллельно с разведками на территории Татарии в 60-е годы были проведены раскопки ряда именьковских памятников. В 1963 году П.Н. Старостиным вскрыто 776 кв. м площади городища Маклашеевка II в Спасском районе, на правом берегу р. Утки [Старостин П.Н., 1968, с. 221-229], проведены рекогносцировочные раскопки городища Сюкеево в Камско-Устьинском районе, на правом берегу р. Волги [Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье, 1985, № 714] и городища Татарское Сунчелеево ("Кыз-Тай") в Аксубаевском районе, на правом берегу р. Большая Сульча [Старостин П.Н., 1967а, № 230]. В 1964 году П.Н. Старостин заложил рекогносцировочные раскопы на городищах у пос. Коминтерн Спасского района: на городище Коминтерн I и городище "Курган" (Христофоровском) [Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1986, №№ 546, 547; Старостин П.Н., 1967а, № 173; Старостин П.Н., 1967в; Старостин П.Н., 1983в]. В 1965 году П.Н. Старостиным раскопаны две меднолитейные мастерские на размываемом водохранилищем Щербетьском Островном I селище в Спасском районе, на левом берегу р. Бездны [Старостин П.Н., 1968; Сидоров В.Н., Старостин П.Н., 1970], и изучены оборонительные сооружения городища Ташкирмень I в Лаишевском районе на правом берегу р. Меши [Старостин П.Н., 1967а, № 84]. В 1966 году он исследо-

вал погребение с трупосожжением вблизи юго-восточной окраины д. Байчуга Лаишевского района, на правом берегу р. Камы [Старостин П.Н., 1986а, с.92]. Начиная с 1961 года Е.П. Казаковым при раскопках раннеболгарского могильника у с. Танкеевка Спасского района исследовалось совпадающее с ним территориально более раннее селище именьковской культуры [Старостин П.Н., 1967а, № 128].

Итогом работ на именьковских памятниках стал опубликованный П.Н.Старостиным в 1967 году специальный выпуск “Свода археологических источников” под названием “Памятники именьковской культуры”, содержащий полный перечень и карту открытых к тому времени памятников и подробную характеристику именьковской культуры [Старостин П.Н., 1967а].

Касаясь в своей работе вопроса о происхождении именьковской культуры, П.Н. Старостин предположил формирование ее на базе двух компонентов – местного финно-угорского и пришлого из районов Приуралья и Западной Сибири тюркского. Финно-угорский компонент он считал субстратным и обосновывал наличие этого компонента в именьковской культуре находками на именьковских памятниках финно-угорских украшений и деталей костюма – подвесок в форме гусяных лапок, пирамидок, стилизованных фигур уток, медведей и др. Финно-угорский субстрат П.Н.Старостин связывал с носителями азелинской культуры. Однако главным культуурообразующим компонентом П.Н.Старостин, вслед за В.Ф.Генингом, считал пришлый из Приуралья и Западной Сибири турбаслинско-кушнаренковский компонент. П.Н.Старостин видел сходство между именьковскими и турбаслинско-кушнаренковскими памятниками, прежде всего в керамике. Он указывал также на находки фрагментов богато орнаментированной кушнаренковской керамики на именьковских селищах в качестве подтверждения своей точки зрения о приходе группы населения из Приуралья на Среднюю Волгу [Старостин П.Н., 1967а, с.31]. Точка зрения В.Ф.Генинга и П.Н.Старостина о сибирском происхождении и тюркской этнической основе именьковской культуры была поддержана А.Х.Халиковым [Халиков А.Х., 1971], но встретила возражения со стороны Ю.А.Краснова и А.П.Смирнова. В рецензии на книгу П.Н.Старостина “Памятники именьковской культуры” они указали на то, что тюрки времени формирования именьковской культуры были скотоводами-кочевниками, а именьковское население изначально характеризовалось прочной оседлостью и высоким уровнем земледелия. Археологические же свидетельства процесса оседания кочевников этого периода на территории Среднего Поволжья отсутствуют. Авторы рецензии пытались отстоять тезис о формировании именьковской культуры на базе городищной и пьяноборской культур, причем считали выделение самостоятельной именьковской культуры неправомерным и преждевременным [Краснов Ю.А., Смирнов А.П., 1969, с.295].

С 1970 года П.Н.Старостин возобновил раскопки могильника Рождественского II могильника в Лаишевском районе Татарии и продолжил их в 1972 и 1978 годах; всего в эти годы было исследовано более сорока погребений с трупосожжениями [Старостин П.Н., Халикова Е.А., Халиков А.Х., 1971, с. 142; Старостин П.Н., Габяшев Р.С., 1979, с. 201; Старостин П.Н., 1986а, с. 93].

В 1972 году Е.А.Халикова при раскопках Старокуйбышевского I мусульманского могильника в Спасском районе Татарии вскрыла часть площади Старокуйбышевского IV селища именьковской культуры, на территории которого позднее возник могильник [Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье, 1986, № 349]. Работы на селище были продолжены в 1987 и 1989 годах И.Р.Газимзяновым и И.Л. Измайловым, исследовавшими еще 146 кв. м его площади [Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., 1989, с. 50; Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., 1991, с. 103].

В 1972 году П.Н.Старостин исследовал погребение на восточной окраине Старокуйбышевского IV селища, на правом берегу р. Бездны [Старостин П.Н., 1975, с.366], в следующем 1973 году П.Н.Старостин произвел небольшие раскопки на городище Троицкий Урай I в Рыбно-Слободском районе Татарии, на правом берегу р. Камы, а также осмотрел селище Троицкий Урай I, расположенное за валом городища, и на территории селища обнаружил погребение, совершенное по обряду трупосожжения [Ишмуратова Г.Р., Старостин П.Н., 1974, с. 156; Старостин П.Н., 1986а, с. 92]. Позднее, в 1976 году, П.Н.Старостин заложил на селище Троицкий Урай I раскоп площадью 75 кв. м [Старостин П.Н., Габяшев Р.С., 1977, с.179].

В 1972 году во время раскопок на территории городища Болгары Спасского района Татарии в урочище Коптелов Бугор был обнаружен именьковский слой; раскопки на Коптеловом Бугре продолжались в 1979 году и позволили выявить ров именьковского поселения [Полякова Г.Ф., Полубояринова М.Р., Хлебникова Т.А., 1980, с. 170; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, №2966].

В 1977-78 годах П.Н.Старостин исследовал 316 кв. м площади известного с XIX века городища "Девичий городок" у села Татарские Измери Спасского района [Габяшев Р.С., Старостин П.Н., Юсупова Г.Т., 1978, с.164; Марков В.И., Старостин П.Н., 1979, с.187].

В 1977 году Е.П.Казаков неподалеку от с. Татарские Измери исследовал 114 кв. м Измерского I селища [Казаков Е.П., 1978, с. 179], а в 1978 – 54 кв. м площади селища Полянка IV в том же Спасском районе, на левом берегу р. Волги [Казаков Е.П., 1979, с. 177].

С конца 70-х годов на территории Татарии начинаются масштабные исследования именьковских могильников. В 1979-84 годах П.Н. Старостин раскопал 100 погребений Богородицкого могильника в Лаишевском районе, на правом берегу р. Камы [Старостин П.Н.,

1980, с.173; Старостин П.Н., 1983а, с.193-201; Старостин П.Н., 1986б, с.154; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, с. 166, № 346]; в 1980-85 годах – 178 погребений Маклашеевского IV могильника в Спасском районе, на правом берегу р. Утки [Старостин П.Н., 1986б, с. 154; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, с. 153, № 314]; в 1983 году – 3 погребения Именьковского III могильника в Лаишевском районе, на правом берегу р. Камы [Старостин П.Н., 1986а, с. 93, 94]; в 1986-87 годах – 63 погребения Маклашеевского V могильника в Спасском районе [Старостин П.Н., Чижевский А.А., 1993, с. 20]; в 1988 году – 2 погребения Ташкирменьского I могильника в Лаишевском районе, на правом берегу р. Меши [Старостин П.Н., 1994, с. 123-124]. Во второй половине 80-х годов несколько именьковских могильников были исследованы Е.П. Казаковым в Спасском районе: с 1984 по 1994 год – 49 погребений Коминтерновского II могильника [Казаков Е.П., 1996, с. 41-47; Казаков Е.П., 1998, с. 97-99], в 1989-90 годах 29 погребений могильника Татарские Измери IX [Казаков Е.П., 1991а, с. 52; Казаков Е.П., 1993, с. 102-103]; велись раскопки могильника Коминтерн III.

Работы на поселениях именьковской культуры в пределах Татарии в эти годы проводились в меньшем объеме. Можно упомянуть небольшие раскопки П.Н.Старостина 1980-82 годов на Сюкеевском городище в Камско-Устьинском районе [Казаков Е.П., Старостин П.Н., 1983, с. 151-152], рекогносцировочные раскопки им же в 1981 году селища у Пичкаского рыбопитомника в Спасском районе [Казаков Е.П., Старостин П.Н., 1983, с. 151-152], исследование И.Р. Газимзяновым и И.Л.Измайловым в 1989 году 90 кв. м площади Кураловского городища [Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., 1991, с. 104], раскопки К.А. Руденко в 1990 году 60 кв. м на селище Малая Полянка V в Чистопольском районе [Руденко К.А., 1998, с. 185-189]. В 1990 году А.М.Губайдуллин и И.Л.Измайловым проведены небольшие раскопки двух известных памятников в Зеленодольском районе, на правобережной стороне р. Волги: на городище Тавлино вскрыто 62 кв. м площади, на городище Луковском (Япанчинском) – 86 кв. м площади [Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л., 1991, с. 107, 108]. В том же 1990 году А.А.Чижевским исследовано 60 кв. м площади Степановского I городища в Буинском районе, на правом берегу р. Свияги [Чижевский А.А., 1991, с. 158]. В 1994-95 годах Е.П.Казаковым проводились раскопки селища “Шихан” у г. Альметьевска [Казаков Е.П., 1996, с.46-47].

На территории Ульяновской области в настоящее время известно более 80 памятников именьковской культуры, располагающихся в бассейнах рек Суры, Свияги, Большого Черемшана, Майны и на берегах Волги.

После работ П.Д.Степанова в пределах сурской группы памятников, завершившихся в 1970 году, исследования именьковских памят-

ников на территории Ульяновской области долгое время носили преимущественно разведочный характер. В 1969-73 годах разведки по рекам Суре, Барышу, Свяге, Майне и берегам Куйбышевского водохранилища производились Г.М.Буровым [Буров Г.М., 1971а, с. 166; Буров Г.М., 1971б, с.278-288; Буров Г.М., 1972а, с. 201; Буров Г.М., 1973, с. 159; Буров Г.М., 1985, с. 111]. В 1973 году памятники в окрестностях пос. Сурского одноименного района обследовались экспедицией Мордовского университета под руководством В.Д.Артемовой и Ю.А.Зеленева [Зеленев Ю.А., Артемова В.Д., 1974, с. 152]. В этом же году один из отрядов экспедиции Мордовского университета под руководством В.И.Вихляева продолжил раскопки селища Лопатино III у с. Малая Кандарать Карсунского район, начатые П.Д.Степановым; вскрыто 116 кв. м [Вихляев В.И., Шитов В.Н., 1974, с. 140].

В 1976 году совместная экспедиция КФ АН СССР и Ульяновского педагогического института обследовала бассейн р. Суры в пределах Ульяновской и Пензенской областей с целью установления западных пределов именьковской культуры [Ледяйкин В.И., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1977, с.154].

В 1984 году Е.П.Казаков обследовал памятники в окрестностях райцентра Старая Майна: размываемые селища Старая Майна II и III на берегу Куйбышевского водохранилища и на островах вблизи берега, в прошлом – высоких участков надпойменной волжской террасы, а также раскопал 23 погребения Старомайнского II могильника, обнаруженного на территории Старомайнского II селища [Казаков Е.П., 1987, с.114-118; Казаков Е.П., 1986, с. 118-120].

В том же 1984 году отряд Куйбышевского университета под руководством Г.И.Матвеевой начал раскопки городища Старая Майна, продолжавшиеся с перерывами в течение шести лет: в 1984-87 и 1990-91 годах всего на городище было вскрыто 2056 кв. м площади [Матвеева Г.И., 1993, с.156-183].

В 1987 г. небольшие раскопки (95 кв. м) поселения Сосенки у с. Ивановка Старомайнского района были предприняты отрядом Куйбышевского университета под руководством М.С.Седовой.

В 1988 году отрядом Ульяновского педагогического института в составе А.В.Вискалина, В.И.Ледяйкина и Ю.А.Семькина проведены разведки памятников в Старомайском районе; доисследована разрушающаяся береговым обрывом часть селища Красная Река IV [Вискалин А.В., Ледяйкин В.И., Семькин Ю.А., 1989, с. 100]. В 1989 г. отряд Ульяновского педагогического института продолжил разведочное обследование Старомайнского, Мелекесского, Чердаклинского, Новоспасского, Радищевского районов, осмотрев памятники по р. Свяге и ее притокам, р. Сызрань, Большой Черемшан, Большой Авраль; в Старомайском районе на селище Красная Поляна вскрыто 256 кв. м

площади [Бурундуков Г.Г., Вискалин А.В., Семькин Ю.А., 1991, с.95-98; Семькин Ю.А., 1991, с.144].

В 1969 году возобновил свою деятельность Куйбышевский (ныне Самарский) университет. Средневолжская археологическая экспедиция университета с первых лет работы приступила к исследованию памятников именьковской культуры на территории Самарской области. В 1969 году И.Б.Васильевым были осмотрены археологические памятники Самарской Луки, большинство которых было открыто в 20-е годы В.В.Гольмстен, и выявлено Кармалинское селище. В 1970 году Г.И. Матвеева заложила раскопы на нескольких именьковских памятниках Самарской Луки: городище Лысая гора у пристани Жигулевск (ныне северная окраина), городище Каменная Коза у с. Винновка Ставропольского района и селище Ош-Пандо-Нерь у с. Шелехметь Волжского района; в следующем, 1971 году были продолжены работы на городище Каменная Коза, общая вскрытая площадь которого составила 276 кв. м, и произведены раскопки 100 кв. м площади селища Малая Рязань в том же Ставропольском районе, работы на котором были начаты в 1970 году аспирантом Института археологии АН СССР М.Г.Косменко [Матвеева Г.И., 1975, с. 107-117].

В 1973 году произведены рекогносцировочные раскопки городища Торное II в Волжском районе, на Самарской Луке [Матвеева Г.И., 1975, с. 105].

В этом же году исследования памятников именьковской культуры на Самарской Луке начал отряд Куйбышевского областного музея краеведения под руководством Р.М.Юнусовой (Ключниковой); в 1973-75 годах ею проведены работы на селище Выползово I в Волжском районе и селищах Муромском I у с. Валы и Водозаборном у с. Подстепки в Ставропольском районе [Юнусова Р.М., 1974, с. 179; Юнусова Р.М., 1976б, с. 179-180, 210; Юнусова Р.М., 1976а].

В 1976-77 годах работы на селище Муромском I были продолжены Н.П.Салугиной [Салугина Н.П., 1977, с.176]. В 1976 году Н.П.Салугиной исследовалось селище Кармалы, Л.В. Кузнецовой – селище Жигули II в Ставропольском районе [Салугина Н.П., 1977, с. 176].

В 1977 году отрядом Куйбышевского педагогического института под руководством С.А.Агапова и В.И.Пестриковой начато исследование селища первой половины I тыс. н. э. Славкино I в Сергиевском районе, продолженное в 1978 году отрядом Куйбышевского университета под руководством Н.П.Салугиной. Всего на памятнике было вскрыто 540 кв. м площади [Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П., 1981, с. 108-119].

В 1979-82 годах отряд Куйбышевского педагогического института исследовал селище Шигоны II на р. Усе в Шигонском районе; в 1980

и 1982 годах на селище были обнаружены металлургические горны именьковской культуры [Семькин Ю.А., 1998, с. 167-172].

В 1980-81 годах Г.И.Матвеева и Р.М.Ключникова продолжили раскопки селища Ош-Пандо-Нерь у с. Шелехметь Волжского района, начатые в 1970 году [Ключникова Р.М., Матвеева Г.И., 1985, с. 131-151]. В 1981 году А.В.Растороповым заложен раскоп на городище Лбище в Ставропольском районе на Самарской Луке; в 1982-84 годах работы на городище проводились Г.И.Матвеевой [Расторопов А.В., 1985, с. 100-110; Матвеева Г.И., 1984, с. 159-160; Матвеева Г.И., 1985, с. 162-163; Матвеева Г.И., 1998, с. 87].

В 1983 году Ю.А.Семькин исследовал металлургический комплекс южнее с. Кармалы на Самарской Луке [Семькин Ю.А., 1986, с. 132]. В 1984-85 годах Г.И.Матвеевой проведены небольшие раскопки городища Кармалы в Ставропольском районе на Самарской Луке, находящегося в 1,5 км западнее одноименного селища и металлургического комплекса [Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991, с. 172-174].

В 1988 г. И.Н.Васильева при раскопках грунтового средневекового могильника у пос. Усинского на Самарской Луке обнаружила остатки более раннего именьковского селища Усинское III. В том же году Г.И.Матвеева исследовала 581 кв. м площади городища у с. Переволоки на Самарской Луке [Богачев А.В., Матвеева Г.И., Набоков А.В., 1989, с.92].

В 1989 году именьковский слой был выявлен при раскопках Междуреченского городища на Самарской Луке [Салугина Н.П., 1995].

В 1992 году Г.И.Матвеева произвела раскопки селища Бахилово между одноименным селом и г. Жигулевском Ставропольского района на Самарской Луке. В 1993 году Самарский университет возобновил раскопки селища Ош-Пандо-Нерь: работы на селище проводились в 1993-96 годах Р.С.Багаутдиновым, Г.И.Матвеевой, М.С.Седовой, В.А.Скарбовенко; за весь период работ на селище, начиная с 1970 года, вскрыто 1594 кв. м площади.

С 1991 года раскопки именьковских памятников на территории Самарской Луки возобновил Самарский историко-краеведческий музей им. П.В.Алабина: Д.А.Сташенковым в 1992-94 и в 1999 годах исследовалось селище Новинки V на Самарской Луке [Сташенков Д.А., 1993; Сташенков Д.А., 1995]; в 1993, 1995-96 годах – селище Карлинское I у с. Рождествено на Самарской Луке [Сташенков Д.А., 1994; Сташенков Д.А., 1996; Сташенков Д.А., 1997]; в 1994 году – селище Новинки I у одноименного села на Самарской Луке; в 1991, 1995 и 2001 годах – комплекс памятников (селище и могильник) у с. Сиделькино на р. Большой Черемшан в Челно-Вершинском районе [Сташенков Д.А., 1996, с. 224-227]; в 1995-2000 годах городище у д. Пролетарий на р. Большой Черемшан, где вскрыта площадь свыше 1000 кв. м; в 1997-

2000 годах селище Тимяшево I в Шенталинском районе. В 2001г. селище Крепость-Кондурча II.

В 1998-99 годах объединенная экспедиция Самарского университета и Самарского педагогического университета под руководством М.С. Седовой и В.Н.Мышкина исследовала 2360 кв. м площади селища Подгоры I в Волжском районе на Самарской Луке, где обнаружен слой именьковской культуры. Работы были продолжены в 2000-2001 годах под руководством В.А.Скарбовенко, М.С.Седовой и В.Н.Мышкина, и было вскрыто еще 1344 кв. м.

Во второй половине 70-х годов началось изучение именьковских памятников на территории Удмуртии. В 1976 году разведочным отрядом Удмуртского университета заложен рекогносцировочный раскоп на городище Кузубаево I в Алнышском районе, открытом еще в XIX веке Г.Н.Потаповым; в 1977-78 и 1989-90 годах городище исследовалось экспедицией Удмуртского республиканского краеведческого музея под руководством Т.И.Останиной [Останина Т.И., 1978, с. 191; Останина Т.И., 1979, с. 201, Останина Т.И., 1991, с. 66-67].

В 1981 году Т.И.Останиной начаты раскопки еще одного именьковского городища у с. Старая Игра в Граховском районе, на мысу при слиянии р. Улек и Юрашка [Останина Т.И., 1983; Останина Т.И., 1986].

Раскопки именьковских памятников, предпринятые в годы после выхода в свет Свода "Памятники именьковской культуры" [Старостин П.Н., 1967а], в особенности поселений на Самарской Луке и могильников на территории Татарстана, значительно расширили источниковую базу исследований и позволили вновь вернуться к вопросу о происхождении и этнической принадлежности именьковской культуры.

В 1981 году Г.И.Матвеева опубликовала статью "О происхождении именьковской культуры", в которой она указала на значительное сходство погребального обряда, керамики, украшений, топографии и планиграфии поселений именьковской и классической зарубинецкой культур [Матвеева Г.И., 1981, с. 58-62].

В 1985 году во время проведения на базе Самарского университета выездных заседаний Ученого Совета Института археологии АН СССР ряд специалистов по зарубинецкой культуре – К.В.Каспарова, М.Б. Щукин, С.П.Пачкова, А.М.Обломский – познакомились с именьковскими материалами и подтвердили их сходство с зарубинецкими [Каспарова К.В., 1986, с. 17; Щукин М.Б., 1994, с. 237], но отметили наличие значительного хронологического разрыва между ними. По мнению К.В. Каспаровой, механизм генезиса именьковской культуры прояснится лишь тогда, когда появятся новые поздnezарубинецкие и предименьковские памятники, которые если не заполнят, то хотя бы сократят хронологическую лауну [Каспарова К.В., 1986, с.17]. Однако такие памятники уже были известны. В статье "Этнокультурные про-

цессы в Среднем Поволжье" Г.И.Матвеева приводит краткие сведения об этих памятниках. Первую, наиболее раннюю группу памятников, оставленных пришедшим с запада населением, составляют поселения славянского типа: Славкино I, II, крепость Кондурча открытые в бассейне р. Кондурчи в окрестностях с. Славкино Сергиевского района Самарской области [Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П., 1981]. Топография поселений, типы жилищ, керамики и других изделий сближают эти памятники с пшеворским поселением Подберезцы в Верхнем Поднепровье, исследованным Д.Н. Козаком [Козак Д.Н., 1985]. Почти полное отсутствие датирующих вещей на Славкинском I селище затрудняет датировку памятника, но близость его керамики и пряслиц к материалам селища Подберезцы позволяет предполагать их одновременность и датировать памятники славянского типа не позднее II-III вв. н.э.

К более позднему времени (IV веку н.э.) Г.И.Матвеева отнесла памятники лбищенского типа, принадлежащие, по ее мнению, переселившемуся в Поволжье смешанному зарубинецко-пшеворскому населению [Матвеева Г.И., 1986, с. 161-164].

В 1988 году Г.И.Матвеева попыталась обосновать славянскую атрибуцию именьковской культуры [Матвеева Г.И., 1988б, с. 11].

После раскопок городища Лбища точку зрения о западных истоках именьковской культуры поддержал А.Х.Халиков, однако он видел в ее носителях не славян, а балтов. Не располагая археологическим подтверждением своей гипотезы, он попытался аргументировать ее средствами лингвистики, а именно наличием балтских лексических заимствований в языках поволжских финнов: мордвы, марийцев, удмуртов, воспринятых их предками у именьковцев [Халиков А.Х., 1987; Халиков А.Х., 1988].

В 1993 году Г.И.Матвеева представила аргументацию в пользу славянской этнической принадлежности именьковской культуры в докладе на Симпозиуме по проблемам именьковской культуры, состоявшемся в г. Болгаре (Татарстан). Точка зрения Г.И.Матвеевой была поддержана В.В.Седовым [Седов В.В., 1994, с. 236-238]. На том же симпозиуме были заслушаны доклады П.Н.Старостина, А.В.Богачева, Е.П.Казакова, Т.И.Останиной, А.Г.Петренко и др., посвященные разным проблемам именьковской культуры.

В своей работе, вышедшей в 1994 году, В.В.Седов пришел к выводу о генетической связи именьковской культуры с черняховской и о ее славянской этнической принадлежности. В.В.Седов определял этнос именьковского населения анализом его последующей истории. По его мнению, на рубеже VII и VIII веков значительная часть именьковского населения под натиском болгар покинула Среднее Поволжье и переселилась на левобережье Среднего Поднепровья, где именно в это время возникла волынцевская культура, которая впоследствии трансформи-

ровалась в роменскую. Волынцевская культура принадлежала одной из племенных группировок славян. Сопоставление всего комплекса элементов волынцевской и именьковской культур свидетельствует об их сходстве и родстве, что можно объяснить тем, что волынцевское население пришло из именьковского ареала Среднего Поволжья [Седов В.В., 1994б, с.315].

С гипотезой о славянской этнической принадлежности именьковской культуры согласился и украинский археолог В.Д.Баран [Баран В.Д., 1997, с. 154]. В последние годы археологические свидетельства в пользу славянской этнической основы именьковской культуры получили подтверждение со стороны лингвистики. В.В.Напольских выявил в пермских языках ранние, не позднее середины I тыс. н.э., славянские заимствования, связанные, в частности, с земледельческой терминологией [Напольских В.В., 1996]. Славянские заимствования в удмуртском языке зафиксированы также Р.Ш.Насибуллиным [Насибуллин Р.Ш., 1992, с. 76-79].

С начала 80-х годов публикуются результаты работ, выполненных на основе специальных анализов отдельных категорий артефактов именьковской культуры, которые дают новую информацию о характере и направлениях связей (культурного и генетического плана) носителей именьковской культуры. Наибольший интерес представляют результаты металлографического анализа изделий из черного металла [Старостин П.Н., Хомутова Л.С., 1981] и технико-технологического анализа керамики методом бинокулярной микроскопии [Салугина Н.П., 1985; Салугина Н.П., 1986а].

Таким образом, в настоящее время исследовано около 100 памятников именьковской культуры. На городищах и селищах вскрыто свыше 26000 кв. м, в 15 могильниках исследовано более 500 погребений. В результате этих работ получен богатый материал, позволивший решить ряд проблем именьковской культуры. Так, выявление и исследование памятников первой половины I тыс. н.э. пролило свет на вопрос о происхождении именьковской культуры. Удалось четко определить ареал культуры и выделить основные локальные варианты нижекамский, удмуртский, ульяновский, восточномордовский, самарский, приуральский. Изучены погребальный обряд, материальная культура, хозяйство, ремесло именьковских племен. Но несмотря на достигнутые успехи многие проблемы именьковской культуры остаются нерешенными. Это прежде всего вопросы ее хронологии и периодизации, дальнейших исторических судеб именьковских племен. Не до конца решена проблема генезиса культуры, в частности, не определен исходный район миграций предков именьковских племен. Не выяснен вопрос о соотношении именьковских и турбаслинских памятников в среднем течении р. Белой. Решение всех этих проблем – насущная задача, стоящая перед археологами Поволжья и Приуралья.

Территория имениковской культуры

Территория распространения имениковской культуры простирается от правобережья р. Камы (включая низовья ее правых притоков – Меши, Брыски, Вятки) на севере до устья р. Самары на юге, от среднего течения р. Суры на западе до среднего течения р. Белой на востоке (рис. 1).

Ареал имениковской культуры охватывает территорию современных административных единиц Поволжья и Приуралья: республику Татарстан без северных заволжских районов (рис. 2), юго-запад республики Удмуртии (Граховский и Алнашский районы), центральные районы республики Башкортостан (рис. 3), всю Ульяновскую область (рис. 4), восток республики Мордовии (Дубенский район) (рис. 5), север Самарской области, включая Самарскую Луку (рис. 6).

В ландшафтном отношении очерченная территория представляет собой пограничье двух природных зон: лесной и лесостепной. Граница леса и лесостепи пересекает Среднее Поволжье примерно на широте устья р. Камы. Граница лесостепи и степи на правобережной стороне р. Волги проходит в районе г. Саратова, в Заволжье – по р. Самаре. Таким образом, большая часть территории имениковской культуры находится в пределах лесостепной ландшафтной зоны. Эта зона характеризуется благоприятными для ведения земледельческого хозяйства черноземными почвами – естественным богатством Среднего Поволжья.

По территории распространения имениковской культуры протекают крупные реки: Волга, Сура, Свияга, Кама, Белая, Ик, Большой Черемшан и их многочисленные притоки – Бездна, Ахтай, Утка, Майна, Шентала, Шешма, Малый Черемшан, Большая Сульча, Барыш, Степной Зай и др., долины которых являются районами сосредоточения имениковских памятников. На водоразделах имениковские памятники не встречаются.

В настоящее время на обозначенной территории открыто более 500 памятников имениковской культуры.

Поселения имениковской культуры

Среди известных в настоящее время памятников лишь полтора десятка составляют могильники, остальные – городища и селища, располагающиеся группами, образуя "гнезда" из одного-двух городищ и находящихся под их защитой нескольких селищ или только из нескольких селищ, отстоящих друг от друга на расстояние от нескольких сотен метров до 3 - 5 километров.

Городища располагаются на высоких мысах с крутыми склонами, на участках, ограниченных оврагами, а также на горах с плоскими

площадками на вершине. В одних случаях они находятся непосредственно на берегах рек, в других – удалены от них, иногда на значительное расстояние.

Городища нередко возникали на месте неукрепленных поселений, что подтверждается наличием культурного слоя под насыпями валов (Маклашевское II городище, Балымерский "Шолом"). Нередко использовались укрепленные поселения более раннего времени, при этом вал досыпался (городища Лбище, Лысая Гора, Каменная Коза). Одни городища были постоянно обитаемыми поселениями (Старо-Майнское, Именьковское, Чертов Городок, Ош-Пандо на Суре), другие служили убежищами на случай вражеского нападения (Белая Гора, Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке, Сикенесское I).

Форма площадок городищ во многом определялась особенностями рельефа местности. Если городище располагалось на мысу в месте расщепления края террасы или коренного берега оврагом, то площадка его обычно имела треугольную форму в соответствии с очертаниями мыса; если городище занимало поверхность межовражного мыса, вычлененного из массива террасы двумя параллельными оврагами, то площадка его приобретала подчетыреугольную (или полуовальную) форму; если городище находилось на вершине холма, то площадка была округлой или овальной формы.

Площади городищ обычно не превышают 5-7 тыс. кв. м. Есть городища очень малые, площадь которых менее тысячи кв. м (Троицко-Урайское – 0,5 тыс. кв. м, Елховское – 0,8 тыс. кв. м, Карамышихинское – 0,8 тыс. кв. м). Очень большую площадь – около 500 тыс. кв. м. – занимает Большеетарханское городище.

Система оборонительных сооружений именьковских городищ состояла из земляных валов, иногда насыпавшихся на бревенчатые конструкции, и рвов. У большинства именьковских городищ по одному валу и рву, которые защищали площадку с напольной стороны. Гораздо реже встречаются городища с двумя или тремя валами и рвами. В редких случаях там, где мысы городищ невысокие, а склоны их пологие, площадки укреплялись дополнительно со стороны оконечности мыса (Маклашевское II, Урнякское городище).

Типы валов различны. Наиболее часто встречаются дуговидные и их разновидности – кокошничкообразные валы и рвы, повторяющие наружные очертания валов. На Левобережье Волги есть 14 городищ, у которых валы имеют форму курганообразного холма (так называемые шишковидные валы). Подобная система укреплений характерна только для городищ, расположенных на очень узких мысах.

Известны городища с кольцевыми валами и рвами, например, Кармалинское городище на Самарской Луке. Имеются городища с прямыми валами и рвами (Саралинское I городище).

Оригинально городище Девичий городок у с. Татарские Измери Спасского района Татарстана на р. Ахтай, левом притоке Камы. Прямоугольная с округлыми углами площадка городища была ограждена кольцевым валом и П-образным рвом. К валу с наружной стороны примыкали холмообразные возвышения, окруженные со всех сторон рвами. Эти возвышения, видимо, служили основаниями башенных сооружений, обеспечивающих обстрел противников с флангов.

Дугообразные валы городищ Лбища (рис. 8) и Переволоцкого имели с внешней стороны полуовальные выступы – бастионы, предназначенные для обстрела противника с флангов; в промежутке между бастионами выкопаны углубления, которые в литературе иногда называют "волчьими ямами".

Земляные валы городищ, как правило, имели дополнительные сооружения и сложную конструкцию. Например, при раскопках городища Шолом у с. Бальмеры в основании его вала обнаружено два горизонта деревянных срубов. К нижнему горизонту относятся пять срубов, состоящих из 5-8 бревен, концы которых скреплены в обло. Нижние венцы состояли из толстых хорошо пригнанных вырубкой бревен, верхние – из тонких бревен, менее тщательно обработанных. Для укрепления стенок, особенно верхних, широко применялись колья. В каждом срубе один из нижних венцов имел настил, состоящий из 5-7 бревен. Срубы нижнего горизонта были соединены в одну систему и засыпаны землей. Этот горизонт укреплений относится к первому периоду существования городища, то есть к именьковской культуре. (Жиромирский Б.Б., 1958).

Прослежена конструкция вала Именьковского городища (рис. 8,7), возникшего на месте позднеананьинского укрепленного поселения. К моменту прихода именьковских племен здесь уже был вал высотой 3 м; в именьковское время вал подсыпан на высоту 4,8 – 5,4 м. На поверхности вновь подсыпанного вала был сооружен деревянный забор из вертикально вбитых столбов, обшитых досками и обмазанных глиной. После третьей подсыпки вал достиг высоты 6,6 м.

Остатки деревянных бревенчатых конструкций зафиксированы в валах Степановского I, Маклашевского II и Коминтерновского городищ. Старомайновское городище имело мощный кокошничкообразный вал и ров, в котором прослежены следы каких-то сооружений. С восточной стороны, где склоны мыса были довольно пологими, был дополнительно сооружен небольшой вал. По краям площадок именьковских городищ прослеживаются остатки деревянных бревенчатых стен. Так, на Именьковском I городище выявлены два ряда бревенчатых стен, двухметровый промежуток между которыми был забит известняком, смешанным с землей. Обе стены были построены из горизонтально лежащих бревен, зажатых между двумя рядами кольев. Внешние стороны стен были обмазаны глиной.

Культурный слой городищ обычно имеет мощность от 20 до 90 см.

Очень часто к городищам с напольной стороны примыкают селища (Старомайское городище, Маклашевское II городище и другие).

Селища – неукрепленные поселения – более многочисленны, чем городища. Большинство их располагалось на краях надпойменных террас, реже на мысах между оврагами или на обращенных к югу склонах оврагов.

Они довольно велики по площади: иногда их протяженность вдоль края террас достигает несколько сот метров. Судя по распространению подъемного материала, имеются селища площадью свыше 200 тыс. кв. м, однако чаще встречаются селища площадью до 10 тыс. кв. м. Как правило, площадь селищ больше, чем площадь городищ. Мощность культурного слоя селищ не менее 25 см, часто она достигает 50 - 70 см и даже 80 - 90 см.

Селища группируются вокруг городищ – в одних случаях примыкают непосредственно к валу, в других они располагаются на некотором отдалении от городищ. Встречаются одиночные селища, находящиеся вдали от других (Бахилловское селище на Самарской Луке).

Жилища именьковской культуры

На селищах и некоторых городищах встречаются жилища. Они исследованы на городищах: Именьковском II, Старомайском, Ош-Пандо у с. Сайнино и на селищах: Рождественском IV, Полянском III, Балымерском, Старокуйбышевском, Ош-Пандо-Нерь II, Бахилловском, Карлинском, Ново-Турбаслинском, Кушнарниковском – всего на поселениях развитой именьковской культуры исследовано 48 жилых построек, которые по своей конструкции делятся на два типа.

К первому, наиболее многочисленному типу, относятся жилища-полуземлянки (рис. 9,10), основание которых углублено в материк (изучено 39 жилищ этого типа). Преобладают котлованы квадратной или близкой к ней четырехугольной формы. Одно жилище Новинковского V селища имеет округлый в плане котлован. (Стащенко Д.А., 1995, с. 268-284). Котловины единичных жилищ на городище Ош-Пандо в Мордовии и селище Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке имели многоугольную форму. Размеры котлованов полуземлянок различны: от 3,8х3,4 м до 8х8 м. Глубина котлованов от 10 до 110 см, преобладают котлованы глубиной от 40 до 70 см.

Наземные конструкции жилищ представляли собой бревенчатые срубы, которые в одних случаях впускались в котлован, в других были больше, чем котлованы по площади и ставились над котлованом. В жилищах 1 и 4 Рождественского селища основанием для сруба служила ступенька шириной 40 см, идущая по периметру жилища. Для предот-

вращения разрушения стенок котлованов их облицовывали деревом, а иногда обмазывали глиной. В жилище 22 Старомайнского городища в середине трех стен, противоположных выходу, обнаружены ямы от столбов, предназначенных для поддержки бревенчатых стен. Постройки возводились без применения гвоздей и скоб.

Чуть менее половины жилищ имели центральный столб. Ямы от таких столбов обычно находятся в геометрическом центре квадратного жилища. Как правило, они имеют круглую форму, что свидетельствует о том, что центральный столб не затесывался, а был круглым в сечении. Видимо, центральный столб был предназначен для поддержки четырехскатной шатровой крыши. Иногда жилища имели крышу в виде пирамидального сруба.

Каркас крыши составляли стропила из жердей. Обугленные их остатки прослежены в жилищах 20 и 54 Старомайнского городища. Пол в жилищах ровный, тщательно утрамбованный, утопанный, иногда он имел чашевидную форму, так как в центре был утопан сильнее, чем у стен. В некоторых случаях пол обмазывался глиной или покрывался досками.

Отопительными сооружениями служили открытые очаги – кострища. Они разводились непосредственно на полу жилища или в небольших ямах цилиндрической формы диаметром 70-80 см и глубиной до 70 см. На Маклашевском I городище очаги устраивались в ящиках с песком, укрепленных кольями. В полуземлянках очаги располагались в центре котлована, недалеко от центрального столба. Видимо, в противопожарных целях столб обмазывался глиной в одном из жилищ. На селище Ош-Пандо-Нерь рядом с центральной столбовой ямой были найдены куски глиняной обмазки. Вблизи очагов встречались приочажные ямы для ссыпания золы. Центральный очаг служил для обогрева жилища и приготовления пищи. Он был центром хозяйственной и духовной жизни и, возможно, имел сакральное значение. Кроме центрального иногда в жилищах есть другие очаги-кострища, но они, как правило, уступали по своим размерам центральному очагу.

В трех именьковских жилищах были обнаружены развалы печей-каменок (жилища 20 и 54 Старомайнского городища, жилище в раскопе VI селища Ош-Пандо-Нерь II); во всех случаях печи находились у стенок ближе к углам жилищ. В жилище 54 на городище Старая Майна печь была сложена на возвышающейся земляной платформе.

Выход из жилища обычно устраивался в южной его стенке. Для спуска в полуземлянку предназначались деревянные лестницы или земляные ступеньки.

В полу многих полуземлянок выкопаны хозяйственные ямы, обычно имевшие цилиндрическую форму; они предназначались для хранения продуктов. Иногда в них встречаются развалы сосудов, в том

числе крупных зерновиков. Сверху ямы покрывались деревянными крышками.

Второй тип жилищ – длинные постройки прямоугольной формы, со слабо углубленным в материк (на 15-20 см) основанием (рис 10,3-5). Этот тип представлен только на Старо-Майнском городище. Всего выявлено девять жилищ этого типа и только пять из них вскрыты полностью. Длинные дома были ориентированы с юго-запада на северо-восток. Ширина жилищ колеблется от 4,2 до 5,7 м, длина у большинства почти вдвое больше, то есть от 8,7 до 12 м. Исключение составляет жилище 18, длина которого 22 м при ширине 4,4-4,6 м. Жилище разделено перегородками на три почти равные секции.

Общая площадь домов – от 36,5 до 101,2 кв.м. Вдоль стен и в углах жилищ обнаружены столбовые ямы круглой, овальной или прямоугольной формы; их дно плоское или коническое, заостренное книзу диаметром от 10 до 70 см. Расстояние между столбами – от 20 см до 2 м. В некоторых ямах зафиксированы остатки столбов. В столбах – стояках имелись продольные пазы для закрепления заостренных концов горизонтальных бревен.

Особо следует остановиться на жилище 54 Старо-Майнского городища, которое по размерам и форме близко к вышеописанным полуземлянкам. В центре его находилась яма от центрального столба и очажная яма. Размеры котлована 5,9x5,9 м, глубина 0,23-0,35 м. В заполнении котлована найдено большое количество обугленного дерева – остатков стен и кровли. Жилище было срубным, так как не прослеживаются ряды столбовых ям. Оно имело две пристройки. Одна из них примыкала к жилищу с восточной стороны, ширина ее не превышала 1,7 м. Дно ее несколько выше дна жилища. Вдоль стен пристройки прослеживались ямки, служившие основанием столбиков из мелких жердей. Возможно, стенка была плетневая, обмазанная глиной. Вторая пристройка шириной не более 1 м примыкала к жилищу с северо-западной стороны. Выход из жилища находился в юго-западной стенке, он вел в пристройку – сени. В пристройке с северной стороны находилась большая хозяйственная яма, соединенная с двумя другими, расположенными уже за пределами жилища. Рядом с ямой, в пределах пристройки, находился развал печи-каменки.

На городищах и селищах многочисленны ямы различного назначения. Например, на Старомайнском городище выявлено 175 ям именковского периода. Часть ям находилась полностью или частично в жилищах, но большинство располагалось за их пределами.

По своему назначению ямы делятся на несколько типов: зернохранилища, хранилища для корнеплодов, орехов, желудей, погреба для хранения рыбы, мяса и молочных продуктов, причажные и очажные, мусорные и выгребные.

Зерновые ямы самые глубокие и вместительные. Они имели цилиндрическую или колоколовидную расширяющуюся книзу форму. Диаметр ям от 1 до 1,8 м. Их глубина от 1,25 до 2,5 м. Их стенки выжигались соломой, поэтому на дне их встречается сажистый слой. Дно и стенки ям облицовывались берестой или деревом. Отверстие ямы закрывалось досками или специальными деревянными крышками, которые часто обмазывались глиной и сверху засыпались землей. В некоторых случаях над ямами сооружали деревянную кровлю в виде четырехгранной пирамиды, поэтому в ямах или вокруг них иногда встречаются ямки от столбиков, поддерживающих перекрытие. Без доступа воздуха зерно в таких ямах сохранялось десятилетиями. Подобные ямы продолжали бытовать в Волжской Болгарии и на Руси. У украинцев они сохранялись до недавнего времени. Преимущество зернохранилищ в том, что им не грозят пожары, они дешевы и в известной мере застрахованы от хищений. В них часто прятали различные ценные вещи. Например, в ямах на Кармалинском и Троицко-Урайском I городищах найдены серебряные монеты – сасанидские драхмы. Ямы – зернохранилища всегда располагались за пределами жилищ, возможно, под навесами. Иногда они находились поблизости друг от друга, но никогда не соединялись.

Ямы для хранения корнеплодов имели такую же цилиндрическую форму, дно у них плоское или чашевидное. Иногда в стенке имелась ступенька. В одной из таких ям найдены обугленные орехи, в другой желуди.

Некоторые погреба состояли из двух-трех или более соединенных ям. На Старомайском городище встречаются погреба, состоящие из двух ям, одна из которых квадратная, другая – круглая, обычно более глубокая.

Для хранения рыбы, мясных и молочных продуктов сооружались глубокие, похожие на колодцы ямы, в верхней части которых были ступеньки или небольшие подбои.

Приочажные ямы располагались в жилищах рядом с очагом. Они обычно круглые в плане и глубиной до 1 м или чуть более, в них ссыпалась зола с очагов.

Могильники именьковской культуры

Поиски могильников именьковской культуры затруднены тем, что они не имеют в настоящее время никаких внешних признаков. В тех случаях, когда во время земляных работ случайно находят погребения с трупосожжением, на них не всегда обращают внимание и не сообщают о находке археологам, поэтому многие разрушенные некрополи остались неизвестными. Могильники открывают обычно при осмотре обнажений берегов рек и водохранилищ.

На территории именьковской культуры известно полтора десятка могильников. Наиболее крупные из числа исследованных могильников – Рождественский II, Богородицкий, Маклашеевский IV, Ташкирменский, Коминтерновский II. Большинство могильников открыто в Татарстане, два – в Башкортостане (Кушнаренокский и в г. Уфе на улице Пушкина); на территории Мордовии, Ульяновской и Самарской областей классические именьковские могильники пока не обнаружены.

Именьковские могильники располагаются на высоких надпойменных террасах рек, в непосредственной близости от поселений, будучи отделены от поселений какой-либо естественной преградой типа оврага, ложбинки и т.д.

В настоящее время могилы не имеют никаких внешних признаков, но, видимо, имели их в древности, так как случаи нарушения ранних могил более поздними никогда не наблюдались.

Иногда на территории могильников встречаются жертвенные комплексы, состоящие из черепов и конечностей лошадей. На Богородицком могильнике было обнаружено скопление железных шлаков, камней, обломков костей животных и фрагментов сосудов.

Для именьковской культуры характерен обряд трупосожжения. Умерших сжигали на стороне, кальцинированные кости собирали, очищали от углей (возможно, иногда даже промывали, однако приблизительно 10,5%* могил содержали кости, неочищенные от остатков костра), после чего высыпали в могилу – по всему дну или компактной кучкой в центре (вариант – у одной из стенок, преимущественно северной). Нет ни одного случая помещения костей в сосуд-урну. Изредка кости лежат двумя кучками или даже тремя. Иногда кости лежали в углублении, вырытом в дне могилы.

Исследователь именьковских могильников П.Н. Старостин отмечал, что в заполнении почти всех погребений встречались отдельные мелкие кальцинированные косточки, а иногда и мелкие угольки (Старостин П.Н., 1985).

Около половины могильных ям имели овальную форму, приблизительно четверть – прямоугольную с закругленными углами, остальные круглую или квадратную (рис 13). Изредка встречаются ямы треугольной, восьмеркообразной или неправильной формы. Длина могил колеблется от 60 до 160 см, ширина – от 40 до 80 см. При этом преобладают ямы длиной 60-120 см, шириной 60-80 см. Длина, как правило, немного превосходит ширину. Могил удлинённых пропорций практически нет. Глубина могил от 15 до 110 см, преобладают ямы глубиной от 60 до 80 см. Стенки могил вертикальные или слегка наклонные. Дно большинства ям плоское, реже чашевидное или ступенчатое; иногда в

* Здесь и далее показаны проценты от общего числа опубликованных погребений.

дне ямы бывает небольшое углубление. Встречаются могилы с двумя-тремя ступеньками. Назначение углублений в дне не выяснено.

Ориентировка могильных ям различна. На II Рождественском могильнике преобладают ямы, вытянутые с северо-востока на юго-запад и с севера на юг, на IV Маклашевском — с севера на юг и с северо-запада на юго-восток. Более 70% могил Рождественского могильника ориентированы параллельно течению реки, на Богородицком и IV Маклашевском могильниках почти половина могил перпендикулярна направлению реки.

Погребальный инвентарь именьковских погребений небогат. Больше половины захоронений сопровождается глиняными сосудами: их в могилах обычно от одного до трех. (Более трех сосудов в погребении встречается очень редко.) Сосуды в могилах помещались среди костей, или к югу от них в центральной части могилы, т.к. кости в большинстве случаев находились у северной стенки. Относительно сторон могильной ямы расположение сосудов различно, но приблизительно половина их находилась в центре могилы. В тех случаях, когда в дне могилы было углубление, сосуды ставились в него. По мнению В.Ф.Генинга, сосуды носят следы вторичного обжига в костре. Кроме целых сосудов, около трети погребений каждого могильника содержат фрагменты сосудов, не имеющие следов вторичного обжига. Они встречаются как в заполнении могилы, так и на дне ее. В погребении 93 Рождественского могильника найдены кусочки шлака.

В погребениях встречаются украшения, принадлежности костюма: бронзовые и железные поясные пряжки, накладки, наконечники ремней, коньковые, кольцевидные с полукруглыми выступами подвески, бусы. Многие украшения представлены обломками и носят следы пребывания в огне, стеклянные бусы обычно сильно оплавлены. Встречаются мелкие бронзовые гвоздики и заклепки от каких-то деревянных изделий. Из орудий труда встречаются ножи, шилья, пряслица, обломки оселков из песчаника. Оружие в именьковских могилах с трупосожжениями никогда не встречается.

Расположение погребального инвентаря по отношению к костям различно. В половине случаев вещи перемешаны с пережженными костями. Реже они находятся на дне могилы несколько в стороне от костей. В Рождественском могильнике некоторые вещи найдены в заполнении могил.

Отдельные погребения сопровождалась мясной пищей. Об этом свидетельствуют находки в могилах необожженных костей животных. Обычно кости обнаруживают на дне или в заполнении могильных ям.

Погребальный обряд именьковской культуры очень стандартен: в большинстве исследованных могильников безраздельно господствовал обряд трупосожжения с помещением кальцинированных костей непосредственно в яму. Однако имеются исключения. В Ташкирмень-

ском могильнике обнаружены два погребения, из которых одно было совершено по обряду кремации, другое – труположение. Могила прямоугольной формы размером 280x160 см была вытянута с севера на юг. Глубина ее от древней поверхности 190 см. Стенки могилы почти отвесные. На глубине 140 см от уровня древней поверхности в засыпке прослеживалась меловая подсыпка толщиной около 3 см. В южной части могильной ямы на глубине 160 см от уровня древней поверхности в заполнении могилы лежал череп коня, обращенный резцовой частью на запад, а также кости нижнего отдела конечностей.

На дне могилы находился костяк взрослого мужчины без черепа, лежавший в вытянутом положении на спине головой на север. Руки вытянуты, правая нога согнута в колене. Погребение сопровождалось тремя плоскодонными сосудами, четырьмя бронзовыми пряжками, железными шилом и ножом (Старостин П.Н., 1984).

В Коминтерновском могильнике из 48 вскрытых погребений 31 трупосожжение, 15 труположений и 2 кенотафа. Обряд и инвентарь погребений, совершенных по обряду трупосожжения, типичен для именьковской культуры. Могилы имели подчетыреугольную форму и были ориентированы по линии север-юг. Длина ям 40-95 см. Умерших сжигали на стороне и кальцинированные кости ссыпали на дно могилы. Погребения сопровождалось 2-3 сосудами, которые ставили обычно в южную часть могилы. Бронзовые и серебряные изделия, побывавшие в огне, обычно сильно оплавлены. Сосуды в могилах плоскодонные, типичные для именьковской культуры.

Исследователь могильника Е.П.Казаков выделил две группы сосудов. К первой он отнес слабопрофилированные изделия с примесью шамота, имеющие грубообработанную неровную поверхность, ко второй – более тонкостенные сосуды с высокой цилиндрической шейкой, резким переходом к раздутому тулову, с дном небольшого диаметра. Иногда поверхность сосудов второй группы тщательно заглажена, встречаются сосуды с лощением. Орнамент на сосудах отсутствует. Изделия из металла в погребениях с трупосожжениями немногочисленны.

Погребения с труположениями на площадке могильника располагались, перемежаясь с трупосожжениями, среди них 3 мужских, 6 женских и 6 детских. Могилы имели прямоугольную форму. Длина могил с погребениями взрослых достигала 240 см и даже 300 см при ширине от 80 до 110 см. Глубина могил взрослых иногда составляла 200 см. Для всех могил характерна большая ширина. Так для детских могил отношение длины к ширине составляло 2:1, соотношение могил взрослых, соответственно, 3:1. Это связано с тем, что в изголовье или в ногах умерших находились сосуды, в которые помещалась пища. Погребение 46 находилось в могиле с уступами – заплечиками шириной 10 см вдоль длинных стен. В двух погребениях в стенке в ногах погребения

бенного были вырыты углубления, в которые были помещены жертвенные комплексы, состоящие из черепа и ног лошади, лежащих в анатомическом порядке.

Погребенные лежали в вытянутом на спине положении головами на север, руки были вытянуты вдоль туловища (рис 14). В погребениях 46, 47 черепа имели искусственную деформацию. Видимо, умерших помещали в гробы, т.к. на дне могил прослеживался древесный тлен. Иногда в могилах находились обожженные плашки.

Погребенные сопровождалась остатками мясной пищи, от нее сохранились ребра, позвонки, трубчатые кости крупного и мелкого рогатого скота. За исключением 6 случаев погребенные сопровождалась сосудами, типичными для именьковской культуры. Они помещались в изголовье или ногах. В погребении 46 в ногах находилось седло, в погребении 47 – уздечка, в погребении 6 – колчан со стрелами. За редким исключением умерших помещали в могилу в одежде с украшениями. Погребения с труположениями богаче, чем погребения, совершенные по обряду кремации.

Для детских погребений характерны ожерелья, пронизки, браслеты, гривны, подвески, в том числе антропоморфные и зооморфные. В мужских могилах встречены огнива, кинжал, остатки конского снаряжения и поясного набора. Особенно богатыми были женские захоронения. В них найдены ожерелья из крупных янтарных, стеклянных, коралловых бус, разнообразные бронзовые и серебряные украшения, коробочки и т.д. Именно в двух женских погребениях обнаружены вышеупомянутые комплексы из черепа и костей ног лошади и поясные наборы с бронзовыми и серебряными накладками.

Характерной особенностью могильника является наличие двух кенотафов, в одном из которых, видимо, была захоронена кукла, т.к. на месте пояса были обнаружены две пряжки и нож. Во втором кенотафе найдены остатки седла.

Наличие в Коминтерновском II могильнике погребений, совершенных по обряду ингумации, видимо, обусловлено включением в именьковскую среду иноэтничных групп населения.

Исследователь Коминтерновского II могильника Е.П.Казаков объясняет появление труположений в именьковском некрополе влиянием турбаслинских племен, с чем невозможно согласиться. Обычай помещать в могилы жертвенные комплексы, состоящие из головы и ног лошади для турбаслинских племен, не характерен. Таких комплексов нет ни в одном из типично турбаслинских могильников: ни в Ново-Турбаслинском, ни в Дежневском, ни в Шареевском. Лишь в Кушнарниковском могильнике было обнаружено два погребения (2 и 27) с конскими головами и ногами, однако Кушнарниковский могильник нельзя безоговорочно включать в число турбаслинских памятников, т.к. это синкретический памятник: в нем наряду с двумя типично

именьковским трупосожжениями обнаружены погребения, совершенные по турбаслинскому и кушнареновскому обряду. Обычай сопровождать погребенных жертвенными комплексами, состоящими из челюстей и конечностей лошади, был характерен для кушнареновских племен. На расположенном рядом с Кушнареновским могильником одноименном селище представлена именьковская и кушнареновская керамика.

Трупоположения в именьковских могильниках пока немногочисленны, поэтому трудно решить вопрос о происхождении группы населения, оставившей эти трупоположения. Однако есть некоторые основания искать исходный район их миграции в южнорусских степях. Именно там встречаются погребения с седлами, украшенными ленточками из золотых пластин, с уздечками, предметами вооружения и украшениями.

Вместе с тем многие вещи из погребений с трупоположениями типичны для памятников именьковской культуры. Это сосуды, бронзовые посоховидные булавки (рис. 28, 28), трапециевидные подвески, антропоморфные и зооморфные (коньки) подвески, пряслица. Это свидетельствует о смешении местного именьковского и пришлого населения.

Керамика именьковской культуры

Самую массовую категорию находок в могильниках составляют целые сосуды, а на поселениях – их фрагменты. Керамические комплексы раннего лбищенского этапа и развитой именьковской культуры несмотря на ряд общих черт, имеют некоторые различия, поэтому керамика каждого хронологического этапа будет рассмотрена отдельно. Н.П.Салугина, исследовавшая лбищенскую керамику методом бинокулярной микроскопии пришла к выводу о том, что основная масса сосудов с поселений лбищенского типа (91%) сформована из глины с примесью шамота и навоза (Салугина Н.П., 2000 с. 229). В коллекции с городища Лбища выделяется посуда, изготовленная как чисто ручным способом, так и с использованием гончарного круга. Например, на 14 сосудах-мисках зафиксированы следы применения гончарного круга при их изготовлении. Н.П.Салугина считает, что для материалов городища Лбища характерно довольно низкое развитие функции гончарного круга, когда он использовался в роли поворотного столика и лишь частично для заглаживания поверхностей верхних частей сосудов (Салугина Н.П., 2000 с. 230).

Большая часть сосудов содержит примесь крупного шамота. Зёрна примеси выступают на поверхности сосуда и делают её шероховатой, бугристой. Другие сосуды сформованы из глины с примесью тщательно измельчённого шамота. Их поверхности аккуратно заглажены

или подлощены, поэтому они имеют гладкую, а иногда блестящую поверхность.

Сосуды делятся на горшки и миски. Изредка встречаются воронкообразные крышки и диски-лепёшечницы.

Горшки составляют самую многочисленную категорию посуды: они различны по размерам: от огромных корчаг для хранения зерна и других продуктов до миниатюрных сосудиков, служивших солонками или игрушками. Большинство горшков не имеют орнамента. Изредка встречающийся орнамент располагается на венчиках и состоит из насечек или вдавлений округлой формы.

Горшки лбищенского этапа делятся на два отдела.

1. Со сглаженным ребром в месте максимального расширения тулова (рис. 15, 4-6).
2. Округлобокие (рис. 15, 1-3, 7, 11-19).

В первом отделе выделяются три типа горшков.

Тип I – горшки с короткой, отогнутой наружу шейкой и с ребром в верхней части сосуда выше середины высоты сосуда (рис. 15, 4).

Тип II – горшки с расширенной кверху шейкой и с ребром в середине высоты сосуда (рис. 15, 6).

Тип III – горшки с расширенной кверху шейкой и с ребром ниже середины высоты сосуда (рис. 15, 5).

Все три типа находят аналогии в зарубинецкой культуре и в позднезарубинецких памятниках (Максимов Е.В., 1982, С. 12, т. 11, 6, 7; Кухаренко Ю.В., 1964, табл. 5, 20).

Горшки второго отдела более многочисленны и разнообразны, они делятся на 12 типов (рис. 15, 1-3, 11-19).

Тип I – горшки с короткой, отогнутой наружу шейкой. Максимальное расширение тулова находится на середине высоты. Диаметр дна меньше диаметра устья сосуда (рис. 15, 11) или равен ему (рис. 15, 3).

Тип II – горшки с короткой прямой шейкой. Максимальное расширение – выше середины высоты сосуда. Диаметр дна чуть больше диаметра устья сосуда (рис. 15, 1).

Тип III – горшки с короткой прямой шейкой. Максимальное расширение расположено на середине высоты сосуда. Диаметр дна немного меньше диаметра устья (рис. 15, 2).

Тип IV – горшки с короткой, отогнутой наружу шейкой. Максимальное расширение в средней части сосуда. Диаметр дна вдвое меньше устья сосуда (рис. 15, 7).

Тип V – горшки с короткой, отогнутой наружу шейкой. Максимальное расширение ниже середины высоты сосуда. Диаметр дна меньше диаметра устья (рис. 15, 8).

Тип VI – горшки с короткой, отогнутой наружу шейкой и мешковидным, сильно раздутым туловом. Максимальное расширение ниже середины высоты сосуда (рис. 15, 10).

Тип VII – приземистые горшки с прямой цилиндрической или расширенной кверху шейкой. Максимальное расширение в середине высоты сосуда. Диаметр дна чуть меньше диаметра устья сосуда (рис. 15, 17-19).

Тип VIII – горшки с довольно высокой цилиндрической шейкой и сильно раздутым туловом, максимальное расширение которого находится на середине высоты сосуда. Диаметр дна значительно меньше диаметра устья (рис. 15, 12).

Тип IX – сосуды с высокой, расширенной кверху шейкой. Максимальное расширение тулова на середине высоты сосуда. Диаметр дна почти равен диаметру устья сосуда (рис. 15, 13).

Тип X – очень крупный сосуд с высокой цилиндрической шейкой. Максимальное расширение расположено на середине высоты сосуда. Диаметр дна чуть больше диаметра горла (рис. 15, 16).

Тип XI – сосуд с довольно высокой, сильно отогнутой наружу шейкой и сильно раздутым туловом, максимальное расширение сосуда находится на середине его высоты. Диаметр дна меньше диаметра устья сосуда. Это единственный сосуд орнаментированный двойной волнистой линией (рис. 15, 15).

Тип XII – сосуд высоких пропорций с расширяющейся кверху шейкой и вогнутым вовнутрь краем венчика. Максимальное расширение выше середины высоты сосуда. Дно меньше диаметра устья. На плечиках орнамент, состоящий из двух прямых параллельных линий (рис. 15, 14). Сосуд подправлен на гончарном круге. На его поверхности выщербленки от каких-то выгоревших примесей.

Большинство горшков второго отдела находят аналогии в керамических комплексах памятников зарубинецкой (Максимов Е.В., 1982, с.12, табл. II, 3; Кухаренко Ю.В., 1964, табл. 4, 16) и черняховской культур (Баран В.Д., 1981а, 1986, с.201, рис. 263). Три сосуда с цилиндрической или слегка расширенной кверху горловиной и сферическим туловом (рис. 15, 12-13) находят аналогии в средне- и позднесарматских погребениях курганных могильников от Волги до Правобережья Днепра (Синицын И.В., 1960, с. 159-163, рис.7, 10, 16, 11; 21, 13).

Миски также многочисленны и весьма разнообразны. Они делятся на три отдела: 1) остросереберные (рис. 15, 1, 4, 7, 8, 11, 12, 15, 18) со сглаженным ребром (рис. 16, 2, 5, 9, 16, 23); 3) округлобокие (рис. 16, 3, 6, 10, 14, 17, 21, 22).

Внутри отделов выделяется 16 типов. Остросереберные миски первого отдела делятся на 7 типов.

Тип I – приземистые открытые миски с отогнутым наружу венчиком и ребром с внутренней стороны при переходе от шейки к плечу. Снаружи острое ребро в месте максимального расширения (рис. 16, 1).

Тип II – миски с утолщенным, скошенным наружу венчиком и ребром на плечике (рис. 16, 4).

Тип III – миски биконической формы без шейки (рис. 16, 3).

Тип IV – миски высоких пропорций с отогнутым наружу венчиком и острым ребром в месте максимального расширения (рис. 16, 8).

Тип V – миски с короткой, расширенной сверху шейкой, острым ребром в месте максимального расширения. Нижняя часть тулова слегка выпуклая (рис. 16, 11).

Тип VI – миски с сильно расширенной сверху шейкой и острым ребром в месте максимального расширения, которое находится ниже середины высоты сосуда (рис. 16, 15).

Тип VII – миски высоких пропорций с короткой, расширенной сверху, шейкой, острым ребром в месте максимального расширения сосуда, расположенного выше середины высоты (рис. 16, 13, 18).

Миски второго отдела делятся на 3 типа.

Тип VIII – приземистые открытые миски с расширенной сверху шейкой и со сглаженным ребром, расположенным в месте максимального расширения в верхней части миски (рис. 16, 2).

Тип IX – миски с расширенной сверху шейкой и сглаженным ребром в месте максимального расширения в верхней части сосуда (рис. 16, 5, 9).

Тип X – миски с расширенной сверху шейкой и сглаженным ребром в месте максимального расширения, расположенного в верхней части миски и суженным дном, иногда имеющим невысокий поддон (рис. 16, 19, 23).

Миски третьего отдела делятся на 6 типов.

Тип XI – миски с цилиндрической шейкой, выпуклым округлобоким туловом. Максимальное расширение находится на середине высоты (рис. 16, 3).

Тип XII – миски с короткой, расширенной сверху шейкой и округлобоким туловом. Максимальное расширение находится на середине высоты (рис. 16, 6).

Тип XIII – миски высоких пропорций с короткой, расширенной сверху, шейкой и округлобоким туловом. Придонная часть тулова слегка вогнутая (рис. 16, 10).

Тип XIV – миски с прямой шейкой, округлобоким туловом. Максимальное расширение чуть ниже середины высоты. Придонная часть тулова чуть выпуклая (рис. 16, 14).

Тип XV – миска высоких пропорций с очень короткой цилиндрической шейкой и округлобоким сильно раздутым туловом (рис. 16, 21).

Тип XVI – приземистая миска с сильно расширенной сверху шейкой, округлобоким туловом, переходящим в плоское дно. Максимальное расширение на середине высоты сосуда (рис. 16, 22).

Большинство мисок находит аналогии в керамических комплексах классической зарубинецкой культуры (Максимов Е.В., 1982, с. 15 табл. IV, 9, 12, 13, 17). Отдельные экземпляры напоминают миски пшеворской культуры (рис. 16, 11). Тип II с утолщенным, косо срезанным венчиком (рис. 16, 2) находит аналогии в керамическом материале Чертовичского могильника (Медведев А.П., Пряхин А.Д., 1987 рис. 1, 6).

Миски сформованы из хорошо перемешанной глины с примесью мелкого шамота и навоза; как уже отмечалось, на 14 из них выявлены следы применения гончарного круга. Все миски тщательно заглажены, а некоторые подлощены. Одна миска орнаментирована насечками по венчику, остальные орнамента не имеют (рис. 16).

Воронкообразные крышки (рис. 15, 20) находят аналогии в памятниках зарубинецкой культуры (Максимов Е.В., 1982 с. 106, табл. 21, 20).

Глиняные диски в памятниках лбищенского этапа немногочисленны. Почти все они плоские, без бортиков, со слегка утолщенным краем, отдельные экземпляры имеют невысокие бортики. Их верхняя поверхность тщательно заглажена, а нижняя бугристая, с отпечатками рубленой соломы и мякины. Аналогичные диски встречаются в зарубинецкой (Кухаренко Ю.В., 1964, табл. 7, 21, 23), пшеворской (Козак Д.Н., 1983, с. 84, рис.4, 13) и киевской (Терпиловский Р.В., 1984, 20 с. 111, табл. 20, 12) культурах.

Керамический комплекс развитой именьковской культуры в целом во многом близок к лбищенскому. Преобладающим рецептом формовочных масс керамики (95, 4%) являются: глина + шамот + навоз жвачных животных (Салугина Н.П., 2000, с. 232). Все сосуды изготовлены ручным способом. При формовке использовалась подставка, случаи её применения фиксируются по наличию подсыпки песка или золы. Н.П.Салугина считает, что населению именьковской культуры был знаком гончарный круг, но использовался он исключительно в качестве поворотного столика (Салугина Н.П., 2000, с. 233-234). Как и лбищенская посуда именьковской культуры по характеру обработки поверхности и размерам зёрен шамота, используемого в качестве примеси, делятся на грубую бугристую и тщательно заглаженную.

В развитой именьковской культуре сосуды делятся на горшки, миски, стопки, диски-лепешечницы.

Преобладают горшки. Среди них есть большие сосуды для хранения зерна и миниатюрные сосудики. По характеру обработки поверхности они делятся на грубые бугристые и заглаженные. Многие горшки имеют прототипы в лбищенских памятниках. Почти все они округлобокие, горшки со сглаженным ребром единичны (рис. 18, 12).

Выделено 6 типов горшков.

К типу I относятся горшки, расширяющиеся в верхней части тулова и сужающиеся к дну, имеющие округлые плечики и прямую или отогнутую наружу шейку (рис. 19, 1-3). Максимальное расширение находится выше середины высоты. Края венчиков срезанные прямо или косо, иногда округлые. Диаметр дна всегда меньше диаметра устья сосуда. По высоте выделяются два подтипа сосудов.

Подтип А. Высокие сосуды, высота которых больше диаметра максимального расширения тулова или равна ему (рис. 19, 1-2).

Подтип В. Низкие сосуды, высота которых меньше диаметра максимального расширения тулова (рис. 19, 3).

Ко II типу относятся горшки с удлинённым яйцевидным туловом, расширяющимся в средней части и сужающимся к дну и горлу. Максимальное расширение находится в середине высоты сосуда. (рис. 19, 4-8). Шейки сосудов прямые или слегка отогнутые. Венчики срезаны горизонтально или закруглены.

Подтип А. Горшки с невысокой прямой шейкой и плавно расширяющимся к середине туловом. Диаметр дна несколько меньше диаметра горла (рис. 19, 5).

Подтип Б. Высокий сосуд с суженным дном и горлом. Шейка отогнутая (рис. 19, 6). Представлен единственным экземпляром из Коминтерновского могильника (Казаков Е.П., 1998, рис. 5, 2).

Подтип В. Очень высокий сосуд с узким, расширяющимся кверху горлом и широким дном (рис. 19, 7). Представлен одним экземпляром, происходящим из Маклашеевского IV могильника (Старостин П.Н., Чижевский А.А., 1993, с. 36, рис. 7, 1).

Подтип Г. Невысокие горшки с широким горлом и более узким дном (рис. 19, 8).

Тип III включает сосуды усечённо-биконической формы без шейки (рис. 19, 9-10). Максимальное расширение чуть ниже середины высоты сосуда. В месте максимального расширения – сглаженное ребро (Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. 1960, с. 139, рис. 6, 2). Аналогичные сосуды известны в шеворской культуре, например в могильнике Спице-меж (Седов В.В., 1979, с. 274 рис. 13, 1), а также в памятниках липецкой культуры (Баран В.Д., 1981 с. 248, т. LXXIII, 12, 13).

К типу IV относятся горшки с высокой цилиндрической шейкой, сильно раздутым округлобким туловом и узким дном (рис. 19, 11-13). Максимальное расширение находится на середине высоты или чуть выше (рис. 19, 11). Аналогичные сосуды известны в позднескифских (Погребова П.Н., 1958 с. 171, рис. 27, 30) и в зарубинецких памятниках Украины (Максимов Е.В., 1982, с. 123, т. II, 11). Большинство сосудов этого типа имеют лощение.

Тип V включает немногочисленные горшки яйцевидной формы без выраженной горловины с вогнутым внутрь венчиком с прямо сре-

занным краем (рис. 19,14). Аналогичные сосуды представлены в могильнике Брест-Тришин (Кухаренко Ю. В., 1980, с. 31, т. VII, 7) и в памятниках вельбарской культуры низовьев Вислы, но особенно многочисленны в памятниках германских племён в приэльбских районах, где они появились в I в. н. э. и бытовали вплоть до конца римского времени (Кухаренко Ю. В., 1980, с. 31).

К VI типу относится сосуд из Маклашеевского V могильника (Старостин П.Н., Чижевский А.А., 1993, с. 36, рис. 7, 5), имеющий усечённоконическое почти не профилированное тулово и слабо отогнутый венчик (рис.). Эта форма представлена на славянском поселении Кодын V-VIII на р. Прут (Русанова И. П., Тимощук А.А., 1984, с. 15, рис. 11, 3; с. 68, табл. IV, 7). Аналогии этому типу сосудов есть среди керамики Карпатских курганов (Смішко М.Ю. 1960. Т. XII, 6; XVII, 7; XIX, 4).

Большая часть горшков не орнаментирована. Орнамент встречается чаще на грубых сосудах с бугристой поверхностью. Он состоит из косо поставленных насечек (рис. 18, 4) или круглых вдавлений (рис. 18, 5) на венчиках. В Нижнем Прикамье и Ульяновском Поволжье есть сосуды с пояском из круглых ямок на шейке (рис. 19,4).

Одни типы горшков встречаются очень часто, другие представлены единичными экземплярами, так наиболее часто распространены горшки варианта А I типа, вариантов А, Г II типа, а также горшки IV типа. Сосуды III и V типов встречаются довольно редко, а сосуды вариантов Б, В II типа единичны.

Миски в развитой именьковской культуре встречаются значительно реже, чем в памятниках лбищенского типа. Все они округлобокие и делятся на 4 типа.

Тип I – миски с короткой отогнутой наружу шейкой, округлобоким туловом с максимальным расширением выше середины высоты и цилиндрической придонной частью. Диаметр дна значительно меньше диаметра устья (рис. 19,16). Аналогичные миски известны в памятниках пшеворской культуры (Русанова И.П., 1976).

Тип II – миски с прямой или отогнутой шейкой, округлобоким туловом, плавно переходящим к довольно широкому дну (рис. 19, 17).

Тип III – открытые миски чашевидной формы (рис. 19, 18, 21).

Тип IV – высокие округлобокие расширяющиеся кверху миски с широким устьем и более узким дном (рис. 19,19).

Поверхности большинства мисок заглаженные или полощённые. Орнамент на мисках встречается очень редко.

Стопки единичны, они представляют собой небольшие расширяющиеся кверху сосуды усечённоконической формы без выраженных шеек (рис. 19, 22).

Диски-лепешечницы в развитой именьковской культуре весьма многочисленны, они делятся на два типа:

а) с невысоким бортиком (рис. 24, 18);

б) без бортика (рис. 24, 19, 20).

Верхняя поверхность их заглажена и довольно часто покрыта беспорядочно расположенными круглыми ямками. На нижней поверхности заметны отпечатки мякины и зерен.

Таким образом, преемственность керамических комплексов лбищенского этапа и развитой именьковской культуры не вызывает сомнения. Много общего в технологии изготовления посуды. Совпадает состав формовочных масс, характер обработки поверхности сосудов, в частности, деление посуды на грубую, бугристую и лощёную. Правда процент сосудов с подлощённой поверхностью на лбищенском этапе значительно выше, чем в развитой именьковской культуре. Одинакова бедность орнаментации и её расположение на венчиках сосудов. Среди лбищенской керамики можно указать протипы именьковских сосудов. Так именьковские горшки варианта А I типа очень близки к горшкам IV типа с городища Лбища, горшки варианта А II типа развитой именьковской культуры аналогичны горшкам III типа лбищенского этапа. В именьковской культуре часто встречаются сосуды с высокой цилиндрической шейкой и сильно раздутым округлобоким туловом (рис. 19, 11) близкие к сосудам VIII типа с городища Лбища.

Вместе с тем в развитой именьковской культуре появляются новые типы сосудов, не характерные для лбищенского этапа, например сосуды III и V типов. Интересно, что аналогии им можно найти в пшеворской (Седов В.В., 1979, с. 274, рис. 13,1) и вельбарской (Кухаренко Ю.В. 1980, с. 31, т. VII, 7) культурах.

Всё вышесказанное позволяет прийти к выводу об участии в формировании развитой именьковской культуры наряду с потомками лбищенских племён, пришедших в Среднее Поволжье в IV или даже в III веке и пшеворского населения, появившегося в регионе после гуннского нашествия в конце IV или в начале V века.

Пряслица именьковской культуры сформованы из глины с примесью мелкого шамота. Они имеют усеченно биконическую форму и отличаются большим единообразием (рис. 24, 13-17). Различаются лишь размеры пряслиц и диаметры сделанных в них отверстий. Отдельные экземпляры (рис. 29) орнаментированы точечным или волнистым узором.

Из других глиняных изделий можно отметить льячки в виде ложечки (рис. 31, 7, 8), конические (рис. 31, 5, 6) или цилиндрические (рис. 31, 4) тигли.

На многих именьковских поселениях встречены глиняные фигурки животных (рис. 34): лошадей, собак, реже свиней, коров, кошек. Изредка встречаются и антропоморфные фигурки (рис. 34, 3). На некоторых поселениях найдены глиняные бусы круглой и каплевидной формы (рис. 25, 5-8).

Племена именьковской культуры обитали в лесостепной зоне и южной части подзоны широколиственных лесов, климатические и почвенные условия которых благоприятны для занятия земледелием и скотоводством.

Основой экономики племен именьковской культуры было пашенное земледелие, которое впервые появляется в Поволжье и широко распространяется здесь именно благодаря именьковцам.

Именьковские племена распахивали надпойменные террасы речных долин с аллювиальными почвами, плодородие которых регулярно восстанавливалось благодаря наносному илу. Под пашни использовались также достаточно высоко расположенные незатопаемые половодьем земли, где применялась переложная система земледелия, при которой после некоторых лет эксплуатации пахотное поле временно превращали в пастбище или сенокос и вновь начинали пахать и сеять на нем после восстановления плодородия земли. Эта система землепользования помогала также бороться с сорняками. Аналогичная система была у германцев, которые, по словам Тацита, «ежегодно меняли пашню и не прилагали усилий, чтобы умножить трудом плодородие почвы».

Изучение древних почв на территории и в окрестностях крупного именьковского селища Ош-Пандо-Нерь на Самарской Луке в Самарской области позволило обнаружить почвы, имеющие признаки длительного, не менее нескольких десятилетий использования под пашню с применением рыхлящих и обрабатывающих почву орудий на глубину около 30 см, сопровождающегося эрозией почвы. О наличии перелога свидетельствуют культуры, возделываемые именьковцами и специфические для этой системы сорняки (васильки).

Основным пахотным орудием было легкое деревянное рало с железным наконечником-наральником; наральники (рис. 20, 13, 15; рис. 26, 1, 2) являются частой находкой на именьковских поселениях. В качестве тягловой силы во время пахоты использовались лошади и волы.

Именьковские племена возделывали злаковые культуры – просо, ячмень (ведущие культуры), рожь, овес, полбу, а также бобовые, в частности, горох. Обугленные зерна этих культурных растений неоднократно находили в культурном слое именьковских поселений. Вероятно, именьковцам были знакомы также корнеплоды – репа и редька.

Выращенный урожай убирала серпами (рис. 24, 9, 10), которые также являются частой находкой на именьковских поселениях; использовали и косы-горбуши, обломки которых найдены на городище Старая Майна и других памятниках.

Зерно собранного урожая хранили в специальных глубоких ямах, облицованных изнутри деревом. Ямы закрывались сверху деревянными

ми крышками, обмазанные глиной. Без доступа воздуха зерно могло храниться в таких ямах несколько лет. Ямы для хранения зерна в массовом количестве встречаются на любом именьковском поселении, составляя его характерную черту. С целью уничтожения грызунов держали кошек, которые впервые появляются в Поволжье вместе с приходом сюда племен именьковской культуры.

Для помола зерна использовались каменные ротационные мельницы, состоящие из двух каменных дисков-жерновов с отверстием в центре, помещенных один на другой.

Природные условия Среднего Поволжья были благоприятны для разведения скота. Широкие поймы речных долин и водораздельные участки разнотравной и разнотравно-злаковой степи обеспечивали скот достаточной кормовой базой и использовались как под летние пастбища, так и для заготовки сена на зиму. Кроме того, скот прикармливали соломой, которая оставалась после уборки урожая и обмолота зерна. Орудиями для заготовки кормов служили все те же косы-горбуши и серпы.

Судя по найденным на поселениях костям животных, именьковские племена разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, свиней.

При раскопках городища Лбища на Самарской Луке, относящегося к раннему этапу именьковской культуры (IV век н.э.), выяснилось, что говяжье мясо было основным продуктом питания обитателей городища, причем для употребления в пищу забивали животных в возрасте 2 лет (50%) и 3-3,5 лет (50%). Специалисты-остеологи установили, что скот с памятников лбищенского типа был довольно малорослым и близким по своим параметрам скоту дьяковской культуры.

В V веке, с приходом в Среднее Поволжье новой волны переселенцев с запада, появляется и новая порода крупного рогатого скота южного степного облика, близкая разводимой в то время в Среднем Поднепровье. Отличительными чертами новой породы были крупные размеры, грубокостность, наличие небольших роговых стержней.

Среди костных остатков с именьковских поселений значительная доля принадлежит костям волов, которых использовали в качестве тягловой силы во время земледельческих работ. Доля лошадей среди костных остатков с именьковских поселений варьирует от 23% до 40%, причем преобладают особи в возрасте от 3 до 9 лет. Это свидетельствует об использовании лошадей в пищу, а также в качестве тягловой силы и для верховой езды – последнее подтверждается также находками удила, подпружных пряжек и других деталей конской сбруи.

У именьковских племен подзоны широколиственных лесов значительное место среди домашних животных занимала свинья – доля ее в стаде достигает 37%. На южных именьковских памятниках эта доля падает: например, среди костных остатков Муромского селища, рас-

положенного на Самарской Луке, кости свиньи составляют всего 16,7%. Параллельно на южных памятниках возрастает доля костей мелкого рогатого скота, достигая максимума на поселениях Самарской Луки – например, на упоминавшемся Муромском селище кости мелкого рогатого скота составляют 28,6%, на селище Выползово – 43,5%.

Из других животных следует упомянуть находки на именьковских поселениях костей собак, кошек, изредка – верблюдов. Последние попали в Среднее Поволжье, скорее всего, вместе с караванами, прибывавшими из Средней Азии или сасанидского Ирана.

Кроме собственно костных остатков в культурном слое именьковских поселений неоднократно находили глиняные фигурки лошадей, собак, коров, кошек (рис. 34).

Доля остеологических остатков костей других охотничье-промысловых животных именьковских поселений невелика. На городище Лбище, например, кости диких животных вообще не обнаружены. Однако в археозоологических коллекциях лесных городищ (“Шолом” у с.Балымеры, Троицкий Урай I) и селищ Самарской Луки (Выползово, Карлинское I, Новинки V, Муромское) имеется довольно большое количество костей диких животных, судя по которым объектами охотничьего промысла именьковских племен были лоси, бобры, медведи, совокупная доля которых составляет до 50% всей добычи. Мясо диких животных, несомненно, употреблялось в пищу.

На многих поселениях именьковской культуры встречено большое количество костей рыб, особенно осетровых, а также орудия рыбной ловли – железные рыболовные крючки, грузила от сетей и др.

Металлургия и металлообработка

Исследователи, занимавшиеся изучением именьковской культуры, отмечали высокий уровень развития металлургии и кузнечного производства у ее носителей.

К настоящему времени на раскопанных именьковских поселениях обнаружено шесть металлургических горнов. Два из них – простой ямной конструкции, возможно, с естественной тягой изучены вблизи селища Кармалы на Самарской Луке и на поселении Шигоны II, причем южнее кармалинского горна имеются выходы батских железных песчанников, которые могли использоваться в качестве рудных источников. Четыре горна, обнаруженные на городище Маклашеевка II и селище Рождествено IV в Татарстане, а также на поселении Шигоны II в Самарской области имели наземную конструкцию с глинобитными стенками и предгорновой ямой. В предгорновой яме горна городища Маклашеевка II найден фрагмент ошлакованного глиняного сопла для искусственной подачи (нагнетанием) воздуха при помощи мехов.

На многих именьковских поселениях найдены куски железной руды, крицы и шлаки. В качестве сырья именьковские металлурги использовали преимущественно болотные и луговые руды.

Именьковская культура располагает богатым ассортиментом железных орудий (рис. 20), оружия (рис. 21), деталей конской сбруи (рис. 21), костюма и предметов домашнего обихода. Номенклатура железных изделий насчитывает десятки наименований: ножи, серпы, косы-горбуши, кольца для насадки кос на рукоять, наральники, топоры проушные, топоры- кельты, тесла, мотыжки, зубила, долота, кузнечные клещи и молоты, напильники, пуансоны, шилья, рыболовные крючки, ложкари, наконечники стрел, дротиков, ножей, кольчуги, пластины от панцирей, удила, псалии, пряжки, булавки, сюльгамы, накладки для луков и т. д.

Металлографические исследования серии железных предметов именьковской культуры, найденных на городище Маклашеевка II и селище Щербеть I в Татарстане, показало, что они изготовлены как из железа и сырцово-неравномерно науглероженной стали, так и из высокоуглеродистой стали, которую получали путем цементации железных заготовок и только после этого из заготовок делали различные предметы. Имеются изделия, целиком изготовленные из высокоуглеродистой цементованной стали, и изделия с лезвием из этой стали, наваренным на основу из черного металла иного сорта, обычно на железное тело. Именьковские кузнецы применяли сварку железа и стали при изготовлении режущих частей и других конструктивных элементов орудий. Доля изделий из цементованной стали в изученных сериях составляет 57%, причем 43% приходится на цельностальные и 14% на сварные изделия (Герехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997).

Именьковские кузнецы владели навыком улучшения качества металла свободной горячей ковкой и оптимально подобранным температурным режимом, что свидетельствует о высокообразованных профессиональных навыках обращения с черным металлом. В своей работе именьковские кузнецы использовали разнообразные орудия – кузнечные молоты и молотки, клещи, долота и другие.

Сравнение технико-технологических характеристик металла именьковской культуры с металлом иных культурно-территориальных образований показывает значительное технологическое превосходство именьковцев над финно-угорскими племенами Поволжья V-VIII вв. н. э. и над металлургами и кузнецами пеньковской культуры, которые редко использовали цементацию и не обладали высокотехническими навыками ни в техникековки, ни в технике сварки.

По уровню развития кузнечного ремесла именьковские племена наиболее близки носителям черняховской культуры, распространен-

ной на территории Поднепровья и Поднестровья. Общими чертами именьковского и черняховского кузнечного производств являются:

- использование кричного железа и сырцової стали в качестве основных поделочных материалов;

- применение свободной горячейковки металла кузнечным молотом как основного технологического приема изготовления орудий;

- совершенное владение механической обработкой металла в горячем состоянии;

- широкое использование техники локальной цементации заготовки и готового изделия, а также применение техники сварки железа и стали в одном изделии.

Кузнечному ремеслу черняховской и именьковской культур наиболее свойственен тот технический уровень, который наблюдается у кузнецов позднеспешворских поселений южной Польши и памятников римского времени на территории Чехословакии, где широко использовалось наследие кельтской кузнечной традиции.

Наличие цветной металлургии подтверждается остатками меднолитейных мастерских, кусков бронзовых шлаков, находками тиглей, льячек, литейных форм, а также готовых изделий.

Остатки двух меднолитейных мастерских были выявлены на Щербетском острове I селище. На Именьковском городище найдена форма для отливки кольцевой подвески с выпуклинами (рис. 31, 3). Продукцию литейщиков составляли круглые подвески с выпуклинами, сьюльгамы, булавки, подвески-пирамидки, пронизки-трубочки (рис. 28), антропоморфные и зооморфные, амулеты (рис. 27).

Костяные изделия

Одна из отраслей производства именьковской культуры - косторезное дело. На всех именьковских поселениях встречаются распиленные кости, рога лося, быка, костяные заготовки, тупики, наконечники стрел, гребни, проколки, подпружные пряжки, рукоятки ножей и шильев.

Костяные наконечники черешковые (рис. 30). По форме сечения пера они делятся на несколько типов: 1) с треугольным сечением, 2) с ромбическим сечением (рис. 30, 3) с прямоугольным сечением (рис. 30, 16), 4) с восьмигранным сечением, 5) с линзовидным сечением (рис. 30). Черешки всех наконечников прямоугольные в сечении. Гребни с выпуклой спинкой и отверстием для подвешивания (рис. 30, 12). Есть гребень, украшенный изображением двух головок коня (рис. 30, 13).

Подпружные пряжки массивные, крупные (рис. 30, 8, 9).

Самая многочисленная категория костяных изделий - проколки из костей ног животных (рис. 30, 6-11). Иногда они очень крупные.

Часто встречаются амулеты из костей животных, например из крупной рыбьей кости (рис. 30, 5).

Встречаются тупики и разбивники, предназначенные для обработки кожи.

Украшения и детали костюма

Детали костюма и украшения именьковской культуры немногочисленны по сравнению с финно-угорскими культурами. Это объясняется прежде всего бедностью погребального инвентаря могильников.

К украшениям относятся серьги, шейные гривны, бусы, браслеты, перстни, к деталям костюма – сьюльгамы, булавки, фибулы, поясные пряжки, накладки, наконечники ремней.

Из головных украшений следует отметить серьги и височные кольца.

Наиболее распространенными являются серьги, изготовленные из круглой в сечении проволоки. Они делятся на два варианта. К первому относятся серьги из проволоки, согнутой в незамкнутое кольцо, концы которого не соединены, но близко подходят друг к другу (рис. 28). Один конец обычно заострен, а другой обрублен (рис. 28, 1, 2). Такие серьги найдены на Щербетском островном I селище, Маклашеевском II и Старо-Майнском городищах.

Ко второму варианту относятся серьги, изготовленные из тонкой проволоки в виде незамкнутого кольца, концы которого заходят друг за друга (рис. 28, 3). Изделия второго варианта иногда имеют крупный размер и проволока довольно толстая. Едва ли они использовались как серьги, скорее служили височными кольцами или, возможно, вплетались в косы. Оба варианта серег находят ближайшие аналогии в памятниках зарубинецкой культуры Верхнего Поднепровья и Полесья (Кухаренко Ю.В., 1964, с. 38, т. 16, 1, 2).

Ко второму типу относятся бронзовые калачиковидные серьги в виде незамкнутого кольца из круглого в сечении дрота, утолщенного в средней части и сужающегося к концам. Иногда в средней части кольца имеется утолщение биконической формы. Серьги этого типа найдены на Старо-Майнском городище (рис. 28, 4) и в Коминтерновском могильнике. Аналогичные серьги были распространены в памятниках конца IV-V вв. Например, в погребении у с. Верхнее Погромное (Засецкая И.П., 1994, табл. 28, 5).

К третьему типу относится единственная серьга, найденная на Маклашеевском II городище. Она серебряная с позолотой, полая, спаянная из двух половинок. Серьга украшена зернью и вставками из красного стекла (рис. 33, 5). Подобные серьги известны в памятниках IV-V вв.: в погребении на городище Беляус, в сарматском погребении у с. Котова, в погребении у с. Кара-Агач (Засецкая И.П., 1994, рис. 11, 1-4).

К четвертому типу относятся серьги в виде незамкнутого кольца с многогранником на одном конце (рис. 28, 6). Все они бронзовые. Серьги этого типа найдены на Кармалинском городище, селище Ош-Пандо-Нерь II (два экземпляра), в Кушнаренковском могильнике. В последнем они встречены в погребениях с поясными накладками геральдического стиля VI-VII вв. Подобные серьги особенно часто встречаются на Кавказе (Атаев Д.М., 1963).

Шейные гривны немногочисленны. Одна из них, найденная на Коминтерновском поселении "Курган", изготовлена из круглого в сечении бронзового дрота с гладко обрубленными концами. Она очень маленькая, видимо, детская. Ближайшие аналогии этой гривне имеются в рязанских могильниках стадии В по П.П.Ефименко (Ефименко П.П., 1926, с. 67). Три гривны из Коминтерновского могильника были изготовлены из круглых в сечении бронзовых дротов. Концы их загнуты в виде крючков, которые заходили друг за друга. Подобные гривны встречаются в памятниках мазунинской (Останина Т.И., 1997, с. 253, рис. 7, Ю 1), пьяноборской (Генинг В.Ф., 1962, с. 21, рис. 7, 61), азелинской (Генинг В.Ф., 1963) культур.

Из того же могильника происходит гривна аналогичная двум предыдущим, но один ее конец имеет крючок, а второй расплюснен и имеет круглое окончание с круглым же отверстием, куда вставлялся крючок. Аналогии ей в Кошибеевском, Борковском и Кузминском могильниках (Спицын А.А., 1901, Т. VII, 12, Т. X, 3).

В зерновой яме Кармалинского городища вместе с сасанидскими драхмами найдена плоская серповидная гривна из сплава серебра и меди (рис. 25, 17). На концах гривны крючки для ее застегивания. По внешнему краю нанесен пуансоном точечный орнамент. Аналогичные гривны найдены в Борковском могильнике (Спицын А.А., 1901, Т. XVI, 1) и в могильниках ломоватовской культуры (Голдина Р.Д., 1985, с. 232, Т. XXIV, 58, 60).

Гораздо чаще шейными украшениями служили ожерелья, состоявшие из бус и пронизок. Пронизки - одно из самых распространенных украшений именьковской культуры. Они встречены почти на всех именьковских поселениях. Особенно много их на Старомайнском городище и селище Ош-Пандо-Нерь II.

Пронизки представлены двумя типами. К первому, наиболее широко распространенному, относятся пронизки в виде небольших трубочек, свернутых из тонких пластинок (рис. 28, 12). Ко второму типу относятся спиральные пронизки (рис. 28, 10). Они тоже бронзовые, свернутые из узких ленточек или проволоки. Наиболее ранние прототипы пронизок-трубочек и спиральных пронизок можно найти в памятниках зарубинецкой культуры (Кухаренко Ю.В., 1964, Т. 17, 26, 28; 18, 12; 17, 7, 8, 10, 27). В более позднее время они получают широкое

распространение в Поволжье и Прикамье (Голдина Р.Д., 1985, Т. XXIV, 14, 18).

Бусы в небольшом количестве представлены на всех поселениях и могильниках. В последних они сильно оплавлены и деформированы. По материалу бусы делятся на стеклянные, каменные, глиняные, бронзовые. Стеклянные делятся на три группы:

- 1) из прозрачного стекла;
- 2) из стекла с позолотой;
- 3) из пасты.

К первой группе относятся следующие бусы:

- 1) Дольчатые бусы из светло-голубого стекла (рис. 23);
- 2) Бусы в виде четырнадцатигранника из синего стекла;
- 3) Сдвоенные бусы голубого цвета;
- 4) Круглые слегка сплюснутые бусы из бледно-голубого стекла.

Наиболее многочисленны бусы из стекла с позолотой. Они таблетковидные или шаровидные, чуть сплюснутые с боков. Имеются позолоченные бусы с эллипсоидным сечением.

К третьей группе относятся бусы пастовые, глазчатые, полосатые, мозаичные. Одна большая мозаичная бусина веретенообразной формы найдена в жилище селища Ош-Пандо-Нерь II. Она датируется VI веком.

Глиняные бусы представлены на многих поселениях именьковской культуры, особенно на селище Ош-Пандо-Нерь II. Они разнообразны по форме: каплевидные (рис. 25), круглые, крупные выпукло-вогнутые. На селище Ош-Пандо-Нерь II найдена очень крупная таблетковидная бусина с орнаментом в виде шестиконечной звезды (рис. 28).

Бронзовые бусы представлены единственным экземпляром из Рождественского могильника. Бусина имела биконическую форму.

Каменные бусы найдены в Рождественском и Коминтерновском II могильниках, а также на селище Ош-Пандо-Нерь II. Они представлены эллипсоидной халцедоновой, круглой и четырнадцатигранной сердоликовыми, янтарными, колесовидной формы, а также бусами-пронизками из коралла.

Бронзовые и серебряные браслеты подразделяются на три типа:

- 1) дровые с утолщенными гладко обрубленными концами. Среди них выделяется бронзовый браслет с городища Лбища, он довольно массивный с утолщенными концами, украшенными гравированной елочкой (рис. 33, 8). Точно такой же браслет найден на поселении Ульяновка I киевской культуры (Терпиловский Р.В., 1984, с.103, таб.10). Аналогичные браслеты известны на поселениях добродзеньской группы в Польше (Кухаренко Ю.В., 1969, табл. LIII, 11) и в Борковском и Кузминском могильниках (Спицын А.А., 1901, Т. XVШ, 4);

- 2) бронзовый пластинчатый браслет с расширяющимися концами был найден на Коминтерновском поселении (Курган);

3) к третьему типу относятся серебряные проволочные браслеты довольно большого диаметра с городища Лбища. Возможно они использовались как височные кольца.

Железные браслеты из круглого в сечении дрота происходят из селищ Бахиловского и Ош-Пандо-Нерь II.

Перстни найдены только на Старомайском городище и в Коминтерновском могильнике. Один из них серебряный с подвесками (рис. 28, 20). Близкие к нему перстни представлены в рязанских могильниках: Борковском и Кузминском (Спицын А.А., 1901, таб. XIX, 1, 2). Два перстня изготовлены из тонких бронзовых полосок (рис. 28, 21). Один из них имел щиток подпрямоугольной формы (рис. 28, 19).

На Кармалинском городище найдено кольцо из широкого серебряного листа с бортиком по краю.

Подвески на памятниках именьковской культуры встречаются довольно редко. Из них наиболее распространенными являются кольцевые с выпуклинами (рис. 28, 7). Некоторые исследователи считают их солярными амулетами. На Именьковском II городище найдена форма для отливки таких кольцевых подвесок.

К числу амулетов принадлежат подвески, изображающие коня (рис. 27), а также антропоморфные фигурки (рис. 27). Единичными экземплярами представлены литые бронзовые подвески в виде утиных лапок (рис. 28, 16), полых фигурок медведя (рис. 28, 9), бутылкообразные подвески (рис. 28, 13) и колокольчики. Встречаются трапецевидные (рис. 28, 15) и треугольные подвески, изготовленные из медного листа, имеющие орнамент в виде круглых выпуклин, нанесенных техникой чеканки.

Из деталей костюма наиболее многочисленны булавки. Бронзовые и железные посоховидные булавки принадлежат к числу предметов, наиболее часто встречающихся на поселениях. Есть они и в Коминтерновском могильнике. Булавки круглые в сечении. Один конец булавок заострен, другой расплющен и загнут в незамкнутое кольцо. Иногда в кольцо продеты подвижные восьмеркообразные звенья (рис. 28, 28). Булавки найдены на Именьковском I, Татсунчалеевском, Старомайском городищах, на Щербетьском острове I, Коминтерновском (Курган), Ош-Пандо-Нерь селищах. Булавки имеют некоторое сходство с посоховидными булавами зарубинецкой культуры (Кухаренко Ю.В., 1964).

На поселении Романовка II найдена длинная железная булавка (рис. 28, 29) со спиральной головкой, аналогичная зарубинецким спиралевидным булавам (Кухаренко Ю.В., 1964, таб.15,1). Интересна небольшая бронзовая булавка со Старомайского городища, имеющая круглую в плане и коническую в профиле головку. Она не имеет аналогий в синхронных или хронологически близких более ранних куль-

турах. Близкие к ней булавки известны на памятниках восточнопоморской культуры (Кухаренко Ю.В., 1964, т. ХLI, 7).

Сюльгамы изготовлены из бронзы и железа. По характеру кольца они делятся на два типа.

Тип I. С округлым в сечении кольцом (рис. 28, 25-26). К этому типу относятся две маленькие бронзовые сюльгамы из Рождественского могильника. Концы сюльгамы обрублены.

Тип II. Сюльгамы этого типа изготовлены из железного круглого в сечении дрота с завернутыми в трубочку концами. Эти сюльгамы имели крупные размеры.

Тип III. Сюльгамы с расплюснутым пластинчатым кольцом из бронзы или железа. Одна такая сюльгама найдена на Именьковском I городище. Кольцо орнаментировано, игла тонкая бронзовая (рис 28, 27).

Сюльгамы широко распространены в Восточной Европе. Самыми ранними из них следует считать зарубинецкие сюльгамы с закрученными в трубочку концами (Кухаренко Ю.В., табл. 15, 7, 10).

В женских погребениях Коминтерновского могильника найдены фибулы. Они располагались попарно у ключиц погребенных. Две фибулы пластинчатые, имеющие лопаткообразное расширение в нижней части. Они были украшены нанесенными техникой чеканки выпуклыми-полугорошками. Фибулы имеют сходство с т.н. бантикообразными фибулами, встречающимися в погребениях мазунинской культуры (Останина Т.И., 1997, рис. 5, 4, 7; с.321, рис. 75, 11).

Крестообразная фибула из Старомайнского городища относится к рязано-окскому типу и датируется V - началом VI вв. Две фибулы имели пластинчатый щиток подпрямоугольной формы с тремя прямоугольными вырезами с каждой стороны.

Следует отметить, что фибулы не характерны для именьковской культуры. Возможно, наличие их в двух погребениях Коминтерновского могильника свидетельствует о присутствии инокультурных элементов.

Предметы поясной гарнитуры довольно многочисленны. Это прежде всего пряжки. Самые ранние экземпляры представлены на городище Лбище (рис. 23, 2). Это пряжки без щитка с овальным, утолщенным в передней части кольцом и подвижно укрепленным язычком, с клювовидным изогнутым концом и с квадратным выступом у основания (рис. 23). Такие пряжки встречаются на памятниках черняховской культуры. На городище также найдены полуовальные щитки от пряжек (рис. 23, 5).

Наибольшее количество пряжек найдено на Щербетьском острове I селище. Среди них преобладают пряжки с овальным утолщенным в передней части кольцом и удлиненным, выходящим за пределы кольца изогнутым язычком (рис. 32).

Щитки их прямоугольные (рис. 32) или трапециевидные (рис. 32). С Именьковского I городища происходит аналогичная, но изготовленная из железа пряжка с округлым кольцом и трапециевидным щитком.

Со Щербетьского островного I городища происходят железные пряжки трапециевидной и прямоугольной с закругленными углами формы, и В-образные железные пряжки. У одной из них овальное кольцо расплощено.

На Маклашеевском городище найдена бронзовая цельнолитая пряжка с длинной задней пластинкой, округло расширяющейся к концу. Аналогичные пряжки известны в азелинской культуре (Генинг В.Ф., 1963, таб. XXIII, 7).

Более поздним временем, вероятно, VI веком, датируется найденная на Щербетьском I селище цельнолитая пряжка с В-образным кольцом и треугольным щитком с округлыми выступами по углам. Аналогичная пряжка найдена в Бирском могильнике (Мажитов Н.А., 1968, с. 124, таб. 5, 35).

К VI веку относится пряжка, прямоугольная рамка которой найдена на селище Ош-Пандо-Нерь. Язычок пряжки, подвижно укрепленный, с выступающим гнездом у основания, в которое, видимо, был вставлен камень. Этим же временем датируется пряжка из Старо-Майнского городища.

На Старомайском городище, в Ташкирменском и Коминтерновском могильниках, найдены железные пряжки удлинненно овальной формы с подвижным язычком (рис. 33, 7). Аналогии этим пряжкам имеются в киевской и добродзеньской культурах, где они датируются IV веком.

Поясные накладки продолговатые с закругленными концами и ромбической или округлой средней частью (рис. 28, 17) встречаются довольно часто.

Серебряные наконечники ремня в виде коробочки найдены на Кармалинском городище (рис. 25) и в Коминтерновском могильнике.

Особый интерес представляют поясные наборы из погребений 26 и 43 Коминтерновского могильника. Один из них состоит из железной пряжки (рис. 14, 28), бронзовой свастикообразной накладки (рис. 14, 27), серебряных пластинчатых накладок (рис. 14, 29) и массивного двухпластинчатого наконечника ремня (рис. 14, 30) в виде полый коробочки. Точно такой же набор происходит из погребения 18 Бирского могильника (Мажитов Н.А., 1968, с. 131, табл. 12). Точные аналогии этим наборам привести невозможно, но скорее всего они имеют центральноевропейское происхождение. На это, как будто, указывает характер пряжек: удлинненноовальной железной из Коминтерновского могильника и рифленой из Бирского могильника, а также характер

орнаментации вещей: выпуклины-полугорошины, нанесенные техникой чеканки.

Накладки геральдического стиля найдены на городищах Ош-Пандо в Мордовии, в Маклашеевском IV, в Коминтерновском и Куш-наренковском могильниках, а также на Романовском II селище. Все они датируются второй половиной VI-VII вв.

К числу предметов, связанных с религиозными представлениями именковцев, относятся нашивные украшения – лунница (рис. 23, 6), найденная на городище Лбище.

Анализ материалов позволяет сделать вывод, что в именковской культуре нет украшений, присущих только ей одной. Все украшения связаны с иными культурами. При этом украшения делятся на две большие группы по своему происхождению. Одна из этих групп связана с финно-угорскими культурами Поволжья и Приуралья: рязанокской, азелинской и мазунинской. Украшения, относящиеся к этим культурам (полые фигурки медведей (рис. 28, 9) и уточек (рис. 28, 8), подвески бутылковидные, в виде утиных лапок, перстни с подвесками (рис. 28, 20), шейные гривны, подвески из раковин и т.д.) обычно многочисленны, а иногда представлены единичными экземплярами. Другую группу составляют украшения и предметы костюма, находящие аналогии в зарубинецкой, пшеворской, киевской культурах (пронизки-трубочки и пронизки-спирали, круглые подвески с выпуклинами (рис. 28, 7), булавки (рис. 28, 28), трапециевидные и треугольные (рис. 28, 15) подвески с орнаментом из полугорошин, нанесенных техникой чеканки). Все они, за исключением трапециевидных подвесок, наиболее часто встречаются на всех памятниках именковской культуры. Необходимо подробнее остановиться на сюльгамах. В литературе сложилось мнение о том, что сюльгамы имеют финно-угорское происхождение. Действительно, они довольно рано появились у племен пьяноборской культуры. В.Ф.Генинг отнес самые ранние пьяноборские сюльгамы к ступени В, которую датировал I веком н. э. У племен зарубинецкой культуры сюльгамы были известны раньше. Например, они имеются в погребениях могильника Велемичи I и Чаплинского могильника, функционировавших в последних веках I тыс. до н.э. (Кухаренко Ю.В., 1964).

Количественное соотношение украшений зарубинецко-пшеворского происхождения и украшений, имеющих поволжско-приуральские истоки, показывает, что последние попадали к именковским племенам в результате обмена, в то время как первые изготавливались ими самими, о чем свидетельствуют находки форм для отливки некоторых из этих украшений, например, формы для отливки круглой подвески с выпуклинами (рис. 31).

Проблема хронологии именьковской культуры до сих пор остается одной из самых дискуссионных в средневековой археологии Среднего Поволжья и Приуралья. В разное время исследователи именьковской культуры предлагали различные версии хронологических рамок культуры. В.Ф.Генинг датировал ее сначала III – IX веками н. э. (Генинг В.Ф., 1959, с. 208), а позднее III-VIII вв. (Генинг В.Ф., 1961, с. 42), П.Д.Степанов – VI-VII вв. (Степанов П.Д., 1967, с. 104), П.Н.Старостин с III-IV по VII в. н. э. (Старостин П.Н., 1967, с. 29), С.М.Васюткин – IV-VII вв. (Васюткин С.М., 1968а, с. 56-72), Н.А. Мажитов считал именьковскую (романовскую) керамику среднего течения р. Белой разновидностью турбаслинской посуды и датировал ее рубежом VI-VII вв. – X веком (Мажитов Н.А., 1977, с. 56). Е.П.Казаков считает, что именьковская культура могла появиться только в середине VI в. (Казаков Е.П., 1990, с. 31-32; Казаков Е.П., 1998, с. 110). А.В.Богачев, не определяя нижнюю дату именьковской культуры, ограничил ее верхнюю дату последней третью VI века (Богачев А.В., 1995, с. 18-20).

Подобные разногласия в определении хронологических рамок именьковской культуры объясняются тем, что инвентарь большинства именьковских погребений крайне беден и не содержит датирующих вещей, а из поселений лишь немногие подвергались масштабным стационарным исследованиям. Остальные отнесены к именьковской культуре на основании находок на них плоскодонной лепной керамики, делящейся по характеру обработки поверхности на грубую и лощеную.

Исследования последних лет позволили уточнить хронологию именьковской культуры.

Раскопки городища Лбище на Самарской Луке дали основание выделить ранний этап именьковской культуры, который представлен памятниками с материальной культурой типа выявленной на городище Лбище. К лбищенскому типу принадлежат городище и селище у с. Переволоки на Самарской Луке, Карлинское III селище в Ульяновской области, селище Полянки в Татарстане. Материалы, близкие к лбищенским, обнаружены на городище Ош-Пандо в Мордовии.

Для поселений лбищенского типа (могильники пока неизвестны) характерны наземные дома, иногда имеющие очажные котлованы, и своеобразная глиняная посуда, среди которой довольно многочисленны острореберные и округлобокие сосуды-миски. Многие горшки имеют сглаженное ребро в месте максимального расширения тулова. Довольно широко распространен обычай лощения поверхности сосуда.

Наиболее вероятная дата памятников лбищенского этапа – IV век н.э., поскольку большинство датирующих вещей, найденных на этих памятниках, находят аналогии в черняховской культуре III-IV вв. н. э.

К таковым относятся бронзовые поясные пряжки без щитков, имеющие кольцо полуовальной формы с утолщением в передней части. Их язычок с клювовидным изогнутым концом не выходит за пределы кольца и имеет у основания прямоугольный выступ (рис. 33, 3). Пряжки датируются IV веком. К тому же времени относятся найденные на городище полуовальные щитки от пряжек.

Происходящая с городища Лбища подвеска в виде сдвоенных цилиндрических ведерок (рис. 33, 10) находит аналогии в погребениях Чертовицкого могильника в Воронежской области (Медведев А.И., Пряжин А.Д., 1983) и в памятниках черняховской культуры. Она датируется III-IV вв. н. э.

В очажном котловане № 13 на городище Лбище найдена прогнутая подвижная фибула большого размера (рис. 33, 2). А.К.Амброз отнес подобные фибулы к четвертому варианту и датировал их концом IV - началом V века (Амброз А.К., 1966, с. 60-61). В том же котловане найден бронзовый браслет с расширенными концами (рис. 33, 8), украшенными гравировкой. Точно такой же браслет происходит из жилища I поселения киевской культуры Ульяновка I. Р.В.Терпиловский датирует его IV веком (Терпиловский Р.В., 1984).

Вещи конца IV-V веков найдены не только на Самарской Луке, но и в других регионах распространения именьковской культуры. Пряжки овальной формы с выходящим за пределы кольца язычком найдены на селище Ош-Пандо-Нерь (рис. 25, 4) и на городище Пролетарий на северо-востоке Самарской области. С Маклашеевского городища в Татарстане происходит полая серебряная серьга с вставками из красного стекла (рис. 33, 12). Она датируется концом IV-V вв. н. э.

Довольно многочисленны находки крупных железных пряжек без щитка с кольцом удлиненноовальной формы с коротким подвижно укрепленным язычком (рис. 33, 7). Они найдены на Старомайском городище в Ульяновской области, на городище Ош-Пандо в Мордовии (Степанов П.Д., 1967, с. 205, Т. XIX, 14), в погребении 10 Маклашеевского V могильника (Старостин П.Н., Чижевский А.А., 1993, С. 40, рис. 8, 19). Подобные пряжки обнаружены на поселениях киевской культуры: Роище и Ульяновка. Р.В.Терпиловский датирует их IV веком (Терпиловский Р.В., 1984). Аналогии им встречаются в памятниках добродзеньского типа на территории Польши, где они также датируются IV веком (Баран В.Д., Максимов Е.В., Магомедов Б.В., Вакуленко Л.В. и др., 1990, с. 189). В Среднем Поволжье эти пряжки, видимо, продолжают бытовать и несколько позднее, в V веке.

Развитая (классическая) именьковская культура датируется V-VII веками. Особенно многочисленны находки вещей V-VI веков. К ним относится найденная на Старомайском городище крестообразная фибула рязано-окского типа (рис. 33, 14). А.К.Амброз датировал такие фибулы V - началом VI в. (Амброз А.К., 1966).

V – первой половиной VI века датируются поясные пряжки (рис. 28) с овальным кольцом и прямоугольным, полуовальным или подтреугольным щитком и подвижно укрепленным язычком, не выходящим за пределы кольца (Богачев А.В., 1992, с. 147, рис. 23). Они найдены в погребении 24 Коминтерновского могильника (Казаков Е.П., 1998, рис. 23,6), на Именьковском I городище (Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1960, с. 247, рис. 9,5), в погребениях Рождественского могильника (Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К., 1962, табл. XVI, 22).

Особую важность для выяснения хронологических рамок именьковской культуры имеют находки монет – сасанидских драхм. Две монеты обнаружены в хозяйственной яме городища Троицкий Урай I в Татарстане. Одна из них относится ко времени правления Пероза (457-483 гг.), другая – ко времени первого правления Кавада (488-497 гг.)

Семь монет найдены в хозяйственной (зерновой) яме Кармалинского городища на Самарской Луке. Три из них отчеканены в 519, 524, 527 годах в период правления Кавада, четыре – в период правления Хосрова I в 538, 541, 545 годах (Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991). Все монеты укладываются в период с 457 по 545 год. Самая поздняя из монет не могла попасть на Волгу ранее середины VI века.

Хронологическими индикаторами верхней границы именьковской культуры являются детали поясной гарнитуры – пряжки, накладки и наконечники ремней геральдического стиля, характерные для культур степных кочевников. В культурах оседлого населения они встречаются редко, но тем не менее известны в славянской пражско-корчакской культуре. В небольшом количестве они представлены на многих памятниках именьковской культуры: на городище Ош-Пандо (рис. 33, 13) в Мордовии (Степанов П.Д., 1967, с. 207, Т. XXI, 4,5), в Маклашеевском V (Старостин П.Н., Чижевский А.А., 1993, с. 40, рис. 8, 20), и в Коминтерновском (Казаков Е.П., 1998, с. 115, рис. 3,2) могильниках в Татарстане, на Романовском II (рис. 33,15) и Кушнаренковском селищах в Башкортостане.

Наиболее богатый и самый поздний набор геральдических пряжек и накладок происходит из погребений Кушнаренковского могильника в Башкортостане (Генинг В.Ф., 1977, с. 83, рис. 3,1-14; с. 100, рис. 7, 8-28; с. 102, рис. 9, 9-11).

Многочисленность находок предметов поясной гарнитуры геральдического стиля в именьковских памятниках Башкортостана, видимо, объясняется тесными контактами приуральских именьковцев (романовцев) с турбаслинскими племенами.

Из других вещей, датируемых второй половиной VI – VII вв., следует упомянуть серьги в виде незамкнутого кольца с многогранником на одном конце. Они найдены в Кушнаренковском могильнике

(Генинг В.Ф., 1977, С. 98, рис. 6,17), на селище Ош-Пандо-Нерь и на Кармалинском городище (Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991).

Таким образом, хронологические рамки именьковской культуры определяются как IV – VII вв. н. э.

Социальная структура именьковского общества

Племена именьковской культуры достигли достаточно высокого уровня развития экономики, основу которой составляло пашенное земледелие и скотоводство. На базе прогрессивного сельского хозяйства интенсивно развивались ремесла: металлурги, кузнецы, бронзолитейщики, видимо, уже выделились из общины, и ремесленная деятельность стала их основным занятием. Об этом свидетельствует широкий ассортимент и высокое качество изделий, применение сложных технологий при их изготовлении и появление стандартных серий (Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М., 1997). Высокий уровень развития экономики определил характер общественных отношений и социальных институтов именьковского общества.

Изучение общественных отношений и демографии средневекового населения исследователи обычно основывают, главным образом, на материалах могильников, учитывая их планиграфию, количество и распределение погребального инвентаря в могилах, половозрастные характеристики погребенных и т. д.

В отличие от некрополей, в которых господствовал обряд группового погребения, именьковские могильники с преобладающим обрядом трупосожжения дают гораздо более бедную информацию о характере социальных отношений населения, их оставившего. Большинство погребений не содержит погребального инвентаря кроме сосудов или сопровождается небольшим количеством вещей: деталями костюма, единичными украшениями или орудиями труда. При этом вещи часто поломаны или оплавлены из-за пребывания в погребальном костре. Лишь немногочисленные погребения, совершенные по обряду ингумации, содержат значительно большее число вещей. Судить по погребениям о наличии имущественной и, тем более, социальной дифференциации именьковского общества нет никаких оснований. Более богатый материал для реконструкции общественных отношений дает исследование поселений, жилищ и хозяйственных сооружений. К сожалению, они недостаточно хорошо изучены. Так, из более чем 500 известных в настоящее время поселений лишь чуть более 80 подвергались раскопкам. При этом только два городища – Ош-Пандо и Именьковское II – раскопаны почти полностью, остальные исследованы частично, иногда совсем небольшими площадями. Несмотря на то, что мы располагаем далеко не полной информацией, некоторые представле-

ния об общественном строе именьковских племен получены в результате исследования их поселений.

Как уже отмечалось, именьковские поселения делятся на укрепленные городища и неукрепленные селища. При этом одни из городищ были постоянно обитаемыми, другие, как правило, меньшие по площади, служили убежищами на случай вражеского нападения.

Почти все именьковские поселения располагались группами – гнездами, в которые входило от 2-3 до 10 поселков. Такое же расположение поселений было характерно для всех славянских культур. Эта особенность размещения славянских поселений была отмечена византийским автором Маврикием: «Поселения славян так соприкасаются друг с другом, что между ними нет столь большого расстояния, чтобы о нем стоило упоминать» (Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I-VI вв.). М., 1994. с. 377).

Поселения располагались главным образом вдоль берегов крупных рек – главных водных путей. По размерам неукрепленные селища делятся на две группы.

Первую группу составляют небольшие поселки, площадь которых не превышает 20 тысяч кв. м. Вторую более крупные поселения площадью до 200 тысяч кв. м. Стационарное археологическое изучение групп – «гнезд» поселений не проводилось, поэтому до сих пор остаются неясными их структура и взаимосвязь.

Важным социальным признаком является характер планировки именьковских поселений. Обычно жилища располагались вдоль берега реки, образуя нерегулярные ряды. Хозяйственные сооружения (ямы-хранилища, сараи, очаги), как правило, находились рядом с домами, плотно занимая межжилищное пространство, но отсутствие оград не позволяет археологически выделить отдельные усадьбы. Поэтому невозможно говорить о наличии на именьковских поселениях обособленных и огражденных жилищно-хозяйственных комплексов – усадеб.

Важным характеризующим общину социальным признаком являются жилища: углубленные полуземлянки и наземные каркасно-столбовые дома со слабо углубленным в материк основанием. Размеры землянок различны: их площадь составляет от 20 до 64 кв. м. Длина каркасно-столбовых домов от 9 до 22 м, ширина их обычно близка к 5 м., т.е. их площадь от 45 до 110 кв. м. Большие дома площадью от 60 до 110 кв. м вероятно служили местом обитания больших патриархальных семей. Большая патриархальная семья могла состоять из нескольких малых семей, проживающих в отдельных полуземлянках. Численность такой семьи могла составлять 20-30 человек.

Поселки небольшого размера площадью до 10 тысяч кв. м были местом обитания отдельных больших патриархальных семей. Несколько таких поселков, составляющих «гнездо» видимо были местом обитания патронимий (Косвен М.О., 1963), которые Б.А.Тимошук на-

зывает большесемейной общиной (Тимошук Б.А. 1995, с. 3-12). На больших поселениях могло обитать несколько патронимий.

Следует обратить внимание на то, что в отдельных могильниках именьковской культуры (Коминтерновский II, Ташкирьменский, Кушнаренковский) представлены, наряду с трупосожжениями, погребения, совершенные по обряду ингумации, связанные с иноэтничными группами населения, жившими на одних с именьковцами поселениях. Все это дает основание предполагать, что население некоторых поселков было этнически неоднородным и, видимо, на них господствующими были не родственные, а территориальные (соседские) связи.

Таким образом, высокий уровень развития земледелия и скотоводства, выделение ремесленников в рамках общины, развитие обмена, значительные размеры поселений и жилищ и их планировка свидетельствуют о том, что именьковская община начинала приобретать черты территориальной, однако, родственные связи еще сохраняли свое значение, что выражается в сохранении большой патриархальной семьи, в наличии гнездового расположения поселений. На таких поселениях родственники и соседи образовывали единый коллектив, члены которого были связаны обычаем взаимопомощи и круговой поруки. Это подтверждается анализом письменных источников, в частности, варварских правд германских племен.

Таким образом, у именьковских племен еще существовала большая патриархальная семья, но уже наметился переход к территориальной общине и выделению малой семьи.

Верования именьковских племен

Уровень экономического развития племен именьковской культуры позволяет предполагать у них существование патриархально-родового строя в конечной стадии его развития, а следовательно, формы религии у них были уже весьма сложными.

Скорее всего именьковцы, как и другие группы славян, были язычниками. Письменные свидетельства на этот счет отсутствуют, однако некоторые археологические находки позволяют хотя бы частично восстановить религиозные представления именьковского населения.

Основным погребальным обрядом именьковских племен был обряд трупосожжения. В научной литературе существует много гипотез, пытающихся объяснить возникновение этого обряда. Одни исследователи полагают, что он связан с понятием человеческой души – духа и рассматривают его как проявление анимистических верований. Другие указывают на связь трупосожжения с истоками и развитием металлургии. Третьи возникновение обряда пытаются объяснить страхом живых перед умершими. Четвертые трупосожжение считают чисто гигие-

ническим обрядом, имеющим свои корни в культуре предков. Многие исследователи отмечают очищающую силу огня.

Г.Ф.Никитина полагает, что проблема эта не может решаться однозначно. Видимо, и страх перед мертвыми, и представление о ревноивой мстительности покойников, и гигиеническая роль обряда, закрепленная практикой многих поколений, и разделение мира в сознании на мир естественный и мир сверхъестественный, выражающийся, в частности, в анимистических представлениях, в морально-этических обязанностях коллектива, – все это уже было закреплено в религиозных взглядах, диктующих совершение этого, а не иного обряда (Никитина Г.Ф., 1974). Обряд трупосожжения был господствующим у рядового населения, вождей же и военачальников часто хоронили по обряду трупоположения (Тураевский курганный могильник).

Наряду с анимистическими верованиями можно отметить проявления фетишизма. На всех именьковских поселениях встречаются амулеты. Большинство их изготовлено из зубов и костей животных. Особенно многочисленны просверленные клыки медведя и более мелких хищников. Очень часто находят амулеты из челюстей куницы, а также из костей ног птицы. Самый крупный амулет изготовлен из черепной кости крупной рыбы (рис. 30).

Особую группу составляют антропоморфные амулеты. Они найдены на селищах Романовка II, Ош-Пандо-Нерь II, на территории с. Шелехметь, в окрестностях которого несколько селищ именьковской культуры, в Коминтерновском II, Кушнарниковском могильниках. Два антропоморфных амулета происходят из инокультурных могильников: Бирского и Ново-Турбаслинского.

Все амулеты бронзовые, литые; за исключением одного, происходящего из Романовского II селища, односторонние. Пять амулетов изображают обнаженных мужчин, два – одетых. Типологически амулеты распределяются следующим образом:

Тип I. Изображение мужское фаллическое. Голова удлинённая из-за высокого головного убора, видимо, мехового, что передано наклонными линиями. На лице видны только глаза в виде точек. Плечи прямые, опущенные вниз, руки расположены параллельно туловищу с отогнутыми в стороны кистями. Туловище тонкое вытянутое прямоугольное. На ноги с выделенными стопами одеты короткие сапожки. Ушко для подвешивания находится сзади. Амулет этого типа найден в с. Шелехметь (рис 27, 1). Ближайшие аналогии этот тип находит среди амулетов I типа северокавказских алан. За этим типом амулетов после публикации И.Т.Кругликовой укрепилось условное название “гуннский амулет” (Кругликова И.Т., 1957).

В пределах Северного Кавказа подвески этого типа найдены на Кубани и в Пашковском могильнике, в окрестностях г. Кисловодска, в могильнике Мокрая Балка. Вне территории Кавказа они найдены на

Боспоре (8 экз.) в Херсонесе, Чуфут-Кале, в Белосарайске Донецкой области (Ковалевская В.Б., 1995, с. 141), в Приаралье (Левина Л.М., 1968).

В.Б.Ковалевская датирует амулеты типа I по сопровождающему их инвентарю VI-VII вв. В памятниках Северного Кавказа IV-V вв. они полностью отсутствуют, что подтверждает точку зрения об их появлении в регионе в VI-VII вв. По мнению В.Б.Ковалевской, находки антропоморфных подвесок в грунтовых и катакомбных могильниках Северного Кавказа свидетельствует в пользу их алано-болгарской принадлежности. Обычно эти подвески встречаются в детских погребениях (В.Б.Ковалевская, 1995, с.142). В.Б.Ковалевская считает, что их можно связывать с погребальным обрядом, загробным супружеством или обрядом инициаций.

Тип 2. Бронзовые литые односторонние антропоморфные подвески менее геометризированные, чем тип 1. Они изображают обнаженных мужчин с удлинённой головой без головного убора. Руки разведены и опущены вниз параллельно туловищу. Ноги прямые, слегка расставленные в стороны. Черты лица слегка намечены или вообще отсутствуют. Изображения фаллические. Амулет с селища Ош-Пандо-Нерь II, возможно, изображает мужчину, одетого в рубаху (рис. 27, 2). Кроме ранее упомянутого селища, амулеты типа II найдены в Коминтерновском могильнике в Татарстане и в Бирском могильнике в Башкортостане.

Тип 3 очень близок к типу 2, но имеет некоторые отличия. Амулет изображает обнаженного мужчину. Голова продолговатая, четко обозначены черты лица: глаза, нос, длинные нависающие усы. Руки согнуты в локтях и кисти их лежат на талии. Ноги согнуты в коленях и расставлены, стопы выделены. Изображения фаллические. Поза изображенного аналогична позе человека из Мартыновского клада. Ушко для подвешивания с обратной стороны амулета. К третьему типу относится единственный амулет из Кушнаренковского могильника (рис. 27, 3).

К типу 4 принадлежит амулет из Ново-Турбаслинского могильника. Он изображает мужчину с удлинённой головой, с профилированным лицом, гравированными глазами, носом и усами (рис. 27, 4). Плечи покатые, руки опущены вниз, ноги прямые с четко выделенными стопами. Подчеркнута талия, туловище расширяется к бедрам. Мужчина одет в распашную одежду. Видна треугольная линия ворота. Подобные амулеты найдены в Дагестане и в Чечне (Ковалевская В.Б., 1995, с.143). В.Б.Ковалевская считает, что в пределах Северного Кавказа этот тип отражает производство восточных, возможно, хазарских мастерских. Она датирует этот тип VIII-IX вв. В Башкортостане амулет найден в погребении VI-VII вв.

Тип 5 представлен амулетом Романовского II селища. Он представляет собой объемное двухстороннее изображение обнаженного мужчины. Голова удлинённая, на лице обозначены только глаза, на

обратной стороне головы – ушко для подвешивания. Плечи округлые. Руки согнуты в локтях, их кисти лежат на животе – левая выше, правая ниже. Стопы ног выделены и направлены в разные стороны. Подчеркнут мужской половой орган (рис. 27, 5).

Как и на Северном Кавказе, в Коминтерновском II, Кушнаренокском, Ново-Турбаслинском могильниках антропоморфные амулеты происходят из женских и детских погребений.

Весьма интересен вопрос о происхождении антропоморфных амулетов. Наиболее ранние их находки происходят из погребений I-IV вв. некролей Херсонеса и других могильников Крыма: Усть-Альминского, Чернореченского, Заветнинского, Скалистого III и т.д. (Зубарь В.М., Мещеряков В.Ф. 1983). Изредка антропоморфные бронзовые подвески встречаются в сарматских погребениях Прикубанья и Поднепровья (ОАК за 1902. СПб, 1904, с. 73, рис. 156; Махно В.В., 1960, с. 27, рис. 15,3). Амулеты изображают бронзовых литых человечков в остроконечных головных уборах с широко расставленными руками и ногами, а также подчеркнутыми признаками мужского пола.

Использование человеческих изображений в качестве апотропеев было широко распространено в античном мире (Когаров Е.Г., 1913, с. 84-85). Они служили амулетами против колдовства и неблагоприятных влияний тайных злых сил, которые могли повредить как живым, так и погребенным. Видимо, амулеты не только клали в могилы, но и носили при жизни. Именьковские амулеты, как и крымские антропоморфные подвески, являлись оберегами, предназначенными для защиты их владельцев, в первую очередь девочек и женщин.

В именьковских могильниках Рождественском II, Кушнаренокском II, Коминтерновском встречаются зооморфные амулеты, изображающие коней. Они широко распространены в Среднем Поволжье, Прикамье, а также на Кавказе: в окрестностях Кисловодска, Кабардино-Балкарии. В Коминтерновском могильнике найдена односторонняя литая бронзовая подвеска, изображающая коня, обращенного головой налево, на спине – ушко для подвешивания. Подвеска найдена в погребении девочки.

Еще одна категория вещей, имеющих отношение к религиозным верованиям – глиняные зооморфные и антропоморфные фигурки. Они найдены почти на всех исследованных памятниках Нижнего Прикамья, Среднего Посурья, Ульяновского Поволжья. Только на Самарской Луке находки их единичны, а в Приуралье они вообще неизвестны. Всего в настоящее время известно более пятидесяти глиняных фигурок. Одни из них целые, другие представлены фрагментами. Фигурки изготовлены из хорошо промешанной глины, без ощутимых примесей и обожжены: это изображения домашних животных – лошади, собаки, барана, кошки, быка (рис. 34).

Фигурки человека более схематичны, голова и руки обычно представляют собой выступы, ноги широко расставлены (рис. 34).

Аналогичные фигурки найдены в синхронных славянских памятниках Молдавии и Румынии. Известны они и в более раннее время, например, в памятниках милоградской культуры. Наиболее близкие аналогии именьковским фигуркам обнаружены на Бельском городище VI-IV вв. до н. э., а также в других памятниках лесостепной Скифии и в соседних археологических культурах. Эти аналогии свидетельствуют о том, что развитие восточно-европейского земледельческого хозяйства и связанных с ним культов происходило не изолированно, а в процессе взаимодействия многих племен и народов, в тесном контакте древнего ираноязычного населения с общеевропейским. Пережитки этих культов сохранялись у многих народов вплоть до недавнего прошлого. Так, осетины на новогодний праздник пекут печенье, изображающее людей, животных, солнце и луну. Некоторые фигурки очень напоминают зооморфные глиняные статуэтки Бельского городища и других лесостепных поселений.

К числу солярных амулетов некоторые исследователи относят кольцевые подвески с выпуклинами (Ковалевская В.Б., 1995). Это самый распространенный тип подвесок именьковской культуры. Они найдены на городищах Ош-Пандо, Именьковском I, на селищах Ош-Пандо-Нерь II (рис. 25, 16) и Щербетьском островном I (рис. 28, 7), а также в Маклашевском IV, Рождественском II, Богородицком и в Коминтерновском могильниках. На Именьковском I городище встречена каменная форма для отливки кольцевых подвесок, что свидетельствует об их местном производстве. А.В.Богачев, посвятивший этим изделиям статью, картографировал их находки и пришел к выводу о локализации их в трех районах: 1) юго-запад Восточной Европы и примыкающие к нему районы Центральной Европы, 2) бассейн Средней Волги, 3) Кавказ. По его мнению, они впервые появились в латенизированных культурах, в частности, в зарубинецкой, как подражания латенским браслетам (Богачев А.В., 1998, с. 152-155).

Кольцевые подвески литые, круглые, с 7 или 9 выпуклинами, расположенными на равном расстоянии друг от друга. Иногда выпуклины размещаются по две рядом, а само кольцо украшено двумя рядами шнурового орнамента. Нередко такие кольца использовали в качестве застежек-сюльгам, для чего к кольцу прикрепляли железную или бронзовую иглу. Во всех могильниках, кроме Коминтерновского II, они встречаются в фрагментарном состоянии.

Этно-культурные контакты племен именьковской культуры

Именьковские племена поддерживали тесные связи как с ближайшими соседями, так и с населением весьма удаленных областей. На городище Ош-Пандо в среднем течении р. Суры найдены типично мордовские украшения, например, шумящие и конические подвески, на

основании находок которых исследователь городища П.Д. Степанов первоначально отнес его и другие поселения сурской группы к памятникам древней мордвы (Степанов П.Д., 1948, с. 42; Степанов П.Д., 1951б, с. 138).

На Старо-Майнском городище в Ульяновской области обнаружены вещи, находящие ближайшие аналогии в Рязано-Окских могильниках: серебряный перстень с шумящими подвесками (рис. 28, 20), бутылкообразные подвески колокольчики (рис. 28, 13), и крестообразные фибулы рязано-окского типа (рис. 33, 14).

На поселениях и в могильниках именьковской культуры встречаются украшения, имеющие широкое распространение в азелинской и мазунинской культурах (подвески из раковин (рис. 28, 22), подвески в виде полый фигурки медведя (рис. 28, 9) и другие).

Особенно тесными были связи именьковского (романовского) населения, обитавшего в среднем течении р. Белой, с турбаслинскими племенами, которые появились в Приуралье одновременно с именьковскими. В Дежневском могильнике, самом раннем турбаслинском памятнике, наряду с круглодонными турбаслинскими сосудами встречаются плоскодонные именьковские. В связанном с именьковским Кушнаренковским селищем одноименном могильнике наряду с погребениями, совершенными по обряду трупосожжения, встречаются трупоположения в типичных для турбаслинских племен могилах с заплечиками и подбоями в изголовье, в которые обычно ставился крупный сосуд. В турбаслинских, бахмутинских и именьковских погребениях встречаются оригинальные бронзовые антропоморфные амулеты-обереги (рис. 27). Столь тесное смешение именьковских (романовских) и турбаслинских племен возможно объясняется их совместным обитанием на одной территории до прихода в Южное Приуралье. Этой территорией могло быть Северное Причерноморье, а точнее, область распространения племен черняховской культуры, отличающейся своей синкретичностью. В состав ее входили сарматские, позднескифские, готские и славянские племена, жившие чересполосно в непосредственной близости друг от друга. Особенно это характерно для западной части черняховского ареала, для районов Нижнего Поднестровья и Подунавья, где Э.А.Рикман исследовал сарматские курганы рядом с синхронными черняховскими поселениями (Рикман Э.А., 1975). Именьковские и турбаслинские племена пришли в Приуралье из области распространения пластинчатых прогнутых подвязных и двупластинчатых фибул, т.е. из области распространения черняховской культуры.

На городище Уфа II, Ново-Турбаслинском, Романовском II селищах и других именьковских (романовских) поселениях левобережья среднего течения р. Белой наряду с именьковской керамикой встречается бахмутинская круглодонная посуда с ямочными вдавлениями по

всей поверхности сосуда, что скорее всего можно объяснить межплеменными браками. Однако на поселениях и в могильниках бахмутинской культуры на правом берегу р. Белой плоскодонная именьковская керамика никогда не встречается.

На всех романовских поселениях в Приуралье встречается кушаренковская керамика. Отдельные фрагменты кушаренковских сосудов найдены на именьковских поселениях Среднего Поволжья, например, на Щербетьском I островном селище (Старостин П.Н. 1967, табл. 26, 4), на Карлинском селище на Самарской Луке².

Иногда на именьковских поселениях и в могильниках встречаются украшения прикамско-приуральских типов: подвески-коньки (рис. 27), кольцевые подвески с полушарными выступами (рис. 28, 7), подвески в виде полых фигурок медведя (рис. 28, 9). Связи с населением среднего течения Оки, Камы и бассейна р. Белой несомненно осуществлялись по Волге и ее притокам.

Есть основания говорить о связях с гораздо более отдаленными областями, например, с Ираном. По великому Волжскому пути иранские купцы достигали не только среднего течения р. Волги, но и Прикамья. Об их связях с именьковскими племенами свидетельствуют находки серебряных сасанидских монет на памятниках именьковской культуры. Одна монета происходит с Именьковского городища. Две сасанидские монеты были найдены в одной из хозяйственных ям Троицко-Урайского городища вместе с типично именьковскими вещами: железным плоскоромбическим наконечником стрелы, железным полуовальным кольцом, костяной проколкой, подвесками-амулетами из резца бобра и челюсти куницы и обломками каменных жерновов. Одна из монет относится ко времени правления Пероза (457-483 гг.), вторая к периоду первого правления Кавада (488-497) (Старостин П.Н., 1987, с. 37).

Семь монет происходят с Кармалинского городища, расположенного на Самарской Луке. Они были найдены в хозяйственной яме вместе с тремя именьковскими сосудами, фрагментом диска-лепешечницы и железной пластинкой от панциря. Монеты и сломанные серебряные и бронзовые изделия были помещены в деревянную шкатулку. Среди этих изделий шейная согнутая гривна серповидной формы из сплава меди и серебра, сломанный серебряный наконечник ремня, обломки серебряного изделия цилиндрической формы, возможно перстня, кусочки золотой фольги. Семь монет, найденные в яме, являются позднесасанидскими драхмами. Все они были хорошей сохранности и не имели никаких повреждений. Три из них чеканены в период правления Кавда – в 519, 524, 527 годах, четыре других чеканены в период правления Хосрова I в 538, 541 и 545 годах.

² Устное сообщение Д.А. Стащенко.

Кармалинский клад – не первая находка сасанидских монет в Поволжье. От устья Волги до устья Камы известно 10 пунктов находок сасанидских монет. Этот факт дает основания для утверждения, что основным путем проникновения сасанидских монет в этот регион была река Волга. Видимо этим путем в Прикамье и Приуралье поступала и посуда из Сасанидского Ирана.

Происхождение именьковской культуры

На раннем этапе изучения именьковской культуры было высказано несколько точек зрения о ее происхождении и этнической атрибуции: в носителях именьковской культуры видели то местных поволжских финнов, то бургасов [Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954], то угромagyar [Степанов П.Д., 1964], то тюрок, пришедших из Западной Сибири [Генинг В.Ф., 1964].

Пополнение источниковой базы в последующие годы показало, что ни одна из названных выше гипотез о происхождении именьковской культуры не подтверждается археологически фиксируемыми фактами. Имеющаяся в настоящее время совокупность данных свидетельствует, что основой формирования именьковской культуры послужили западные культуры “полей погребений”. Первым обратился к поискам западных истоков именьковской культуры А.П.Смирнов: ссылаясь на сходство погребального обряда (кремации) и керамики именьковской культуры и могильника Волинцево, раскопанного в Сумской области на р. Сейм, он предположил, что в формировании именьковской культуры наряду с поволжскими финно-угорскими племенами приняло участие славянское население, пришедшее с левобережья Днепра [Смирнов А.П., 1971, с. 82].

Эта гипотеза не нашла поддержки у исследователей во-первых, потому, что могильник Волинцево датируется VIII веком н. э., т.е. временем, когда именьковская культура уже прекратила свое существование, в то время как истоки именьковской культуры следует искать среди культур первой половины I тыс. н. э.; во-вторых, трупосожжения могильника Волинцево не идентичны именьковским, поскольку креммированные останки погребались в глиняных урнах, отсутствующих в именьковских могильниках, для которых типичны простые ямные захоронения остатков сожжения.

Несмотря на неудачу первой попытки, поиски западных истоков именьковской культуры не прекратились.

Анализ материалов раскопанных именьковских памятников свидетельствует об их близости к материалам зарубинецкой и пшеворской культур [Матвеева Г.И., 1981, с. 52-73; Матвеева Г.И., 1986, с. 158-172]. Сходство погребального обряда и керамики именьковской и зарубинецкой культур отметили К.В.Каспарова [Каспарова К.В., 1986, с. 237]

и М.Б.Щукин [Щукин М.Б., 1994, с. 237]. Ряд деталей погребального обряда указывает на близость именьковских и славянских памятников. Поэтому была предпринята попытка обосновать славянскую принадлежность именьковской культуры [Матвеева Г.И., 1988, с. 11-13]. Эта попытка была поддержана В.В.Седовым [Седов В.В., 1994б, с. 49-65; Седов В.В., 1994в, с. 309-315], который отметил три возможные волны проникновения славян из области распространения пшеворской и черняховской культур в Поволжье [Седов В.В., 1994в, с. 315].

Иную этническую принадлежность именьковской культуры отстаивал А.Х. Халиков: разделяя точку зрения о формировании именьковской культуры на базе зарубинецкой, он видел в ее носителях не славян, а балтов. Не располагая археологическим подтверждением своей гипотезы балтской принадлежности именьковской культуры, А.Х.Халиков прибег к лингвистической аргументации, ссылаясь на наличие балтских заимствований в марийском, мордовском, удмуртском языках [Халиков А.Х., 1987, с. 81-89; Халиков А.Х., 1988, с. 119-126].

В настоящее время гипотеза о формировании именьковской культуры на базе культур "полей погребений" уже не вызывает споров; не до конца ясен лишь механизм ее сложения.

На рубеже эр юг территории Среднего Поволжья, включающий современный Татарстан, Ульяновскую область и северную часть Самарской области, оказался слабо заселенным. Племена ананьинской культуры, как считают исследователи, покинули эту территорию не позднее рубежа VI-V вв. до н.э. [Халиков А.Х., 1992; Марков В.Н., 1994, с. 77]. Городецкие племена обитали только на правобережной стороне р. Волги: на Самарской Луке и южнее, в районах Хвальнска и Саратова. Скотоводы-сарматы, занимавшие заволжские степи, редко заходили севернее рек Самары и Большого Кинеля. Слабая заселенность южной части Среднего Поволжья, с одной стороны, и наличие там благоприятных для ведения хозяйства природных условий, в особенности плодородных черноземных почв, с другой, сделали этот район привлекательным для переселенцев с других территорий, в частности, с запада.

Продвижение групп населения из Центральной Европы на восток началось еще в латенский период, во II-I веках до н.э. А.М.Обломский и Р.В.Терпиловский на основании анализа материалов Посеймья II-I веков до н.э. пришли к выводу, что "в формировании сейминской группы древностей принимали участие несколько компонентов, а именно: среднеднепровский, зарубинецкий, лукашевско-ясторфский и пшеворский" [Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991].

Позднее, во второй половине I века н.э., в связи с распадом зарубинецкой культуры на обширных пространствах Восточной Европы от

Прикарпатья до Волги происходят миграции зарубинецкого населения. Археологически фиксируемый результат миграций – появление новых культурно-хронологических групп памятников, получивших в литературе название поздnezарубинецких. М.Б.Шукин относит эти памятники к горизонту Рахны-Лютеж-Почеп [Шукин М.Б., 1986, с. 26-39]. По мнению некоторых исследователей, распад зарубинецкой культуры был вызван экологическими причинами, а именно – повышением среднегодовых температур, снижением влажности, вызвавшим понижение уровня грунтовых вод и общее высыхание почв [Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.С., 1990]. В поисках условий, более благоприятных для ведения традиционного земледельческого хозяйства, население Поднепровья, Поднестровья, а возможно, и более отдаленных западных районов, устремилось в разных направлениях, но главным образом на восток.

Поздnezарубинецкие памятники “зачастую синтезируют традиции не только зарубинецкой, но и других культур: пшеворской, юхновской, штрихованной керамики и распространяются далеко на восток за пределы территории классической зарубинецкой культуры. Эти памятники не составляют единую археологическую культуру, а представляют собой серию локальных общностей, в какой-то степени связанных общностью происхождения, поскольку зарубинецкий компонент присутствует во всех группах” [Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991, с. 3]. А.М.Обломский и Р.В.Терпиловский склонны видеть в поздnezарубинецких племенах упоминаемых Тацитом венедов и аргументируют правомерность такого отождествления фактами совпадения территории расселения поздnezарубинецких и зарубинецко-пшеворских групп с территорией венедов по Тациту, а также совпадения подвижного состояния венедов во времена Тацита, т.е. во второй половине I века н.э., с активными миграциями носителей зарубинецкой культуры [Обломский А.М., Терпиловский Р.В., 1991, с. 105-109].

Расселение поздnezарубинецких племен не ограничилось районом междуречья Днепра и Дона, как полагал А.М.Обломский, а распространилось далее на восток, вплоть до р. Волги: поздnezарубинецкие памятники со следами пшеворского влияния обнаружены в Тамбовской и Саратовской областях [Хреков А.А., 1991, с.116-126; 1995, с.3; 1997, с. 47-55]. Фрагменты поздnezарубинецких лощеных островерхих мисок встречены на Алексеевском городище близ г. Хвалынска. Самыми восточными из известных ныне памятников, оставленных западными переселенцами, являются селище Славкино I и однотипные ему поселения в Сергиевском районе Самарской области, в бассейне р. Кондурчи [Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П., 1981, с. 108-120]. Памятники славкинского типа приурочены к надпойменным террасам и высоким участкам пойм, находятся в окружении стариц и заболоченных понижений. На поселениях исследованы жилища со слабо

углубленными в грунт основаниями прямоугольной формы, имеющие размеры 12x5,6 м и 10,2x5,4 м. Следы наземных конструкций жилищ не фиксируются. Керамический материал поселения Славкино I находит соответствия в керамике поселения пшеворской культуры у с. Подберезцы Львовской области [Козак Д.Н., 1985], за исключением одного типа горшков с очень короткой шейкой и крутыми широкими плечиками, который неизвестен на поселении Подберезцы, но находит аналогии среди керамики полесского варианта зарубинецкой культуры [Максимов Е.В., 1982, с. 15, табл. IV, 7]. Миски с поселения Славкино I имеют некоторое сходство с мисками пшеворских памятников Верхнего Поднепровья.

Доля орнаментированной посуды на поселении Славкино I очень невелика – 4,2 %: эта черта сближает ее с пшеворской, но отличает от зарубинецкой, где процент сосудов, орнаментированных защипами и насечками по венчику, значительно выше. Идентичны славкинские и пшеворские глиняные диски и пряслица. Глиняные конусы с поселения Славкино I (рис) находят аналогии в памятниках черняховской культуры Верхнего Поднепровья [Баран В.Д., 1981, табл. XXVII].

Материал поселения Славкино I не вызывает сомнения в западном, наиболее вероятно – верхнеднепровском происхождении оставившей его группы населения. Датированных вещей на поселении не найдено, но общее сходство с керамическим и вещевым комплексом поселения Подберезцы позволяет считать оба памятника синхронными и на этом основании датировать поселение Славкино I I–III вв. н. э.

Еще одна группа памятников, хронологически предшествующая классическим именинским, выявлена на Самарской Луке и получила в литературе название лбищенской по наиболее исследованному городищу у пос. Лбище Ставропольского района. К этой же группе принадлежит городище Переволоки на Самарской Луке и несколько селищ. Оба городища располагаются на высоких, круто обрывающихся к Волге тупых мысах Жигулевского плато, ограниченных оврагами и снабженных укреплениями в виде дуговидных валов, отличительная особенность которых – наличие с внешней стороны полукруглых выступов-бастионов.

Для памятников лбищенского типа характерны наземные жилища со срубными стенами. Иногда вблизи стен встречались единичные столбовые ямы. На городище Лбище внутри наземных жилищ обнаружены очажные котлованы глубиной 0,3–0,5 м с длиной сторон от 1,5 до 4 м. На дне котлованов зафиксированы следы открытых очагов-коптищ, а иногда и ямы для хранения продуктов. На городище Переволоки наземные жилища не имели очажных котлованов.

Керамика поселений лбищенского типа по характеру обработки поверхности и составу формовочной массы делится на две группы: грубую, с бугристой поверхностью, специфическая фактура которой

обусловлена выступающими частицами крупного шамота, и тщательно заглаженную, даже подлющеную, с примесью мелкого шамота. Керамические формы представлены горшками и мисками. Среди разнообразных горшков преобладают экземпляры высоких пропорций, округлобокие или со сглаженным ребром на границе плечика и тулова. Миски двух основных разновидностей – округлобокие и острореберные. Орнамент на керамике встречается редко и состоит из насечек и вдавлений по венчику.

Керамическая серия городища Лбища находит ближайшие аналогии в материалах Чаплинского могильника и других памятников верхнеднепровского варианта классической зарубинецкой культуры. Воронкообразные крышки, найденные на городище Лбище, типичны для зарубинецких памятников Среднего Поднепровья. Немногочисленные глиняные диски без бортиков также имеют прототипы в классических комплексах зарубинецкой культуры. Отдельные сосуды находят аналогии в памятниках черняховской культуры.

Сходство с зарубинецкими верхнеднепровского варианта имеют и наземные жилища городища Лбища.

Городище Лбище датируется IV веком н.э. на основании находок поясных пряжек, характерных для этого времени и широко распространенных, в частности, в черняховской культуре, а также подвязной прогнутой фибулы IV варианта по А.К.Амброзу, имевшей хождение в конце IV – начале V века н.э. Несмотря на столь позднюю дату, керамический комплекс городища Лбища и других памятников лбищенского типа крайне архаичен и сохраняет облик керамики классической зарубинецкой культуры в большей степени, чем любая из позднерубинецких культурных групп. Это дает основание предполагать, что предки носителей лбищенского типа покинули территорию Поднепровья еще до распада зарубинецкой культуры и потому не испытали на себе инокультурного влияния. Переселившись в Поволжье, они сохранили исконную чистоту своей культуры.

В.В.Седов полагает, что миграция предков лбищенских племен осуществлялась из одного или нескольких регионов, в которых имело место смешение черняховского и пшеворского населения. Следы западной миграционной волны фиксируются не только в пределах Самарской Луки, но и в других регионах Среднего Поволжья. Керамический комплекс, близкий лбищенскому и легко распознаваемый благодаря наличию острореберных мисок и горшков со сглаженным ребром, обнаружен на селище Карлинское III в Ульяновской области [Буров Г.М., 1985, с. 129, рис. 6], городище Ош-Пандо в Мордовии [Степанов П.Д., 1967] и селище Полянки III в Татарстане [Казаков Е.П., 1986а, с.128, рис. 2, 3].

Зарубинецко-пшеворское влияние ощущается во многих культурах Поволжья и Приуралья первой половины I тысячелетия н.э.

Р.Д.Голдина вслед за В.В.Седовым считает, что в III-IV веках н.э. территории Среднего Поволжья достигает вторая миграционная волна западного населения, толчком для которой послужило переселение готов в Причерноморье в конце II века н.э. С новой волной мигрантов Р.Д.Голдина связывает появление курганных (в ее трактовке) азелинских могильников – Азелинского, Суворовского – и необычных воинских захоронений в Худяковском и Нивском могильниках. Перечисленные погребальные памятники она датирует III-IV веками и считает их принадлежащими пшеворско-черняховскому населению [Голдина Р.Д., 1999, с. 160-161].

Действительно, изобилующие оружием богатые погребения, несомненно, принадлежащие военачальникам, напоминают “княжеские погребения” Северной и Средней Европы, в том числе обнаруженные на территории пшеворской культуры. Многие металлические изделия азелинской и мазунинской культур находят ближайšie аналогии в пшеворских памятниках и восходят к кельтским образцам. К числу их относятся наральники, косы-горбуши, серпы, топоры-кельты, скобели. Большой интерес представляют погребения кузнецов в могильниках азелинской культуры – Азелинском (погребение 1) и Тюм-Тюм (погребение 45), сопровождаемые наборами кузнечных инструментов и железными изделиями, представляющими из себя готовую продукцию. В культурах Среднего Поволжья предшествующего периода подобные погребения не встречались, зато они хорошо известны в пшеворских памятниках, например, в могильнике в Весульках Калишского повята [Кухаренко Ю.В., 1969, с. 110].

Наиболее мощная миграция населения в Среднее Поволжье имела место в последней четверти IV века н.э. и, несомненно, была вызвана вторжением гуннов в Европу.

Следствием этой миграции явилось возникновение в Среднем Поволжье именьковской культуры, в формировании которой приняли участие потомки носителей славянского и лбищенского культурных типов, а также пришедшее с новой волной миграции западное население. Исходный район последней волны миграции пока не поддается определению, однако ясно, что его следует искать в области распространения культур “полей погребений”. В.В.Седов полагает, что мигранты вышли “из той области черняховской территории, где существенная роль принадлежала пшеворским и отчасти поздзарубинецким культурным элементам” [Седов В.В., 1994в, с. 315]. Очевидно сходство погребального обряда именьковской и зарубинецкой культур [Матвеева Г.И., 1981, с. 60-61], с чем в целом согласилась К.В.Каспарова, отметив, что можно говорить о совпадении основных, но далеко не всех норм погребального обряда и что между классической зарубинецкой и именьковской культурами имеется большой хронологический разрыв [Каспарова К.В., 1986, с. 17]. Действительно, именьковский погребаль-

ный обряд оказался близок не позднерубинскому, а обряду именно классической зарубинецкой культуры, которая прекращает существование в середине или третьей четверти I века н.э., за триста лет до возникновения именьковской культуры. Невозможно игнорировать и некоторые отличия именьковского погребального обряда от зарубинецкого, а именно: в именьковских погребениях вещи часто поломаны или обожжены, в то время как в зарубинецких они не носят следов воздействия огня; для именьковских могильников характерны только простые ямные трупосожжения, а в среднеднепровских и полесских зарубинецких встречаются захоронения кремированных останков в урнах; в именьковских погребениях полностью отсутствует оружие, а в верхнеднепровские зарубинецкие иногда помещали копьа.

Погребальный обряд именьковской культуры имеет гораздо больше общего с обрядом ямных захоронений пшеворской культуры. Именьковские и пшеворские могильники содержат обычно большое количество погребений, которые в настоящее время не имеют никаких внешних признаков, но, несомненно, имели их в прошлом, так как случаи нарушения ранних могил более поздними не отмечены. Господствует обряд трупосожжения, но иногда встречаются трупоположения, наличие которых традиционно объясняется инокультурными влияниями. В именьковских могильниках все погребения безурновые, кремированные останки ссыпались непосредственно на дно могилы; в пшеворских могильниках имеются и ямные, и урновые захоронения по обряду сожжения, причем количественное соотношение тех и других меняется в разные эпохи. Г.Ф.Никитина отмечает, что на позднейшей стадии римской эпохи, в конце III и IV веках н.э., “урновых захоронений становится значительно меньше, преобладают безурновые погребения” [Никитина Г.Ф., 1974, с. 64].

Формы и размеры могильных ям в обеих культурах одинаковы, за исключением того, что в именьковской иногда встречаются прямоугольные и даже треугольные могилы.

Кальцинированные кости в могилах обеих культур уложены компактной кучкой или рассыпаны по всему дну; нередко они встречаются в заполнении могил. Известны случаи расположения костей двумя отдельными скоплениями, которые обычно трактуются как парные захоронения. В большинстве случаев кости тщательно очищены от остатков погребального костра, реже – смешаны с ними.

В погребениях обеих культур иногда встречаются остатки напутственной пищи в виде костей животных.

В пшеворских могильниках от 80% до 100% могил содержат фрагменты разбитых сосудов наряду с целыми; Г.Ф.Никитина считает эту деталь специфически пшеворской [Никитина Г.Ф., 1974]. В связи с этим следует упомянуть, что фрагменты сосудов часто встречаются и во многих именьковских погребениях [Старостин П.Н., 1986а, с. 98].

Для обеих культур характерен один и тот же набор погребального инвентаря, который довольно беден: он включает глиняную посуду, иногда детали костюма (поясные пряжки, в пшеворских погребениях – фибулы, в именьковских – поясные накладки или подвески), украшения (бусы), предметы туалета (гребни), орудия труда (ножи, шилья, иглы, пряслица), а также небольшие бронзовые гвоздики, скреплявшие какие-то несохранившиеся предметы. В ямных пшеворских погребениях, как и в именьковских, оружие отсутствует. Все предметы погребального инвентаря носят следы пребывания в огне, при этом металлические изделия и бусы оплавлены. Некоторые предметы умышленно поломаны.

Сравнение погребального обряда именьковской культуры с пшеворским позднего римского периода показывает их значительное сходство. В.В.Седов считает ямные погребения пшеворской культуры славянскими, а урновые – германскими [Седов В.В., 1979].

Обряд трупоположения также использовался носителями обеих культур. Он не был массовым, но его нельзя рассматривать и как исключение. Обычно могильные ямы с трупоположениями находятся в пределах могильников с остатками сожжений.

Пшеворские трупоположения можно разделить на две группы: богатые, так называемые “княжеские”, и рядовые. Первые выделяются не только богатством инвентаря, но и конструкцией погребальных сооружений. В грунтовых могильниках места таких захоронений иногда обозначены курганами. Сами захоронения совершены в обширных могильных ямах с каменными или деревянными внутримогильными конструкциями, перекрытых деревянными накатниками. Иногда встречаются погребения в колодах и гробовищах. Ориентировка погребенных самая разнообразная, чаще южная с отклонениями. Умерших хоронили на боку, с подогнутыми ногами, или на спине, в вытянутом положении; для позднеримского времени более обычна вытянутая поза, при этом руки протянуты вдоль тела или одна из них помещена на живот [Никитина Г.Ф., 1974, с. 63].

Погребения, близкие пшеворским “княжеским”, встречаются в Среднем Поволжье и Приуралье. Особенно показателен в этом отношении Тураевский могильник. Памятник расположен в пределах территории мазунинской культуры, однако многие вещи из его погребений находят ближайшие аналогии в материалах ранних именьковских поселений (городища Лбище и Старая Майна), а в погребении I кургана III обнаружен именьковский горшковидный сосуд. Ряд деталей погребального обряда Тураевского могильника совпадает с пшеворским. На территории бескурганного могильника имелись отдельные курганы, в насыпях которых встречалось большое количество плитнякового камня, образывавшего первоначально какие-то выкладки. Могильная яма погребения I кургана I была облицована в два слоя каменными плитами; на дне ее зафиксирован древесный тлен от гробо-

вища. Погребенный был захоронен головой на юго-запад и сопровождался богатым набором инвентаря, в том числе оружием [Генинг В.Ф., 1976, с. 55-107]. В погребении кургана V топор был врублен в дно могильной ямы [Генинг В.Ф., 1976, с. 69] – обычай, распространенный в урновых погребениях пшеворской культуре.

В погребениях Тураевского могильника представлен богатый набор вооружения: наступательного (мечи, кинжалы, копья, топоры) и защитного (щиты, кольчуги, шлемы), предметы конской сбруи и поясные наборы. Любопытно, что при изобилии вооружения наконечники стрел в Тураевском могильнике немногочисленны: их найдено всего семь экземпляров, причем три из них не характерны для поволжско-уральского региона – они втульчатые, с пером ромбической и башневидной формы. Необычность Тураевского могильника в этом плане очевидна, поскольку прикамское, сибирское и степное кочевническое население этого времени было вооружено в первую очередь луком и стрелами. Однако эта особенность Тураевского могильника становится вполне объяснимой, если вспомнить, что вооружение пшеворских воинов римской эпохи состояло из меча, копья и щита; лук, судя по малочисленным находкам стрел, не имел широкого распространения [Кухаренко Ю.В., 1969, с. 113-114].

Таким образом, есть все основания сопоставлять погребения Тураевского могильника с пшеворскими “княжескими” погребениями.

Сложнее решить вопрос о происхождении обряда труположения в Коминтерновском II могильнике. Скорее всего, появление этого обряда у именьковского населения, оставившего этот могильник, связано с притоком инородных групп населения на территорию именьковской культуры. Об исходном районе миграции инородного населения судить пока трудно, однако наличие в составе погребального инвентаря некоторых вещей (пряжки, ленчики седел) позволяет видеть в пришельцах племени степной полосы Восточной Европы гунинского времени.

Поселенческие памятники именьковской и пшеворской культур также обнаруживают сходные черты. Для них характерно расположение “гнездами”, наличие большого количества ям-погребов для хранения продуктов. Жилые постройки представлены двумя типами: полуземлянками и наземными постройками столбовой конструкции, причем последние обычно двухкамерные, с помещениями для жилья и хозяйственной деятельности.

В пшеворской культуре известны крупные для своего времени центры выплавки железа, обслуживавшие округу, а может быть, всю группу пшеворских племен. Выявлено четыре специализированных центра: Свентокшиские горы, Новая Гута, окрестности сел Тархалице и Фаленты [Кухаренко Ю.В., 1969, с. 108-109]. Следы металлургического центра обнаружены и в пределах ареала именьковской культуры, на Самарской Луке, вблизи городища Торное II и одноименного селища.

Очевидна близость экономического уклада пшеворских и именьковских племен, основу хозяйства которых составляло земледелие. Земледельческие орудия именьковской культуры идентичны пшеворским позднеримского времени: сошникам, или, точнее, наральникам, серпам, косам-горбушам, жерновам. Почти полностью совпадают сельскохозяйственные культуры, возделываемые пшеворскими и именьковскими племенами – пшеница, просо, ячмень, овес, рожь, горох. Отличие в наборе культур заключается в том, что именьковцы возделывали еще и полбу, а пшеворцы – гречиху и коноплю.

Общие черты имеют пшеворский и именьковский керамические комплексы. Известно, что в позднеримское время происходит огрубление форм и техники выделки пшеворских сосудов. Вместо нарядных, по большей части чернолощеных резко профилированных горшков раннеримского времени появляются грубые выпуклобокие сосуды с нелощеной “хрповатой” поверхностью [Кухаренко Ю.В., 1969, с. 113]. Именно такие грубые округлобокие сосуды характерны для именьковской культуры. Ряд форм именьковских сосудов имеет прямые прототипы в пшеворской культуре позднеримского времени. То же можно сказать о некоторых металлических изделиях. Например, в именьковской культуре встречаются крупные железные пряжки с удлиненной овальной рамкой без щитка, – точно такие же пряжки были распространены в IV веке н. э. в добродзеньской группе пшеворской культуры.

Подобное сходство многих элементов культуры пшеворских и именьковских племен может быть объяснено только их генетическими связями.

Этническая атрибуция именьковцев

Вопрос об этнической атрибуции именьковской культуры более сорока лет находится в поле зрения исследователей. По существу, каждый из них предлагал свое решение этого вопроса. Так, Н.Ф.Калинин считал именьковцев финно-язычными буртасами [Калинин Н.Ф., 1951; Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954], В.Ф.Генинг – тюрками [Генинг В.Ф., 1961], П.Д.Степанов – угро-мадьярами [Степанов П.Д., 1964, с. 144-147]. А.П.Смирнов предполагал участие в формировании именьковской культуры финно-угорского и славянского компонентов [Смирнов А.П., 1971]. Нередко исследователи меняли свою точку зрения. Например, А.Х.Халиков, первоначально поддержавший гипотезу В.Ф.Генинга о тюркской атрибуции племен именьковской культуры, впоследствии предположил их балтскую принадлежность [Халиков А.Х., 1987; Халиков А.Х., 1988].

В 1988 году Г.И.Матвеева попыталась обосновать славянскую атрибуцию именьковской культуры [Матвеева Г.И., 1988]. Позднее ее поддержал В.В.Седов [Седов В.В., 1994а, 1994б]. В настоящее время эта

точка зрения приобретает все большее число сторонников [Баран В.В., 1997, с. 154].

О славянской принадлежности именьковских племен свидетельствует их погребальный обряд. Выше уже была отмечена его близость к обряду безурновых захоронений пшеворской культуры, которые В.В.Седов считает славянскими, в отличие от урновых, принадлежавших германцам [Седов В.В., 1979, с. 71]. Совпадает топография могильников, форма, глубина и размеры могильных ям, размещение кальцинированных костей в могилах, наличие сосудов и их фрагментов в погребениях, бедность погребального инвентаря и его основные категории. Общим является обычай бросать вещи в костер и умышленно ломать их перед помещением в могилу.

Нельзя не заметить общих черт погребального обряда именьковской и пражско-корчакской культур. Те же сравнительно небольшие размеры могильных ям, то же сожжение умерших на стороне, та же бедность погребального инвентаря. Существенным отличием погребального обряда пражско-корчакских племен является наличие урновых трупосожжений. Кроме того, к пражско-корчакской культуре наряду с грунтовыми принадлежат курганные могильники. Погребальный инвентарь подкурганных погребений так же беден, что вообще характерно для славянской погребальной обрядности. Еще Л.Нидерле отмечал, что славянские захоронения эпохи средневековья, в отличие от погребений соседних племен – балтов и финно-угров, – безинвентарные или сопровождаются единичными вещами, поврежденными на погребальном костре [Нидерле Л., 1956]. Предметы вооружения, орудия труда вообще не характерны для славянских погребений.

Особенно показательно отсутствие в именьковских погребениях этноопределяющих женских украшений, которые присутствуют почти в каждом женском захоронении балтов и финно-угров. Встреченные в единичных погребениях Рождественского, Богородицкого, Маклашевского V могильников коньковые, в виде гусиных лапок, и круглые с полушарными выступами подвески, а также сьюльгамы с полукруглыми утолщениями имеют финно-угорское происхождение. Типично именьковских украшений вообще не существовало, как не было их у всех славянских племен вплоть до VIII века, что также было подмечено Л.Нидерле [Нидерле Л., 1956].

Поселения именьковской культуры, как и все славянские, располагались группами – “гнездами”. Как и у племен пражско-корчакской культуры, основным типом жилищ у именьковцев были полужемлянки квадратной формы. В конструкции жилищ много общего, но есть и существенные различия, например, печи-каменки, типичные для пражско-корчакских жилищ, крайне редко встречаются в именьковских полужемлянках. Л.Нидерле отмечал, что славяне заимствовали у германцев печи-каменки лишь в конце IV века. У славян, ушедших со своей

исконной территории ранее этого времени, печей-каменок не было, например, у славян, переселившихся на Балканы [Нидерле Л., 1956].

Можно отметить черты именьковской керамики, общие с керамикой других славянских культур. Сходство наблюдается в рецепте формовочных масс, включающих глину, шамот и органику. Преобладают горшковидные формы. Одинакова бедность орнаментации, а порой полное ее отсутствие. Для всех славянских культур второй половины I тыс. н. э., как и для именьковской, характерно широкое распространение глиняных дисков – лепешечниц, а также миниатюрных сосудов, видимо, служивших солонками.

Одинаковы типы глиняных биконических пряслиц.

По мнению В.В.Седова, славянскую принадлежность именьковской культуры можно доказать ретроспективным методом. Он считает, что значительная часть именьковского населения на рубеже VII-VIII веков покинула Среднее Поволжье под натиском болгар и переселилась на левобережье Среднего Поднепровья, где в это время возникла вольницевская культура, близкая к именьковской. Впоследствии на основе вольницевской сформировалась достоверно славянская роменская культура.

Славянская принадлежность именьковской культуры подтверждается данными лингвистики. В.В.Напольских выявил в пермских языках ряд славянских заимствований первой половины и середины I тысячелетия н. э., что дало ему основание полагать, что в первой половине – середине I тысячелетия н. э. в Среднем Поволжье и Нижнем Прикамье существовало население, говорившее на диалектах праславянского типа. По-видимому, с этим населением связано распространение в поволжском регионе пашенного земледелия с рожью в качестве озимой культуры. Этим населением могли быть племена именьковской культуры [Напольских В.В., 1996, с. 197-206]. На наличие ранних славянских заимствований в удмуртском языке указывает и другой исследователь, Р.Ш.Насибулин [Насибулин Р.Ш., 1992].

Арабские и персидские авторы IX-XI вв. называют волжских болгар славянами (ас-сакалиба). Даже Ибн-Фадлан, секретарь посольства багдадского халифа Ал-Муктадира, направленного в Поволжье по просьбе болгарского царя, называет болгар славянами. Арабский автор Шамс ад-Дин ад-Димашки сообщает, что волжские болгары на вопрос кто они такие, отвечают: “Мы – народ смешанный из тюрк и славян” [Марджани Ш.Б., 19, с. 10].

Следует отметить, что на территории распространения именьковской культуры встречаются славянские гидронимы: Бездна, Утка, Майна, Черемшан, Сулица, Сок. Их доболгарское происхождение подтверждается упоминанием некоторых из этих гидронимов Ибн-Фадланом, побывавшим на Волге в 922 году (Сух – Сок, Джарамсан – Черемшан, Банасна – Бездна).

Из этого следует, что в начале X века население Волжской Болгарии состояло из тюркских и славянских племен. Волга в восточных

источниках IX-XI вв. называется Славянской рекой. Учитывая это, можно допустить, что в составе поволжского населения заметное место принадлежало славянам, а население Волжской Болгарии на первых порах было, как и в Дунайской Болгарии, смешанным славяно-болгарским. Даже если допустить, что значительная часть именьковского населения под напором болгар ушла на левобережье Днепра, где приняла участие в формировании вольтынской культуры, другая часть именьковцев осталась в Поволжье и внесла свой вклад в формирование болгарской культуры.

Историческая судьба племен именьковской культуры

Вопрос о дальнейшей судьбе племен именьковской культуры до сих пор остается слабо изученным и спорным. Не вызывает сомнения факт, что все именьковские поселения и могильники прекратили существование в последней четверти VII века, именно в то время, когда в Поволжье появились тюркоязычные болгары. Первые исследователи именьковской культуры считали, что она продолжала существовать вплоть до X века, т.е. до времени становления Болгарского государства (Смирнов А.П., 1951, с. 17; Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. 1954, с. 61-63). Они указывали на наличие на многих именьковских городищах и селищах отложений болгарского времени. Именьковское городище, например, они датировали с середины I тыс. н. э. до IX-X в. включительно (Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1960, с. 226-256). А.Х.Халиков в 70-х годах отмечал отсутствие хронологического разрыва между именьковским и болгарским слоями (Халиков А.Х. и др. 1976. С. 19). П.Н.Старостин считал, что при появлении болгар отдельные группы именьковского населения ушли в глухие леса, в частности, в бассейн р. Черемшан, указывая на наличие именьковских черт в керамике болгарского времени (Старостин П.Н. 1967, с. 31). После исследования Большеарханского и Танкеевского могильников была высказана новая точка зрения об уходе оседлых именьковских племен с территории Среднего Поволжья в VII в. (Казаков Е.П. 1992, с. 231). А.В. Богачев датирует время ухода именьковских племен VI веком. В.В.Седову принадлежит гипотеза об уходе основной массы именьковских племен в конце VII или в самом начале VIII на запад в Днепровско-Донское лесостепное междуречье, где в это время появляется вольтынская культура, которую можно рассматривать как "эволюцию именьковской" (Седов В.В. 1994, с. 49-66, 1995, с. 186-195). В то же время В.В.Седов считает, что часть именьковских племен осталась в Среднем Поволжье (Седов В.В., 2001, с. 6-7).

Анализ материалов исследованных поселений именьковской культуры показывает, что большинство их прекращает существование не позднее конца VII века, в это же время в Среднем Поволжье появ-

ляются курганные и грунтовые могильники, принадлежащие пришлому населению (Шиловский курганный могильник, могильники новинковского типа). До последнего времени было принято считать это население кочевым, однако в последние годы на Самарской Луке было исследовано Севрюкаевское селище, керамический материал которого очень близок керамике могильников новинковского типа по составу формовочных масс, по форме и орнаментации. Вместе с тем керамика Севрюкаевского поселения имеет некоторые черты, роднящие ее с именьковской. Совпадают некоторые формы горшковидных сосудов и расположение орнаментации сосудов только на краю венчиков, одинаково характерно распространение миниатюрных сосудиков, по форме повторяющих большие горшковидные сосуды. Наконец, на Севрюкаевском селище, как и на всех именьковских поселениях, встречаются сковороды, правда, они имеют более высокие бортики, чем именьковские диски-лепешечницы. И.Н.Васильева, проводившая микроскопическое исследование керамики из могильников новинковского типа, отметила сходство технологии изготовления новинковских и именьковских сосудов (Васильева И.Н., 1989, 1995). Это сходство, однако, не дает оснований считать именьковцев и новинковцев родственными племенами, а скорее свидетельствует о влиянии именьковских племен на пришельцев, приведшем к их оседанию на землю и освоению земледелия. О знакомстве населения, оставившего Севрюкаевское поселение и могильники новинковского типа, свидетельствуют находки обломков жерновов на селище и плужного резака в одном из курганов Новинковского могильника.

В целом Севрюкаевское селище отличается от поселений именьковской культуры бедностью культурного слоя и отсутствием жилых и хозяйственных построек, углубленных в материк.

Севрюкаевское селище – не единственное поселение, функционировавшее в VIII в. Керамика, аналогичная севрюкаевской, представлена на Мало-Пальцинском и Криушском селищах в Ульяновской области, на Гудоровском селище в Самарской области (Т.А. Хлебникова отнесла подобную керамику ко II этнокультурной группе керамики Волжской Болгарии) и на некоторых других поселениях. В VIII веке продолжала функционировать северная часть селища Ош-Пандо на Самарской Луке, в то время как южная часть его уже прекратила существование и была занята курганно-грунтовым могильником новинковского типа. Во время раскопок северной части поселения были найдены типичные для новинковских могильников вещи: позолоченная серьга, стилетообразный предмет с валотообразным навершием.

Вполне справедливо мнение В.В.Седова о том, что племена именьковской культуры принимали участие в этногенезе волжских болгар. Именно они придали именьковской культуре земледельческий облик с самого начала ее развития и импульсировали постепенную

смену образа жизни пришлых болгар на оседлый. Участвовали в становлении городской жизни (Седов В.В., 2001, с. 10).

Территория Волжской Болгарии почти полностью совпадает с ареалом именьковской культуры, за исключением западных и восточных окраин: среднего течения р. Суры, которое в X веке было заселено мордовским населением, и среднего течения р. Белой, где с VII века доминировали кушнаренковские племена.

Не случайно арабские и персидские авторы называют болгар сакалиба (славянами). Даже Ибн Фадлан, посетивший Волжскую Болгарию в 922 году по приглашению болгарского правителя Алмуша, называет ее страной Сакалиба, а Алмуша царем сакалиба. Специальный анализ термина ас-сакалиба восточных авторов VII-XI веков показывает, что он обозначает этнических славян (Lewicki, 1956, с. 86). Поэтому попытку А.Х.Халикова трактовать термин «ас-сакалиба» как собирательное название всех северных народов, в частности, тюркоязычных и ираноязычных обитателей Волжской Болгарии: болгар, сувар, берсула, эгель, бараджар – нельзя признать удачной.

Племена именьковской культуры, этнические славяне, продолжали жить в Среднем Поволжье после VII века, хотя в их культуре под влиянием пришлого тюркоязычного населения происходят существенные изменения. Именно они сохранили земледельческие традиции вплоть до середины X в.

Библиографический список

А

- Агапов С.А., Пестрикова В.И., Салугина Н.П. Памятники славянского типа в Куйбышевской области // Древние и средневековые культуры Поволжья., Куйбышев, 1981.
- Агеев Б.Б., Пьяноборская культура. Уфа, 1992.
- Амброз А. К., Фибулы юга европейской части СССР I в. до н.э. – IV в. н.э. // Свод археологических источников, вып. Д1 – 30. М., 1966.
- Андреева Е.Г., Петренко А.Г. Древние млекопитающие по археологическим материалам Среднего Поволжья и Верхнего Прикамья // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.
- Артемова В.Д. Разведка в восточных районах Мордовской АССР // Археологические открытия 1971 года. М., 1972.
- Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.
- Археологическая карта Башкирии. Уфа, 1976.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. М., 1981.
- Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. Казань, 1985.
- Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. Казань, 1986.
- Археологические памятники Восточного Закамья. Казань, 1989.
- Атаев Д.М. Височные привески с четырнадцатигранником // Советская археология, № 3, 1963.
- Ахмаров Г. Городище Япанчино на р. Кубне // Известия Общества археологии, истории и этнографии, Т. XII, вып. 2. Казань, 1894.

Б

- Багаутдинов Р.С., Габелко Н.Л., Жигулина Л.Н., Мажанова И.Н., Матвеева Г.И., Тихомолова И.С., Юнусова Р.М. Разведки на Самарской Луке // Археологические открытия 1974 года. М., 1975.

Баран В.Д. За матеріалами верхів'я Дніпра і Західного Бугу. Черняхівська культура. Київ, 1981а.

Баран В.Д. К вопросу об истоках славянской культуры раннего средневековья // Acta archeologica carpathica. Т. 21. Krakow, 1981б.

Баран В.Д. Венеди, склавіни та анти у світі археологічних джерел // Проблемы славянской археологии. М., 1997.

Баран В.Д., Максимов Е.В., Магомедов Б.В., Вакуленко Л.В., Вознесенская Г.А., Козак Д.Н., Пацьков С.В., Пачкова С.П., Приходьнюк О.М., Смиленко А.Г., Терпиловский Р.В., Юренко С.П. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.

Баран В.Д., Терпиловский Р.В., Козак Д.Н. Походження слов'ян. Київ, 1991.

Барцева Т.Б., Вознесенская Г.А., Черных Е.Н. Металл черняховской культуры. М., 1972.

Беговатов Е.А. Березовогривское погребение именьковской культуры // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы. М., 1978.

Богаткина О.Г. Новые материалы к изучению остеологических признаков домашних животных у представителей именьковской культуры (Новинковское селище) // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995.

Богачев А.В. Большой дом Старо-Майнского городища // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.

Богачев А.В. Процедурно-методические аспекты археологического датирования (на материалах поясных наборов IV-VIII вв. Среднего Поволжья). Самара, 1992.

Богачев А.В. О верхней хронологической границе именьковской культуры // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Богачев А.В. Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э. // Культура евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (Вопросы хронологии). Самара, 1998.

Буров Г.М. Исследования в Ульяновском Поволжье // Археологические открытия 1970 года. М., 1971а.

Буров Г.М. Археологические памятники г. Ульяновска и его окрестностей // Краеведческие записки Ульяновского областного музея краеведения. Ульяновск, 1971б.

Буров Г.М. Исследования в Ульяновском Поволжье // Археологические открытия 1971 года. М., 1972а.

Буров Г.М. Археологические памятники Верхней Свияги. Ульяновск, 1972б.

Буров Г.М. Изучение памятников неолита и бронзового века на Верхней Свияге // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.

Буров Г.М. Исследования в Ульяновском Поволжье // Археологические открытия 1973 года. М., 1974.

Буров Г.М. Именьковская культура в Ульяновском Поволжье // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

Бурундуков Р.В., Вискалин А.В., Семькин Ю.А. Разведки в Ульяновской области // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.

В

Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986.

Васильев И.Б., Матвеева Г.И., Б.Г.Тихонов. Поселение Лбище на Самарской луке // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.

Васильева И.Н. Технология гончарного производства Волжской Болгарии в X-XIV вв. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1989.

Васильева И.Н. К вопросу о технологии керамики I Новинковского могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Васюткин С.М. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тыс. н.э. // Советская археология. № 1, 1968а.

Васюткин С.М. О памятниках романовского типа в Башкирии // Сборник докладов на IX и X Всесоюзных археологических студенческих конференциях. М., 1968б.

Васюткин С.М. К вопросу о происхождении и ранней дате именьковской культуры в Среднем Поволжье // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 194. М., 1988.

Винников А.З., Синюк А.Т., Цыбин М.В. Средневековые материалы с поселения "Дрониха" // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Винокур И.С. Ружичанский могильник. Могильники черняховской культуры. М., 1979.

Вискалин А.В., Ледяйкин В.И., Семькин Ю.А. Работы экспедиции Ульяновского пединститута в 1987-88 годах // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

Вихляев В.И., Шитов В.Н. Средневековое поселение в бассейне Суры // Археологические открытия 1973 года. М., 1974.

Г

Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., Хлебникова Т.А. Археологические памятники Татарии в зоне Куйбышевского водохранилища // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.

Габяшев Р.С., Старостин П.Н., Юсупова Г.Т. Работы в Нижнем Прикамье // Археологические открытия 1977 года. М., 1978.

Газимзянов И.Р. Антропологическая характеристика материалов раскопок могильника у с.Сиделькино // Краеведческие записки. Вып.VIII. Самара, 1996.

Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л. Исследования на Спасском (Старокуйбышевском) комплексе памятников // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.

Генинг В.Ф. Очерки этнических культур Прикамья в эпоху железа // Труды Казанского филиала АН СССР, вып. 2. Казань, 1959.

Генинг В.Ф. Селище и могильники с обрядом трупосожжения добулгарского времени у с. Рождествено в Татарии // Материалы и исследования по археологии СССР, № 80. М., 1960.

Генинг В.Ф. Проблемы изучения железного века Урала // Вопросы археологии Урала, вып. 1. Свердловск, 1961а.

Генинг В.Ф. К вопросу о продвижении сибирского населения в Западное Приуралье // Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1961б.

Генинг В.Ф. Узловые проблемы изучения пьяноборской культуры. // Вопросы археологии Урала. Вып. 4. Ижевск, 1962.

Генинг В.Ф. Азелинская культура // Вопросы археологии Урала. Вып. 5. Ижевск, 1963.

Генинг В.Ф. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тысячелетии нашей эры // Археология и этнография Башкирии, Т. II. Уфа, 1964.

Генинг В.Ф. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н.э.) // Археология и этнография Башкирии, Т. IV. Уфа, 1971.

Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III – VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождения) // Проблемы археологии и древней истории угров. М., 1972.

Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. // Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976.

Генинг В.Ф. Памятники у с. Кушнаренково на р. Белой (VI-VII вв. н.э.) // Исследования по археологии Южного Урала. Уфа, 1977.

Генинг В.Ф. Хронология поясной гарнитуры I тысячелетия н.э. (по материалам могильников Прикамья) // Проблемы хронологии памятников Евразии в эпоху раннего средневековья. Краткие сообщения Института археологии РАН. Вып. 158. М., 1979.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К. Археологические памятники у с. Рождествено. Казань, 1962.

Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.

Голдина Р.Д. Погребальный обряд Худяковского могильника // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья. Йошкар-Ола, 1987.

Голдина Р.Д. О памятниках Прикамья “эпохи великого переселения народов” // XIV Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Челябинск, 1999.

Гольмстен В.В. Доисторическое прошлое Самарского края // Краеведение, ч. 1. Самара, 1924.

Гольмстен В.В. Материалы по археологии Самарской губернии // Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания, № 3. Самара, 1925а.

Гольмстен В.В. Керамика древних мест поселений Самарской Луки // Бюллетень Общества археологии, истории, этнографии и естествознания, № 3. Самара, 1925б.

Гроздилов Г.П. Куйбышевская область // Археологические исследования в РСФСР в 1934-1936 гг. М.-Л., 1941.

Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л. Исследование болгарских городищ в Поволжье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск., 1991.

Е

Ефименко П.П. Рязанские могильники. Опыт культурно-стратиграфического анализа могильников массового типа // МЭ, Т. 3, Вып. I, Л., 1926.

Ефимова А.М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымери Татарской АССР // Материалы и исследования по археологии СССР, № 111. М., 1962.

Ефимова А.М. Догородское поселение на территории Болгарского городища // Города Поволжья в средние века. М., 1974.

Ефимова А.М. Каталог археологических коллекций ГМТР, вып. II. Эпоха железа, Волжская Булгария, коллекция золотоордынских городов, Казанское ханство, коллекции XVI-XVIII вв. Казань, 1980.

Ж

Жиромский Б.Б. Древнеродовое святилище “Шолом” // Материалы и исследования по археологии СССР, № 61. М., 1958.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). Спб., 1994.

Збруева А.В. Из работ Куйбышевской экспедиции // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. X., 1941.

Збруева А.В., Смирнов А.П. Археологические исследования на строительстве Куйбышевского гидроузла // Вестник древней истории, № 4., 1947.

Зеленеев Ю.А., Артемова В.Д. Разведки в бассейне Алатыря и средней Суры // Археологические открытия 1973 года. М., 1974.

Зубарь В.М., Мещеряков В.Ф. Некоторые данные о верованиях населения Херсонеса (по материалам некрополей первых веков н.э.) // Население и культура Крыма в первые века н.э. Киев., 1983.

И

Иордан. О происхождении и деяниях гетов "Getica". Спб., 1997.

Истомин К.Э. Разведочные работы в бассейне р. Свияги и на Правобережье р. Волги // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.

Ишмуратова Г.Р., Старостин П.Н. Памятники эпохи раннего железа в Нижнем Прикамье // Археологические открытия 1973 года. М., 1974.

Ищеригов П.Ф., Мажитов Н.А. Городище Уфа II // Археология и этнография Башкирии, Т. I. Уфа, 1962.

К

Кагаров Е.Г. Культ фетишей растений и животных в Древней Греции. Спб., 1913.

Казаков Е.П. Работы в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ // Археологические открытия 1977 года. М., 1978.

Казаков Е.П. Работы в зонах Куйбышевского и Нижнекамского водохранилищ // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

Казаков Е.П. Работы Раннеболгарской экспедиции в Татарии // Археологические открытия 1979 года. М., 1980.

Казаков Е.П. Работы Раннеболгарской экспедиции // Археологические открытия 1980 года. М., 1981.

Казаков Е.П. V Старо-Куйбышевское селище // Археологические памятники Нижнего Прикамья. Казань, 1984.

Казаков Е.П. Работы Раннеболгарской экспедиции // Археологические открытия 1983 года. М., 1985.

Казаков Е.П. Новые материалы II-III четверти I тысячелетия новой эры в Закамье // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев, 1986а.

Казаков Е.П. Работы в Закамье // Археологические открытия 1984 года. М., 1986б.

Казаков Е.П. Старомайский могильник // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.

Казаков Е.П. Работы Раннеболгарской экспедиции // Археологические открытия Урала и Поволжья. Сыктывкар, 1989.

Казаков Е.П. Новые исследования памятников именьковской культуры в Закамье // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблемы буртасов. Пенза, 1990.

Казаков Е.П. Работы Раннеболгарской экспедиции в Закамье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991а.

Казаков Е.П. Об одной из групп украшений именьковской культуры // Проблемы археологии Среднего Поволжья. Казань, 1991б.

Казаков Е.П. Новые исследования именьковских памятников на Девичьем городке // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993.

Казаков Е.П. К вопросу о турбаслинско-именьковских памятниках Закамья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Казаков Е.П. Коминтерновский II могильник в системе древностей эпохи тюркских каганатов // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Казаков Е.П., Косменко М.Г., Старостин П.Н. Археологические разведочные работы Татарского отряда Нижнекамской экспедиции // Отчеты Нижнекамской археологической экспедиции в 1968 году. Вып. I. М., 1972.

Казаков Е.П., Ледяйкин В.И., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Разведки в Ульяновской и Пензенской областях // Археологические открытия 1976 года. М., 1977.

Казаков Е.П., Старостин П.Н. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища // Археологические открытия 1981 года. М., 1983.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. Археологические памятники Татарской АССР. Казань, 1987.

Калинин Н.Ф. Древнейшее население Татарии // История Татарской АССР, Т. I. Казань, 1951.

Калинин Н.Ф. Экспедиция по западным районам Татарской АССР. (Из материалов Куйбышевской экспедиции 1945-1950 гг.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XLIV. М., 1952.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ 1945-1952 годов // Труды Казанского филиала АН СССР. Серия гуманитарных наук. Казань, 1954.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Именьковское городище // Материалы и исследования по археологии СССР, № 80. М., 1960.

Каспарова К.В. Поздняя фаза зарубинецких могильников // Культуры Восточной Европы I тыс. н.э. Куйбышев, 1986.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1972.

Каховский В.Ф., Смирнов А.П. Городище Хулаш. Чебоксары, 1978.

Ключникова Р.М., Матвеева Г.И. Селище Ош-Пандо-Нерь // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

Ковалевская В.Б. Хронология древностей северокавказских алан // Аланы: История и культура. Владикавказ, 1995.

Козак Д.Н. Пшеворская культура в междуречье Днепра и Западного Буга // Проблемы этногенеза славян. Киев, 1978.

Козак Д.Н. Памятники рубежа и первых веков н.э. в Поднепровье и Западном Побужье // Славяне на Днепре и Дунае. Киев, 1983.

Козак Д.Н. Поселение пшеворской культуры в с. Подберезцы Львовской области // Советская археология, № 1, 1985.

Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.

Кочкина А.Ф., Сташенков Д.А. Исследование мусульманского могильника у д. Пролетарий // Охрана и изучение памятников истории и культуры в Самарской области. Вып. 1. Самара, 1999.

Краснов Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы (II тысячелетие до н.э. – первая половина I тыс. н.э.) // Материалы и исследования по археологии СССР, № 174. М., 1971.

Краснов Ю.А., Смирнов А.И. Рецензия на книгу П.Н. Старостина “Памятники именьковской культуры” // Советская археология. № 2, 1969.

Кропоткин А.В. К вопросу о характере общины у племен черняховской культуры // Археологические источники об общественных отношениях эпохи средневековья. М., 1988.

Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э.: Тезисы докладов Международной научной археологической конференции. Самара, 1995.

Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии): Тезисы докладов II Международной научной археологической конференции. Самара, 1997.

Кухаренко Ю.В. Зарубинецкая культура // САИ, Д 1-19. М., 1964.

Кухаренко Ю.В. Археология Польши. М., 1969.

М

Мажитов Н.А. Курганный могильник в д. Ново-Турбаслы // Башкирский археологический сборник. Уфа, 1959.

Мажитов Н.А. Поселение Ново-Турбаслинское II // Археология и этнография Башкирии, Т. 1. Уфа, 1962.

Мажитов Н.А. Бахмутинская культура. Уфа, 1968.

Мажитов Н.А. Южный Урал в VII – XIV вв. М., 1977.

Максимов Е.В. Среднее Поднепровье на рубеже н.э. Киев, 1972.

Максимов Е.В. Зарубинецкая культура на территории УССР. Киев, 1982.

Марджани Ш.Б. Источники по истории Казани и Булгара. Казань, 1989.

Марков В.И. Ананьинская проблема. Некоторые итоги и задачи ее решения // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

Марков В.И., Старостин П.Н. Исследования Девичьего городка // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

Матвеева Г.И. Исследования памятников железного века в Куйбышевской области // Археологические открытия 1970 года. М., 1971.

Матвеева Г.И. Памятники именьковской культуры на Самарской Луке // Самарская Лука в древности. Краеведческие записки Куйб. ОМК. Куйбышев, 1975.

Матвеева Г.И. О происхождении именьковской культуры // Древние и средневековые культуры Поволжья. Куйбышев, 1981.

Матвеева Г.И. Работы на Самарской Луке // Археологические открытия 1981 года. М., 1983.

Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в среднем Поволжье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев, 1986.

Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1988а.

Матвеева Г.И. К вопросу об этнической принадлежности племен именьковской культуры // Славяне и их соседи. Место взаимных влияний в процессе общественного и культурного развития. Эпоха феодализма. Тезисы докладов. М., 1988б.

Матвеева Г.И. Жилые и хозяйственные постройки Старо-Майнского городища // Археологические исследования в Поволжье. Самара, 1993.

Матвеева Г.И. К вопросу о происхождении погребений с труположениями на территории именьковской культуры // Культуры Евразийских степей второй второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

- Матвеева Г.И. Некоторые итоги изучения именьковской культуры // Этногенез и этнокультурные контакты славян: Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т. 3. М., 1997.
- Матвеева Г.И. Памятники лбищенского типа – ранний этап именьковской культуры // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.
- Матвеева Г.И. Памятники эпохи начала великого переселения народов (II-IV вв. н.э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: Ранний железный век и средневековье. М., 2000.
- Матвеева Г.И. Памятники именьковской культуры (IV-VII вв. н.э.) // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. М.
- Матвеева Г.И., Морозов В.Ю. Кармалинское городище // Археологические исследования в лесостепном Поволжье. Самара, 1991.
- Матвеева Г.И., Набоков А.В., Кочкина А.Ф. Исследование Старо-Майнского городища // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.
- Матвеева Г.И., Салугина Н.П. Работы Муромского отряда // Археологические открытия 1976 года. М., 1977.
- Матюшин Г.Н. Новые археологические памятники в окрестностях города Уфа // Археология и этнография Башкирии, Т. I. Уфа, 1962.
- Махно Е.В. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яцкі. АН УРСР. Київ, 1960, 9.
- Мачинский Д.А. К вопросу о территории обитания славян в I – VI веках // Археологический сборник, вып. 17. Ленинград, 1976.
- Медведев А.Н., Пряхин А.Д. I Чертовицкий могильник (по раскопкам 1978 г.) // Археологические памятники лесостепного Подонья и Поднепровья I тысячелетия н.э. Воронеж, 1983.
- Мерперт Н.Я. Материалы по археологии Среднего Заволжья // Материалы и исследования по археологии СССР, т. 42. М., 1954.
- Мишулин А.В. Древние славяне в отрывках греко-римских и византийских писателей по VII в. н.э. // Вестник древней истории, № 1 (14).

Морозов В.Ю. Топография кладов и случайных находок монет на территории Самарской области // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995.

Морозов В.Ю. Пути проникновения сасанидских монет и художественных изделий в Поволжье и Прикамье // Культуры Евразийских степей второй второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Мельниковская О.Н. Племена Южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967.

Могильников В.А. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тыс. до н.э. – I тыс. н.э. // Археология и этнография Башкирии, Т. IV. Уфа, 1971.

Н

Напольских В.В. Протославяне в Нижнем Прикамье в середине I тыс. н.э.: Данные пермских языков // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Т. II. Филология. Этнология. Сыктывкар, 1996.

Насибуллин Р.Ш. К проблеме этнической принадлежности носителей именьковской археологической культуры // Вестник Удмуртского университета, № 6. Ижевск, 1992.

Невоструев К.И. О городищах древнего Волжско-Болгарского и Казанского царств в нынешних губерниях Казанской, Симбирской, Самарской и Вятской // Труды I Археологического съезда. Т. II. М., 1871.

Нидерле Л. Славянские древности. М., 1956.

Никитина Г.Ф. Погребальный обряд культур полей погребений Средней Европы в I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. // Погребальный обряд племен Северной и Средней Европы в I тысячелетии до н.э. – I тысячелетии н.э. М., 1974.

О

Обломский А.М. Классификация керамики верхнеднепровского варианта зарубинецкой культуры (по материалам Чаплинского могильника) // Советская археология. № 1, 1985.

Обломский А.М. Этнические процессы на водоразделе Днепра и Дона в I-V вв. н.э. Москва-Сумы, 1991.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Среднее Поднепровье и Днепровское Левобережье в первые века нашей эры. М., 1991.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В. Поселение Седелки и его место среди памятников позднеримского времени Днепровского левобережья и лесостепного Подонья // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тысячелетия н.э. Воронеж, 1998.

Обломский А.М., Терпиловский Р.В., Петраускас О.С. Распад заруби-
нецкой культуры и его социально-экономические последствия. М., 1990.

Останина Т.И. Экспедиция Удмуртского республиканского музея // Археологические открытия 1977 года. М., 1978.

Останина Т.И. Исследования Удмуртского республиканского музея // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

Останина Т.И. Раскопки Староигринского городища // Археологические открытия 1981 года. М., 1983.

Останина Т.И. Городище-убежище раннего средневековья у д. Старая Игра // Материалы раннесредневековых памятников Удмуртии. Устинов, 1986.

Останина Т.И. Исследования Удмуртского республиканского музея в Нижнем и Среднем Прикамье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.

Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III – V вв. Ижевск, 1997.

Офман Г.Ю., Пономаренко Е.В., Пономаренко С.В. Реконструкция истории природопользования на Самарской Луке в эпоху средневековья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. Самара, 1996.

Ошибкина С.В. Погребальный обряд Азелинской культуры по материалам могильника Тюм-Тюм // КСИИА. Вып. 158. М., 1979.

П

Петренко А.Г. Древнее и средневековое животноводство Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1984.

Петренко А.Г. К истории хозяйственной деятельности населения Нижнего Прикамья I тыс. н.э. // Культуры Евразийских степей второй второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1996.

Погребова П.Н. Позднескифское городище на Нижнем Днепре // Материалы и исследования по археологии СССР, № 64. М., 1958.

Поливанов В.Н. Майнское городище в Спасском уезде Казанской губернии // Труды IV Археологического съезда, Т. I. Казань, 1884.

Поливанов В.Н. Археологическая карта Симбирской губернии. Симбирск, 1900.

Полякова Г.Ф., Полубояринова М.Ф., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А. Раскопки в Болгаре // Археологические открытия 1979 года. М., 1980.

Пономарев П.А. Данные о городах Камско-Волжской Болгарии. Казань, 1893.

Пономарев П.А. Предварительное сообщение о результатах раскопок в Лаишевском уезде близ с. Шуран и дер. Сорочьих гор, произведенных летом 1881 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. III. Казань, 1884.

Пономарев П.А. Поездка на р. Каму летом 1895 года с археологической целью (окрестности Троицкого Урая, Сорочьих Гор и Казыка Лаишевского уезда) // Известия Общества археологии, истории и этнографии. Т. XIII, Вып. 3. Казань, 1895.

Попов В.А., Кулаева Т.М. Фауна Именьковского городища // Тезисы докладов на конференции по археологии древней и средневековой истории Поволжья в Казани в 1956 году. Казань, 1956.

Пшеничнюк А.Х. Уфимский курганный могильник. Археология и этнография Башкирии, Т. III, Уфа, 1968.

Р

Расторопов А.В. Исследование городища Лбище на Самарской Луке в 1981 // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

Рикман Э.А. Этническая история Поднепровья и прилегающего Подунавья в первых всках н.э. М., 1975.

Руденко К.А. Малополянское V селище // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Русанова И.П. Славянские древности VI-VII вв. М., 1976.

Русанова И.П., Тимошук Б.А. Кодын – славянское поселение V – VIII вв. на р. Прут. М., 1984.

С

Салугина Н.П. Работы Куйбышевского областного музея краеведения // Археологические открытия 1976 года. М., 1977.

Салугина Н.П. О некоторых чертах гончарной технологии племен именьковской культуры // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985.

Салугина Н.П. Технология изготовления керамики на городище Лбище (по результатам микроскопического анализа) // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986а.

Салугина Н.П. Технология производства керамики западной группы именьковской культуры // Хозяйство и культура доклассовых и раннеклассовых обществ. Тезисы докладов. М., 1986б.

Салугина Н.П. Некоторые итоги изучения керамики именьковской культуры // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. Тезисы докладов. М., 1987.

Салугина Н.П. Некоторые вопросы истории именьковских племен в свете данных технико-технологического анализа керамики // Проблемы изучения археологической керамики. Куйбышев, 1988.

Салугина Н.П. Технология изготовления керамики именьковской культуры с Междуреченского городища // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара, 1995.

Салугина Н.П. Результаты анализа керамики оседлых племен Самарского Поволжья в раннем железном веке и раннем средневековье // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Ранний железный век и средневековье. М., 2000.

Сальников К.В. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии // Археология и этнография Башкирии. Т. II. Уфа, 1964.

Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I. (I-V вв). М., 1994.

Седов В.В. Происхождение и ранняя история славян. М., 1979.

Седов В.В. Восточные славяне в VI – XIII вв. // Археология СССР. М., 1982.

Седов В.В. Симпозиум “Проблема именьковской культуры” (Болгары, 1993г.) // Российская археология. № 3, 1994а.

Седов В.В. Очерки по археологии славян. М., 1994б.

Седов В.В. Славяне в древности. М., 1994в.

Седов В.В. К этногенезу волжских болгар // РА. № 2, 2001.

Седова М.С. Исследование Шелехметского II курганно-грунтового могильника // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.

Семькин Ю.А. О металлургических горнах именьковской культуры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. Куйбышев, 1986.

Семькин Ю.А. Исследования памятников эпохи средневековья в Ульяновском Поволжье // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.

Семькин Ю.А. Материалы к истории металлургии железа эпохи средневековья Среднего Поволжья // Культуры Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы хронологии). Самара, 1998.

Сидоров В.Н., Старостин П.Н. Остатки раннесредневековых литейных мастерских Щербетьского поселения // Советская археология. № 4, 1970.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951-1953) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 60. М., 1959.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954-55 годов) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 78. М., 1960.

Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 28. М., 1952.

Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 95. М., 1961.

Смирнов А.П. Ранние находки на болгарском городище “Хулаш” // Краткие сообщения Института археологии СССР. Вып. 102. М., 1964.

Смирнов А.П. Из этнической истории Западного Приуралья // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971.

Смишко М.Ю. Карпатські кургани першої половини I тис н. з. Київ, 1960.

Смолин В.Ф. Раскопки Шолома в селе Балымерах // Известия Общества археологии, истории и этнографии, Т. XXXIII. Казань, 1926.

Спицын А.А. Древности бассейнов рек Оки и Камы // Материалы по археологии России, № 25. СПб., 1901.

Спицин А.А.. Вещи с инкрустацией из Керченских катакомб // ИАК в 17 СПб, 1904.

Спицын А.А. Заметки о поездке 1898 года // Известия археологической комиссии, вып. 60. Петроград, 1916.

Старостин П.Н. О так называемых позднеродецких памятниках Среднего Поволжья // Труды Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. вып. XIX. Йошкар-Ола, 1964.

Старостин П.Н. Балымерский “Шолом” – городище // Вопросы истории и литературы Среднего Поволжья. Казань, 1965.

Старостин П.Н. Памятники именьковской культуры // Свод археологических источников. вып. Д1-32. М., 1967а.

Старостин П.Н. Жилища поселения “Курган” // Ученые записки Пермского государственного университета, № 148. Пермь, 1967б.

Старостин П.Н. Верхний слой древнего поселения у центральной усадьбы совхоза “Пичкасский” // Тезисы докладов научной конференции молодых ученых ИЯЛИ АН СССР. Казань, 1967в.

Старостин П.Н. Маклашеевское второе городище // Ученые записки Пермского государственного университета, № 167. Пермь, 1968а.

Старостин П.Н. Новый памятник предбулгарского времени на Нижней Каме // Советская археология, № 1, 1966.

Старостин П.Н. О романовских и именьковских памятниках // Археология и этнография Башкирии, Т. IV. Уфа, 1971б.

Старостин П.Н. Этнокультурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии, вып. 1. Казань, 1971а.

Старостин П.Н. Погребение с остатками кремации в низовьях Камы // Советская археология, № 2, 1975.

Старостин П.Н. Работы на Троицко-Урайском I городище в 1973г. // Древности Волго-Камья. Казань, 1977.

Старостин П.Н. Работы в низовьях Камы // Археологические открытия 1979 года. М., 1980.

Старостин П.Н. Исследования памятников именьковской культуры в Татарии // Археологические открытия 1980 года. М., 1981.

Старостин П.Н. Богородицкий могильник // Советская археология, № 1, 1983а.

Старостин П.Н. Исследования могильников именьковской культуры в Татарии // Археологические открытия 1981 года. М., 1983б.

Старостин П.Н. Поселение "Курган" в низовьях р. Камы // Средневековые археологические памятники Татарии. Казань, 1983в.

Старостин П.Н. Исследования могильников именьковской культуры в Татарии // Археологические открытия 1981 года. М., 1983г.

Старостин П.Н. Исследование памятников середины I тыс. н.э. в Татарии // Археологические открытия 1982 года. М., 1984.

Старостин П.Н. Исследования могильника Маклашеевский IV // Археологические открытия 1983 года. М., 1985.

Старостин П.Н. Именьковские могильники // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев, 1986а.

Старостин П.Н. Исследования на Нижней Каме // Археологические открытия 1984 года. М., 1986б.

Старостин П.Н. Ташкирменский могильник // Памятники древней истории Волго-Камья. Казань, 1994.

Старостин П.Н., Габяшев Р.С. Работы на памятниках предбулгарского времени // Археологические открытия 1976 года. М., 1977.

Старостин П.Н., Габяшев Р.С. Работы на Рождественском комплексе // Археологические открытия 1978 года. М., 1979.

Старостин П.Н., Косменко М.Г., Халиков А.Х., Казаков Е.П. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища // Археологические открытия 1972 года. М., 1973.

Старостин П.Н., Халикова Е.А., Халиков А.Х. Работы в зоне Куйбышевского водохранилища // Археологические открытия 1970 года. М., 1971.

Старостин П.Н., Хомутова Л.С. Железообработка у племен именьковской культуры // Советская археология, № 3, 1981.

Старостин П.Н., Чижевский А.А. Маклашеевский V могильник // Древние памятники Приустьевого Закамья. Казань, 1993.

Сташенков Д.А. Раскопки у с. Новинки в 1992 г. // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1993.

Сташенков Д.А. Раскопки раннесредневековых памятников на Самарской Луке // Археологические открытия 1993 года. М., 1994.

Сташенков Д.А. Раскопки памятников эпохи раннего средневековья у с. Новинки // Археологические открытия 1994 года. М., 1995а.

Сташенков Д.А., 1995б. Археологические исследования у с. Новинки в 1992 г. // Краеведческие записки. Вып. VII. Самара.

Сташенков Д.А. Памятники эпохи раннего средневековья у с. Сиделькино // Краеведческие записки. Вып. VIII. Самара, 1996а.

Сташенков Д.А. Охранно-спасательные работы Самарского музея // Археологические открытия 1995 года. М., 1996б.

Сташенков Д.А. О восточных элементах в именьковской культуре // XIII Уральское археологическое совещание. Тезисы докладов. Часть II. Уфа, 1996в.

Сташенков Д.А. Раскопки памятников именьковской культуры в Самарской области // Археологические открытия 1996 года. М., 1997а.

Сташенков Д.А. К вопросу об этнических контактах в Среднем Поволжье в эпоху раннего средневековья // Этногенез и этнокультурные контакты славян. Труды VI Международного Конгресса славянской археологии. Т.3. М., 1997б.

Сташенков Д.А. Этнокультурная динамика на территории Самарского Поволжья во второй половине I тысячелетия н.э. // Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. Международная конференция памяти М.И. Артамонова: Тезисы докладов. С.-Петербург, 1998.

Сташенков Д.А. Самарское пограничье (к проблеме взаимодействия кочевого и оседлого миров в эпоху средневековья) // Научное наследие А.П.Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья: Тезисы докладов. М., 1999.

Степанов П.Д. Памятники I тысячелетия н.э. в восточной части Мордовской АССР // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях ИИМК. Вып. XIX, 1948.

Степанов П.Д. Итоги раскопок фатьяновских поселений на средней Суре // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XXXVII, 1951а.

Степанов П.Д. Итоги раскопок древнемордовских памятников // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. Вып. XXXVIII, 1951б.

Степанов П.Д. Материалы для археологической карты западной части Среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР, № 111. М., 1961.

Степанов П.Д. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье // Археология и этнография Башкирии, Т. II. Уфа, 1964.

Степанов П.Д. Ош-Пандо. Саранск, 1967.

Степанов П.Д. Новые памятники в Мордовии // Археологические открытия 1967 года. М., 1968.

Степанов П.Д. Селище у с. М. Кандарать Ульяновской области // Археологические открытия 1970 года. М., 1971.

Стоянов А.Н. Отчет о раскопках древних могил и курганов в Лаишевском и Спасском уездах Казанской губернии // Протоколы заседаний общества естествоиспытателей. Приложение. Казань, 1871.

Сунгатов Ф.А. Погребальные комплексы Дежневского и Ново-Турбаслинского могильников (по материалам раскопок 1989-92 годов) // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995.

Т

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте бассейна р. Камы // Материалы и исследования по археологии СССР. № 27. М., 1952.

Тамбовцев Л.М. На поиски болгарских городов // Записки Тетюшского музея. Вып. III. Казань, 1928.

Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997.

Терпиловский Р.В. Ранние славяне Подесенья III – IV вв. Киев, 1984.

Тимошук Б.А. Восточнославянская община в VI – X вв. н.э. М., 1990.

Тимошук Б.А. Восточные славяне. От общины к городам. М., 1995.

Толмачев Н.А. Доклад IV археологическому российскому съезду об остатках древностей в пределах Казанской губернии. Казань, 1890.

Трубачев О.Н. Этногенез и культура древнейших славян // Лингвистические исследования. М., 1991.

Ф

Фахрутдинов Р.Г. Работы в Предволжье // Археологические открытия 1967 года. М., 1968.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975.

Филин Ф.П. Образование языка восточных славян. М.-Л., 1962

Х

Халиков А.Х. Археологические исследования Института языка, литературы и истории ИФАН СССР в 1957-1960 гг. в Татарской АССР // Вопросы истории Татарии. Казань, 1962.

- Халиков А.Х. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г. // Краткие сообщения Института Археологии, № 104. М., 1965.
- Халиков А.Х. Исследования казанских археологов на территории Татарии в 1961-1967 гг. // Очерки истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1969.
- Халиков А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971.
- Халиков А.Х. Волго-Камье в начале эпохи раннего железа. М., 1977.
- Халиков А.Х. Об этнокультурной ситуации в Среднем Поволжье и Приуралье в I тысячелетии нашей эры // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев, 1986.
- Халиков А.Х. Балто-марийские контакты по данным языка и археологии // Этнические и социальные процессы у финно-угров Поволжья (I тыс. до н.э. – I тыс. н.э.). Йошкар-Ола, 1987.
- Халиков А.Х. К вопросу об этносе именьковских племен // Памятники первобытной эпохи в Волго-Камье. Казань, 1988.
- Халиков А.Х. О судьбе населения ананьинской общности на Нижней Каме // Археологические памятники зоны водохранилищ Волго-Камского каскада. Казань, 1992.
- Халиков А.Х., Косменко М.Г., Старостин П.Н., Фахрутдинов Р.Г. Куйбышевская экспедиция // Археологические открытия 1967 года. М., 1968.
- Хреков А.А. Грунтовой могильник с сожжениями на западе Саратовской области // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991.
- Хреков А.А. Раннесредневековое поселение Шапкино II в лесостепном Прихоперье // Средневековые памятники Поволжья. Самара, 1995.
- Хреков А.А. Археологические исследования в районе с. Рассказань // Археологическое наследие Саратовского края: Охрана и исследования в 1996 г. Вып. 2. Саратов, 1997.

Ц

Цалкин В.И. Фауна из раскопок памятников Среднего Поволжья // Материалы и исследования по археологии СССР. № 61. М., 1958.

Ч

Чижевский А.А. Исследования в бассейнах рек Свияги и Утки // Археологические открытия Урала и Поволжья. Ижевск, 1991.

Ш

Шпилевский С.М. Древние города и другие булгаро-татарские памятники Казанской губернии. Казань, 1877.

Шрамко Б.А. Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). Киев, 1987.

Щ

Щукин М.Б. Археологические данные о славянах II-IV веков. Перспективы ретроспективного метода // Археологический сборник, вып. 17. Л., 1976.

Щукин М.Б. Горизонт Рахны-Почеп: Причина и условия образования // Культуры Восточной Европы I тысячелетия н.э. Куйбышев, 1986.

Щукин М.Б. О трех путях археологического поиска предков раннеисторических славян. Перспективы третьего пути // Археологический сборник. Вып. 28. Ленинград, 1987.

Щукин М.Б. На рубеже эр. Спб., 1994.

Ю

Юнусова Р.М. Исследование именковских памятников на Самарской Луке // Археологические открытия 1973 года. М., 1974.

Юнусова Р.М. Исследование памятников эпохи железа на Самарской Луке // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976а.

Юнусова Р.М. Работы Куйбышевского областного музея краеведения // Археологические открытия 1975 года. М., 1976б.

Lewicky T. Zródła arabskie do dziejów słowiańszczyzny. T. I. Wrocław; Kraków, 1956.

г. Альметьевск. Селище “Шихан”.

Находится в 12 км к северо-западу от г. Альметьевска Альметьевского района Республики Татарстан, на левом берегу р. Степной Зай.

В 1994-95 гг. исследовалось Е.П.Казаковым.

Казаков Е.П., 1996

д. Байчуга. Погребение.

Находится на юго-восточной окраине д. Байчуга Лаишевского района Республики Татарстан, на краю террасы правого берега р. Камы, вблизи селища Байчуга I.

В 1966 году исследовалось П.Н.Старостиным.

Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. 1981. № 354; Старостин П.Н., 1986а.

с. Бальмеры. Городище “Шолом”.

Находится на территории с. Бальмеры Спасского района Республики Татарстан, на мысу высокого коренного левого берега р. Волги, между двумя оврагами.

В 1898 году обследовалось А.А.Спицыным. В 1925 году В.Ф.Смолин заложил на городище 4 раскопа общей площадью 70 кв. м. В 1954 году Б.Б.Жиромским на городище вскрыто 260 кв. м площади и произведена зачистка берегового обнажения.

В настоящее время городище почти полностью разрушено. В его окрестностях, на расстоянии, не превышающем 400 м, обнаружено четыре селища именьковской культуры (Бальмеры I, II, III, IV).

Спицын А.А., 1916; Смолин В.Ф., 1926; Жиромский Б.Б., 1958; Старостин П.Н., 1967а, №135; Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. 1986. № 103-106.

с. Бальмеры. Городище III (Урняк).

Находится к северу-северо-западу от с. Бальмеры Спасского района Республики Татарстан, на высоком мысу между оврагами, в урочище “Городок” (он же – “Городок Стеньки Разина”).

Раскапывалось П.А.Пономаревым в 1893 году и А.А.Спицыным в 1898 году.

Спицын А.А., 1916; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 308.

с. Бальмеры. Селище V.

Находится в 0,8 – 1,0 км к юго-востоку от с. Бальмеры Спасского района Республики Татарстан, на краю надпойменной террасы левого

³ В настоящий указатель включены памятники именьковской культуры, на которых проводились археологические раскопки – полномасштабные или рекогносцировочные. Указатель составлен В.А. Скарбовенко.

берега р. Волги, за валом Бальмерского I городища, на расстоянии 400 м от него.

В 1955 году А.М.Ефимова заложила на селище два раскопа общей площадью 268 кв. м.

Ефимова А.М., 1962; Старостин П.Н., 1967а; Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. 1986. № 102.

с. Бахилово. Селище I.

Находится в 1,5 км к западу-юго-западу от с. Бахилово Ставропольского района Самарской области, на территории Самарской Луки. Занимает мыс южной стороны Бахиловского оврага, пересекающего Жигулевское плато.

В 1992 году Г.И.Матвеевой на селище вскрыто 164 кв. м площади.

с. Березовая Грива. Погребение.

Находится в 2 км к западу-юго-западу от д. Березовая Грива Алексеевского района Республики Татарстан, на песчаном останце "Лисий остров" надлуговой террасы левого берега р. Камы.

В 1983 году обследовано Е.А.Беговатовым.

Беговатов Е.А., 1988.

д. Богородицкое. Могильник.

Находится в 0,4 км к востоку от бывшей д. Богородицкое и к юго-западу от современного с. Именьково Лаишевского района Республики Татарстан, на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Камы.

В 1979-84 годах П.Н.Старостин исследовал в могильнике 100 погребений. Могильник примыкал к территории селища именьковской культуры.

Старостин П.Н., 1980; Старостин П.Н. 1981; Старостин П.Н. 1983а; Старостин П.Н. 1983б; Старостин П.Н., 1984; Старостин П.Н. 1986б; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. 1987. № 346.

с. Болгары. Селище (городище?) "Бабий бугор".

Находится на территории с. Болгары Спасского района Республики Татарстан, в северо-западной части Болгарского городища, на мысу левого коренного берега р. Волги, носящем название "Бабий бугор"

В 1913 году раскопки на Бабьем бугре проводил М.Н.Хомяков; в 1920 – Б.А.Адлер. В 1947-48 гг. А.М.Ефимова вскрыла на Бабьем бугре 243 кв. м площади.

Ефимова А.М., 1960; Старостин П.Н., 1967а, № 145; Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. 1986. №167; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х. 1987. № 296а.

с. Болгары. Селище "Коптелов Бугор".

Находится на территории с. Болгары Спасского района Республики Татарстан, в пределах Болгарского городища, на мысу

“Коптелов бугор”, образованном расчленением левого коренного берега р. Волги оврагом Иерусалимским.

В 1938 году исследовалось А.П.Смирновым и Н.Ф.Калининым; в 1972 и 1979 гг. П.Н.Старостиным на раскопе LXIX обнаружен ров именьковского поселения.

Старостин П.Н., 1967а, № 146; Полякова Г.Ф., Полубояринова М.Д., Старостин П.Н., Хлебникова Т.А., 1980; Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. 1986. № 171; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 2966.

с. Валы. Селище Муромское.

Находится к северо-западу от с. Валы Ставропольского района Самарской области, на территории Самарской Луки. Занимает высокий ровный участок Жигулевского плато, окруженный со всех сторон оврагами.

В 1973-75 годах исследовалось Р.М.Юнусовой, в 1976-77 гг. – Н.П.Салугиной. Общая вскрытая площадь – около 300 кв. м.

Юнусова Р.М., 1976б; Салугина Н.П., 1977.

с. Валы. Селище Муромский городок.

Находится в 3 км к западу-северо-западу от с. Валы Ставропольского района Самарской области, на Самарской Луке, в границах болгарского городища “Муромский городок”.

При раскопках городища в 1974 году в пределах X раскопа Г.И.Матвеева обнаружила остатки более раннего именьковского поселения.

с. Винновка. Городище Каменная Коза.

Находится в 1,5 км к юго-западу от с. Винновка Ставропольского района Самарской области, на Самарской Луке. Занимает мыс южной кромки Жигулевского плато, ограниченный с двух сторон оврагами и скалистым уступом, обрывающимся к р. Волге.

В 1970-71 гг. Г.И.Матвеева исследовала 276 кв. м площади городища.

Матвеева Г.И., 1975; Салугина Н.П., 1985.

с. Выползово. Селище I.

Находится в 1 км к югу-юго-западу от с. Выползово Волжского района Самарской области, на Самарской Луке. Занимает мыс первой надпойменной правобережной террасы р. Волги, ограниченный двумя оврагами.

Открыто в 1922 году В.В.Гольмстен, в 1973-75 гг. Р.М.Юнусовой на селище вскрыто 328 кв. м площади.

Юнусова Р.М., 1974; Юнусова Р.М., 1976а; Юнусова Р.М., 1976б.

с. Жигули. Селище II.

Находится к северо-востоку от с. Жигули Ставропольского района Самарской области, на территории Самарской Луки.

В 1976 году Л.В.Кузнецова исследовала 42 кв. м площади селища. Салугина Н.П., 1977.

с. Ивановка. Селище Сосенки.

Находится в 1,2 км к северу от с. Ивановка Старомайинского района Ульяновской области, на берегу р. Волги.

В 1987 году М.С.Седова исследовала 95 кв. м площади селища.

с. Именьково. Могильник III.

Находится на западной окраине с. Именьково Лаишевского района Республики Татарстан, на краю первой надпойменной террасы правого берега р. Камы.

В 1983 году П.Н.Старостин исследовал в могильнике три погребения.

Старостин П.Н., 1986а.

с. Именьково. Городище I.

Находится в 1 км к северо-западу от с. Именьково Лаишевского района Республики Татарстан, на узкой стрелке надпойменной террасы, в излучине левого берега р. Брыски.

В 1870-71 гг. исследовалось А.Н.Стойновым. В 1953-54 гг. Н.Ф.Калинин вскрыл на городище 1552 кв. м и исследовал вал раскопом площадью 108 кв. м (всего 1660 кв. м).

К оборонительным сооружениям городища с юга примыкает Именьковское I селище, образующее с городищем единый комплекс. Вблизи восточной окраины с. Именьково на стрелке надпойменной террасы расположено еще одно городище – Именьково II (“Коллар-Коласы”).

Стойнов А.Н., 1871; Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1960; Старостин П.Н., 1967а, №102, 105, 106; Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. 1981. № 536, 537, 551.

с. Карлинское. Селище III.

Находится в 2 км к востоку от с. Карлинское, вблизи северной окраины г. Ульяновска, на мысу первой надпойменной террасы правого берега р. Свияги.

В 1972 и 1974 гг. обследовалось Г.М.Буровым.

Буров Г.М., 1973; Буров Г.М., 1985.

с. Кармалы. Городище.

Находится в 1,5 км к западу от с. Кармалы Ставропольского района Самарской области, на Самарской Луке. Занимает вершину овального в плане холма Жигулевского плато.

Открыто в 1924 году В.В.Гольмстен. В 1984-85 гг. Г.И.Матвеева исследовала 36 кв. м площади городища.

Матвеева Г.И., Морозов В.Ю., 1991.

с. Кармалы. Селище.

Находится в 0,2 км к югу от с. Кармалы Ставропольского района Самарской области, на Самарской Луке. Простирается вдоль глубокого оврага, пересекающего массив Жигулевского плато западнее с. Кармалы.

В 1976 году Н.П.Салугина исследовала на селище 32 кв. м площади.

Матвеева Г.И., 1975; Салугина Н.П., 1977.

с. Кармалы. Металлургический комплекс.

Находится в 0,5 км к югу от с. Кармалы Ставропольского района Самарской области, в 180 м восточнее селища Кармалы (см. выше), на межовражном мысу.

В 1983 году Ю.А.Семькин исследовал остатки металлургического горна именковской культуры.

Семькин Ю.А., 1986.

пос. Коминтерн. Городище I.

Находится в 0,4 км к северу-северо-востоку от пос. Коминтерн Спасского района Республики Татарстан, на мысу правого коренного берега р. Ахтай.

Обследовалось в 1964 году П.Н.Старостиным. За валом городища и в 0,2 км к югу от него располагаются два селища.

Старостин П.Н., 1967а, № 173; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 328.

пос. Коминтерн. Городище “Курган” (Христофоровское).

Находится в 0,6-0,8 км к северу от пос. Коминтерн Спасского района Республики Татарстан, на останце террасы, называемом “Курган”, между современным руслом р. Ахтай и его старицей.

Известно с XIX века. В 1908 году обследовалось В.В. Егеревым, в 1946 году – Н.Ф.Калининым, в 1961 году – Р.Г.Фахрутдиновым, в 1964 году – П.Н.Старостиным.

Старостин П.Н., 1967в; Старостин П.Н., 1983в; Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. 1986. № 550.

пос. Коминтерн. Селище II.

Находится в 1,4 км к северу от пос. Коминтерн Спасского района Республики Татарстан, на острове, в прошлом – на левом берегу р. Ахтай.

Открыто в 1964 году Е.П.Казаковым и на протяжении ряда лет обследовалось им же. Вблизи селища Е.П.Казаков в 1984 году обнаружил грунтовый могильник Коминтерн II.

Казаков Е.П., 1986; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 421.

пос. Коминтерн. Могильник II.

Находится в 1,5 км к северо-западу от пос. Коминтерн Спасского района Республики Татарстан, на останце надпойменной террасы левого берега р. Ахтай.

С 1984 по 1994 гг. Е.П.Казаков исследовал в могильнике 49 погребений.

Казаков Е.П., 1996; Казаков Е.П., 1998.

д. Красная Поляна. Селище.

Находится в 0,15 км к северу от д. Красная Поляна Старомайнского района Ульяновской области, на левом берегу р. Майны (ныне Майнского залива).

В 1989 году Ю.А.Семькин исследовал 256 кв. м площади селища. Семькин Ю.А., 1991.

с. Красная Река. Селище I.

Находится на территории с. Красная Река Старомайнского района Ульяновской области.

В 1988 году разрушающаяся часть селища исследовалась Ю.А.Семькиным.

Вискалин А.В., Ледяйкин В.И., Семькин Ю.А.. 1989.

д. Кузубаево. Городище I.

Находится в 2 км к северу от д. Кузубаево Алнашского района Республики Удмуртии, на высоком мысу левой надпойменной террасы р. Варзи.

Открыто в XIX в. Г.Н.Потаповым. Исследовалось Т.И.Останиной; в 1977 году вскрыто 1125 кв. м, в 1978 – 874 кв. м площади городища; раскопки продолжались также в 1989-90 гг. За валом городища располагается однокультурное ему селище.

Останина Т.И., 1978; Останина Т.И., 1979; Останина Т.И., 1991.

пос. Куйбышевский Затон. Городище Янтиковское (Кирельское).

Находится в 0,85 км к северу от пос. Куйбышевский Затон Камско-Устьинского района Республики Татарстан, на мысу террасы правого берега р. Волги.

В 1949 году Н.Ф.Калинин произвел на городище рекогносцировочные раскопки.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954; Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. 1985. № 691.

с. Кушнареново. Селище.

Находится на северо-восточной окраине районного центра Кушнареново Республики Башкортостан, на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Белой.

В 1959 году В.Ф.Генинг и М.С.Акимова заложили два раскопа общей площадью 118 кв. м.

Генинг В.Ф., 1977.

с. Кушнареново. Могильник.

Находится на северо-восточной окраине районного центра Кушнареново Республики Башкортостан, на том же мысу, что и селище (см. выше), примыкая к последнему с юго-запада.

В 1959 году В.Ф.Генинг и М.С.Акимова исследовали в могильнике два погребения с трупосожжением.

Генинг В.Ф., 1977.

пос. Лбище. Городище.

Находится в 1,5 км к юго-западу от пос. Лбище Ставропольского района Самарской области, на Самарской Луке. Занимает мыс южной кромки Жигулевского плато, ограниченный с двух сторон оврагами и обращенный к р. Волге (местное название мыса – Севрюкаевское Лбище).

В 1981 году исследовалось А.В.Растороповым, в 1982-84 гг. - Г.И.Матвеевой; общая вскрытая на городище площадь – 3708 кв. м.

Расторопов А.В., 1985; Матвеева Г.И., 1984; Матвеева Г.И., 1985; Матвеева Г.И., 1998.

д. Луковское. Городище (Япанчинское).

Находится в 0,8-1,0 км к югу от д. Луковское Зеленодольского района Республики Татарстан, на мысу, образованном крутой излучиной р. Кубня (левого притока р. Свяги), на правобережной ее стороне.

В 1950 году А.Х.Халиковым проведена зачистка обнажений культурного слоя городища. В 1990 году А.М.Губайдуллин и И.Л.Измайлов исследовали 86 кв. м площади памятника.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954; Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье. 1985. № 95; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 263; Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л., 1991.

д. Маклашевка. Городище II.

Находится на месте бывшей д. Маклашевки Спасского района Республики Татарстан, на мысу, в излучине правого берега р. Утки.

В 1963 году П.Н.Старостин исследовал 776 кв. м площади городища. В окрестностях городища, на расстоянии 50-300 м от него, обнаружены четыре селища именьковской культуры (Маклашевка I – IV), а также два грунтовых могильника (см. ниже).

Старостин П.Н., 1967а, № 130; Старостин П.Н., 1968а.

д. Маклашевка. Могильник IV.

Находится на юго-западной окраине бывшей д. Маклашевки Спасского района Республики Татарстан, на краю надпойменной террасы правого берега р. Утки, в 0,8 км к западу от городища Маклашевка II.

В 1980-85 гг. П.Н.Старостин исследовал в могильнике 178 погребений.

Старостин П.Н., 1981; Старостин П.Н., 1983а; Старостин П.Н., 1983б; Старостин П.Н., 1984; Старостин П.Н., 1985; Старостин П.Н., 1986б; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 314.

д. Маклашевка. Могильник V.

Находится на месте бывшей д. Маклашевки Спасского района Республики Татарстан, на мысу коренного правого берега р. Утки, в 0,4 км к северу-северо-западу от городища Маклашевка II.

В 1986-87 гг. П.Н.Старостин исследовал в могильнике 63 погребения.

Старостин П.Н., Чижевский А.А., 1993.

с. Малая Кандарать. Селище Лопатино Ш.

Находится к северу от с. Малая Кандарать Карсунского района Ульяновской области, на мысу Лопатино.

В конце 60-х годов и в 1970 году исследовалось П.Д.Степановым; в 1973 году В.И. Вихляев вскрыл на селище 116 кв. м культурного слоя.

Степанов П.Д., 1971; Вихляев В.И., Шитов В.Н., 1974.

д. Малая Полянка. Селище V.

Находится в 1 км к югу от д. Малая Полянка Чистопольского района Республики Татарстан, на мысу первой террасы левого берега р. Прость.

В 1990 году К.А.Руденко исследовал 60 кв. м площади селища.

Руденко К.А., 1998.

с. Малая Рязань. Селище I.

Находится на территории с. Малая Рязань Ставропольского района Самарской области, в пределах Самарской Луки, на первой надпойменной террасе правого берега р. Волги.

В 1970 году М.Г.Косменко заложил на селище два небольших рекогносцировочных раскопа; в 1971 Г.И.Матвеева исследовала 100 кв. м площади.

Матвеева Г.И., 1975.

д. Матвеево. Селище.

Находится на окраине д. Матвеево Кушнаренковского района Республики Башкортостан, в 7-8 км к северо-западу от райцентра Кушнаренково, на правом берегу р. Чермасан.

В 1957 году Б.Г.Тихонов заложил на селище рекогносцировочный раскоп; в 1959 году В.Ф.Генинг и М.С.Акимова продолжили работы на селище.

Генинг В.Ф., 1977.

г. Междуреченск. Городище.

Находится в 0,5 км к западу от пос. Образцовос и 2,5 км к юго-западу от г. Междуреченска Сызранского района Самарской области, на волго-усинском водоразделе, в западной части Самарской Луки. Располагается на краю высокого, круто обрывающегося к р. Волге плато и ограничено с двух сторон оврагами.

В 1989 году С.Э.Зубов и С.И.Приказчиков заложили на городище два раскопа общей площадью 600 кв. м. Городище относится к золотоордынскому времени, однако при раскопках обнаружены остатки более раннего поселения именьевской культуры.

Салугина Н.П., 1995.

д. Морга. Городище.

Находится в 5 км к северу-северо-западу от д. Морга Дубенского района Республики Мордовии, в бассейне левобережной Суры.

В 1967 году исследовалось П.Д.Степановым.

К югу и востоку от городища находятся три селища, на одном из которых П.Д. Степанов произвел небольшие раскопки.

Степанов П.Д., 1948; Степанов П.Д., 1968.

д. Моркваши. Городище Лысая гора.

Находится в 1,5 км к северу от д. Моркваши (ныне – северная окраина г. Жигулевска) Ставропольского района Самарской области, на Самарской Луке. Занимает вершину мысосообразного отрога Жигулевских гор, круто обрывающегося к р. Волге.

В 1936 году шурфовалось Г.П.Гроздиловым. В 1970 году Г.И.Матвеева заложила на городище раскоп площадью 244 кв. м.

Гроздилов Г.П., 1941; Матвеева Г.И., 1975.

с. Новинки. Селище I.

Находится в 2,2 км к востоку от с. Новинки Волжского района Самарской области, на Самарской Луке. Располагается на краю первой надпойменной террасы р. Волги.

В 1994 году Д.А.Сташенков заложил на селище рекогносцировочный раскоп площадью 14 кв. м.

Сташенков Д.А., 1995а.

с. Новинки. Селище V.

Находится в 2 км к востоку от с. Новинки Волжского района Самарской области, на Самарской Луке. Располагается на краю первой надпойменной террасы р. Волги.

В 1992-94 гг. Д.А.Сташенковым исследовано 240 кв. м площади поселения. В 1999 году при раскопках курганно-грунтового могильника Новинки I им же выявлены остатки шести более ранних именниковских ям, относящихся ко времени функционирования поселения.

Сташенков Д.А., 1993; Сташенков Д.А., 1994; Сташенков Д.А., 1995а; Сташенков Д.А., 1995б.

д. Новые Турбаслы. Селище II.

Находится в 1,5 км к северо-западу от д. Новые Турбаслы Благовещенского района Республики Башкортостан, на краю второй надпойменной террасы правого берега старого русла р. Белой.

В 1958 году Н.А.Мажитовым исследовано 544 кв. м площади поселения.

Мажитов Н.А., 1962.

с. Переволоки. Городище.

Находится в 5 км к юго-востоку от с. Переволоки, в Сызранском районе Самарской области, на Самарской Луке. Занимает площадку круто обрывающегося к р. Волге тупого мыса Жигулевского плато, ограниченного с двух сторон оврагами.

Открыто в 1982 году А.В.Богачевым. В 1988 году Г.И.Матвеева исследовала 581 кв. м площади городища. За валом городища находится обширное по площади селище.

Богачев А.В., Матвеева Г.И., Набоков А.В., 1989.

с. Пичкасы. Селище у рыбопитомника.

Находится в 0,4 км к северо-востоку от рыбопитомника у с. Пичкасы Спасского района Республики Татарстан, на мысу первой надпойменной террасы левого берега р. Ахтай.

В 1981 году П.Н.Старостиным на селище произведены небольшие рекогносцировочные раскопки.

Казаков Е.П., Старостин П.Н., 1983; Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. 1986. № 448.

с. Подгоры. Городище Белая гора.

Находится в 1,5 км с севера от с. Подгоры Волжского района Самарской области, на Самарской Луке. Располагается на площадке в верхней части склона мысообразно выступающего отрога Жигулевских гор, носящего местное название "Белая гора".

Открыто в 1922 году В.В.Гольмстен. В 1938 году в связи с обследованием памятников в зоне проектируемого Куйбышевского гидроузла шурфовалось А.В.Збруевой. В 1969 году обследовалось И.Б.Васильевым.

Гольмстен В.В., 1925а; Збруева А.В., Смирнов А.П., 1947; Матвеева Г.И., 1975.

с. Подгоры. Селище у подножья Белой горы.

Находится в 1,4 км с севера от с. Подгоры Волжского района Самарской области, на Самарской Луке. Занимает узкую полосу первой надпойменной правобережной волжской террасы между Белой горой (см. выше) и пойменным озером Каменным.

Открыто в 1922 году В.В.Гольмстен. В 1998-2001 гг. М.С.Седовой, В.А.Скарбовенко и В.Н.Мышкиным на селище вскрыта суммарная площадь 3704 кв. м.

Гольмстен В.В., 1925а; Матвеева Г.И., 1975.

с. Подстепки. Селище Водозаборное.

Находится на южной окраине с. Подстепки Ставропольского района Самарской области, на краю первой надпойменной террасы левого берега р. Волги.

В 1973 году Р.М.Юнусовой (Ключниковой) произведена зачистка берегового обнажения и шурфовка; в 1975 году вскрыто 32 кв. м площади селища.

Юнусова Р.М., 1974; Юнусова Р.М., 1976б.

с. Полянка. Селище IV.

Находится в 1 км к югу от с. Полянки Спасского района Республики Татарстан, на левом берегу р. Волги.

В 1978 году Е.П.Казаковым на селище заложены два раскопа общей площадью 54 кв. м.

Казаков Е.П., 1979.

с. Полянки. Селище III.

Находится в 0,6 км к югу от с. Полянки Спасского района Республики Татарстан, на левом коренном берегу р. Волги.

В разрушающейся водохранилищем береговой части селища Е.П.Казаков доисследовал два жилища и две хозяйственные ямы.

Казаков Е.П., 1986а.

д. Пролетарий. Городище.

Находится в 0,5 км к востоку-северо-востоку от д. Пролетарий Челно-Вершинского района Самарской области, на горе Каменной.

Открыто в 1965 году Р.Г.Фахрутдиновым. В 1995-99 гг. Д.А.Сташенковым на городище заложены четыре раскопа общей площадью 1000 кв. м.

Сташенков Д.А., 1996б; Сташенков Д.А., 1997а; Сташенков Д.А., 1998.

с. Рождествено. Городище “Курган”.

Находится в 0,5 км к северу от с. Рождествено Лаишевского района Республики Татарстан, на мысу верхней надпойменной террасы правого берега р. Меша, от которого сохранился останец под местным названием “Курган”.

Неоднократно осматривалось во второй половине XIX века. Обследовалось экспедициями Института языка, литературы и истории Казанского филиала АН СССР в 1948, 1951, 1952 и 1958 гг.

Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К., 1962; Старостин П.Н., 1967а, № 93; Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье. 1981. № 382; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 342.

с. Рождествено. Селище IV.

Находится на северной окраине с. Рождествено Лаишевского района Республики Татарстан, за валом Рождественского городища.

В 1948 году обследовалось Н.Ф.Калининым. В 1956 и 1958 гг. В.Ф. Генинг заложил на селище два раскопа.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954; Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К., 1962; Старостин П.Н., 1967а, № 96; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 342.

с. Рождествено. Могильник II.

Находится на южной окраине селища Рождествено IV (см. выше), на краю террасы правого берега р. Меша.

Открыт в 1948 году Н.Ф.Калининым. В 1956-58 гг. В.Ф.Генинг исследовал в могильнике 123 погребения. Раскопки могильника про-

должил П.Н.Старостин: в 1970, 1972 и 1978 гг. он вскрыл 43 (по другим данным – 60) погребения.

Генинг В.Ф., 1960; Генинг В.Ф., Стоянов В.Е., Хлебникова Т.А., Вайнер И.С., Казаков Е.П., Валеев Р.К., 1962; Старостин П.Н., Халикова Е.А., Халиков А.Х., 1971; Старостин П.Н., Косменко М.Г., Халиков А.Х., Казаков Е.П., 1973; Старостин П.Н., Габяшев Р.С., 1979; Старостин П.Н., 1986а.

с. Рождествено. Селище Карлинское.

Находится на северной окраине с. Рождествено Волжского района Самарской области, на территории Самарской Луки. Занимает мыс первой надпойменной правобережной волжской террасы, ограниченный глубоким оврагом и протокой Воложкой. В настоящее время часть селища застроена домами пос. Карлинский.

В 1993, 1995-96 гг. Д.А.Сташенковым исследовано 192 кв. м площади селища.

Сташенков Д.А., 1994; Сташенков Д.А., 1996б; Сташенков Д.А., 1997а.

д. Романовка. Селище П.

Находится в 1,5-2 км к северу от д. Романовка Уфимского района Республики Башкортостан (ныне – Демский район г. Уфы), на мысу второй надпойменной террасы левого берега старого русла р. Белой.

В 1961 году исследовалось И.В.Сальниковым, в 1968-69 гг. Г.Н.Матюшин вскрыл 258 кв. м площади памятника. В 1965, 1968 и 1989 гг. Г.И.Матвеева раскопала еще около 400 кв. м памятника.

Сальников И.В., 1964; Матюшин Г.Н., 1962.

с. Сайнино. Городище Ош-Пандо.

Находится в 0,5 км к северо-западу от с. Сайнино Дубенского района Республики Мордовия, на высоком мысу р. Веле-Лей.

На карте В.Н.Поливанова (1900 г.) обозначено под названием “Барышское”. В 1946-49 гг. П.Д.Степанов исследовал 2479 кв. м площади городища.

Степанов П.Д., 1964; Степанов П.Д., 1967.

с. Саралы. Городище I (“Тексер” Лысая гора).

Находится в 3,5 км к юго-западу от с. Саралы Лаишевского района Республики Татарстан, на межовражном мысу верхней террасы левого берега р. Волги.

В 1952 году экспедицией ИЯЛИ им. Ибрагимова КФАН СССР на городище исследовано 100 кв. м площади.

Северо-западнее городища, за оврагом, располагается городище Саралы II (“Девичья гора”), к которому примыкают два селища – Саралы I и II.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954; Старостин П.Н., 1967а, № 82; Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье, 1981, № 297.

с. Сиделькино. Селище II.

Находится в 0,8 км к северо-западу от с. Сиделькино Челно-Вершинского района Самарской области, на правобережной террасе р. Большой Черемшан, на горе "Маяк".

В 1995 году Д.А. Сташенков исследовал 26 кв. м площади памятника.

Сташенков Д.А., 1996а.

с. Сиделькино. Могильник I.

Находится в 0,8 км к северо-западу от с. Сиделькино Челно-Вершинского района Самарской области, на горе "Маяк", на территории селища Сиделькино II.

В 1991 и 1995 гг. Д.А.Сташенков исследовал в могильнике 3 погребения по обряду трупосожжения и трупоположения.

Сташенков Д.А., 1996а.

с. Старая Игра. Городище.

Находится у с. Старая Игра Граховского района Республики Удмуртия, на мысу при слиянии р. Улек и Юрашка.

В 1981 году Т.И.Останина исследовала 680 кв. м площади городища.

Останина Т.И., 1983; Останина Т.И., 1986.

с. Старая Майна. Селище II.

Находится в 1,5 км к юго-востоку от с. Старая Майна Старомайнского района Ульяновской области, на острове у берега Куйбышевского водохранилища, в прошлом – надпойменной террасе левого берега р. Волги. Культурный слой селища размывает водохранилищем.

На протяжении ряда лет на месте селища собран значительный подъемный материал. На территории селища находится могильник Старая Майна II (см. ниже).

Казаков Е.П., 1986а.

с. Старая Майна. Могильник II.

Находится в 1,5 км к юго-востоку от с. Старая Майна Старомайнского района Ульяновской области, в левобережной части долины р. Волги, на территории селища Старая Майна II (см. выше).

В 1984 году Е.П.Казаков исследовал в могильнике 23 погребения.

Казаков Е.П., 1987.

с. Старая Майна. Селище III.

Находится в 2,5 км к югу от с. Старая Майна Старомайнского района Ульяновской области, в 0,7 км к югу-юго-западу от селища II. Культурный слой селища размывается Куйбышевским водохранилищем.

На территории памятника Е.П.Казаковым собран подъемный материал.

Казаков Е.П., 1986а.

с. Старая Майна. Городище.

Находится в 6 км к северу от с. Старая Майна Старомайнского района Ульяновской области, на террасе правого берега р. Майна (ныне Майнского залива Куйбышевского водохранилища), на стрелке мыса.

Известно с XIX века; неоднократно осматривалось археологами. В 1984-87 и в 1990-91 гг. Г.И.Матвеева исследовала 2056 кв. м площади памятника. С севера и востока к городищу примыкает селище.

Поливанов В.Н., 1971; Буров Г.М., 1973; Богачев А.В., 1991; Матвеева Г.И., Набоков А.В., Кочкина А.Ф., 1991; Матвеева Г.И., 1993.

г. Старый Куйбышев. Городище Кураловское.

Находится на северо-восточной окраине г. Старый Куйбышев, в Спасском районе Республики Татарстан, на надпойменной террасе правого берега р. Бездна, в месте, где русло реки делает крутую петлю (ныне на острове).

В 1946 году обследовалось Н.Ф.Калининым: заложена серия шурфов и произведена зачистка обнажения культурного слоя. С начала 60-х годов регулярно осматривалось экспедициями ИЯЛИ КФ АН СССР. В 1989 году И.Р.Газимзянов и И.Л.Измайлов заложили на городище раскоп площадью 90 кв. м.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954; Старостин П.Н., Косменко М.Г., Халиков А.Х., Казаков Е.П., 1973; Казаков Е.П., 1979; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 263; Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., 1991.

г. Старый Куйбышев. Селище IV.

Находится в 0,5 км к северо-востоку от г. Старый Куйбышев Спасского района Республики Татарстан, в 200 м к северу от городища Старый Куйбышев (см. выше), на острове, в прошлом – террасе р. Бездны.

В 1946 году осмотрено Н.Ф.Калининым. С 1961 года неоднократно обследовалось Е.П.Казаковым. В 1972 году при раскопках мусульманского Старокуйбышевского I могильника Е.А.Халикова исследовала юго-восточную часть территории селища. В 1987 году И.Р.Газимзянов и И.Л.Измайлов вскрыли еще 146 кв. м площади памятника.

Старостин П.Н., Косменко М.Г., Халиков А.Х., Казаков Е.П., 1973; Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Косменко М.Г., Старостин П.Н., Кузьминых С.В., 1974; Казаков Е.П., 1979; Казаков Е.П., 1981; Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. 1986. № 349; Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., 1989; Газимзянов И.Р., Измайлов И.Л., 1991.

г. Старый Куйбышев. Погребение.

Находится в 1 км к востоку от северной окраины г. Старый Куйбышев Спасского района Республики Татарстан, в 20-30 м к востоку от

селища Старый Куйбышев IV (см. выше), на краю надлуговой террасы правого берега р. Бездны, в ее излучине, в урочище "Мары".

Исследовано в 1972 году П.Н.Старостиним.

Старостин П.Н., 1975.

с. Степановка. Городище I.

Находится в 1 км к северу-северо-западу от с. Степановка Буинского района Республики Татарстан, на мысу коренного правого берега р. Свяги.

В 1949 году Н.Ф.Калининым поперек вала городища заложен рекогносцировочный раскоп площадью 6 кв. м для изучения устройства оборонительных сооружений. В 1990 году А.А.Чижевский исследовал 60 кв. м культурного слоя памятника.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954; Старостин П.Н., 1967а, № 55; Чижевский А.А., 1991.

с. Сюкеево. Городище.

Находится в 4 км к юго-востоку от с. Сюкеево Камско-Устьинского района Республики Татарстан, на мысу надпойменной террасы правого берега р. Волги. В 1928 году осматривалось Н.Ф. Калининым. В 1963 и в 1980-82 гг. П.Н. Старостин и Е.П. Казаков произвели на городище небольшие раскопки.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954; Казаков Е.П., 1983; Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье, 1985.

с. Тавлино. Городище.

Находится в 0,3 км к северу от с. Тавлино Зеленодольского района Республики Татарстан, на стрелке террасы левого берега р. Кирмелька (бассейн р. Свяги).

В 1950 году А.Х.Халиков заложил на городище серию шурфов. В 1990 году А.М.Губайдуллин и И.Л.Измайлов исследовали на городище 62 кв. м площади.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 262; Губайдуллин А.М., Измайлов И.Л., 1991.

с. Танкеевка. Селище Ia.

Находится в с. Танкеевка Спасского района Республики Татарстан, на левом берегу р. Старая Рытвина.

При раскопках Танкеевского грунтового могильника с 1961 по 1984 гг. Е.П.Казаков обнаружил в 24 раскопах более 20 хозяйственных ям с находками, относящимися к именьковской культуре.

Старостин П.Н., 1967а, № 128; Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье. 1986. № 52.

д. Тарновка. Селище.

Находится в 2,5 км к северу от бывшей д. Тарновки и 5 км к юго-западу от с. Хрящевки Ставропольского района Самарской области,

на высоком левом берегу р. Воложки, рукава р. Волги (в настоящее время эта местность затоплена Куйбышевским водохранилищем).

В 1951 году Н.Я. Мерперт заложил на селище два рекогносцировочных раскопа общей площадью 52 кв. м.

Мерперт Н.Я., 1954.

с. Татарские Измери. Городище “Девичий городок”.

Находится в 3,5-4 км к западу-юго-западу от с. Татарские Измери Спасского района Республики Татарстан, на мысу надпойменной террасы левого берега р. Ахтай.

Известно с XIX века. В 1946 году обследовалось Н.Ф.Калининым. С 1961 года неоднократно посещалось сотрудниками экспедиции ИЯЛИ КФ АН СССР. В 1977-78 гг. П.Н.Старостин исследовал 316 кв. м площади городища.

Калинин Н. Ф., Халиков А.Х., 1954; Старостин П.Н., 1967а, № 170; Казаков Е.П., 1975; Казаков Е.П., 1976; Казаков Е.П., 1980; Габяшев Р.С., Старостин П.Н., Юсупов Г.Т., 1978; Марков В.И., Старостин П.Н., 1979; Казаков Е.П., Старостин П.Н., 1983; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 331; Казаков Е.П., 1986.

с. Татарские Измери. Селище Измери I.

Находится в 2,5 км к западу-юго-западу от с. Татарские Измери Спасского района Республики Татарстан, неподалеку от городища “Девичий городок”.

С начала 60-х гг. неоднократно осматривалось экспедицией ИЯЛИ КФ АН СССР с целью сбора подъемного материала из разрушаемой водохранилищем части селища. В 1977 году Е.П.Казаков исследовал 114 кв. м площади селища.

Габяшев Р.С., Казаков Е.П., Косменко М.Г., Кузьмин С.В., 1974; Казаков Е.П., 1975; Казаков Е.П., 1976; Казаков Е.П., 1978; Казаков Е.П., 1979; Казаков Е.П., 1986.

с. Татарские Измери. Могильник IX.

Находится в 3,5 км к западу от с. Татарские Измери Спасского района Республики Татарстан, в урочище “Девичий городок”.

В 1989-90 гг. Казаков Е.П. исследовал в могильнике 29 погребений.

Казаков Е.П., 1991а; Казаков Е.П., 1993.

д. Татарское Сунчелеево. Городище “Кыз-Тай”.

Находится в 0,5 км к северу от д. Татарское Сунчелеево Аксубаевского района Республики Татарстан, на мысу коренного правого берега р. Большая Сульча.

В 1963 году П.Н.Старостин заложил на городище небольшой рекогносцировочный раскоп.

Старостин П.Н., 1967а, № 230; Казаков Е.П., Старостин П.Н., Халиков А.Х., 1987, № 30.

с. Ташкирмень. Городище I (“Кали-Баш”).

Находится на юго-восточной окраине с. Ташкирмень Лаишевского района Республики Татарстан, за оврагом, северо-восточнее с. Макаровка. Располагается на высоком мысу правого берега р. Меши.

В 1871 году А.Н.Стоянов заложил на городище рекогносцировочный раскоп. В 1948 году городище обследовалось Н.Ф.Калининым; в центре площадки, недалеко от раскопа А.Н.Стоянова, заложен шурф, а на северной оконечности вала – небольшой раскоп. В 1965 году П.Н.Старостин изучал конструкцию оборонительных сооружений городища.

К городищу примыкают три селища именьковской культуры – Ташкирмень I, IV, VI. На окраине южного селища Ташкирмень I обнаружен могильник (см. ниже). На противоположной стороне оврага, на южной окраине с. Ташкирмень, северо-западнее городища, находится еще одно городище – Ташкирмень II, или “Бишек-Тау”, на котором в 1948 году Н.Ф.Калинин заложил рекогносцировочный раскоп. За валом городища находится селище Ташкирмень II, к востоку от него – селище Ташкирмень V.

Стоянов А.Н., 1971; Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954; Старостин П.Н., 1967а, № 84-91; Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье, 1981, № 337-343.

с. Ташкирмень. Могильник.

Находится в 200 м от городища Ташкирмень I (см. выше). Занимает участок правого берега р. Меши, примыкая с севера к селищу Ташкирмень I.

В 1988 году П.Н.Старостин исследовал в могильнике два погребения.

Старостин П.Н., 1994.

с. Тимяшево. Селище I.

Находится в 0,2 км к югу от с. Тимяшево Шенталинского района Самарской области, на краю высокой террасы.

В 1999 году Д.А.Сташенков исследовал 200 кв. м площади селища.

с. Торное. Городище II.

Находится в 5 км к северо-востоку от с. Торное Волжского района Самарской области, на Самарской Луке. Занимает вершину мысосообразного отрога южной кромки Жигулевского плато, носящего на этом отрезке собственное название “Сидоровы горы”.

В 1923 году городище шурфовалось В.В.Гольмстен. В 1973 году Г.И.Матвеева заложил на городище рекогносцировочный раскоп площадью 16 кв. м и 13 шурфов; общая вскрытая площадь – 39 кв. м.

Матвеева Г.И., 1975.

с. Троицкий Урай. Городище I (“Широкая гора”).

Находится в 1,2 км к западу-северо-западу от с. Троицкий Урай Рыбно-Слободского района Республики Татарстан, на мысу правого берега р. Камы, между оврагами.

В 1973 году П.Н. Старостин произвел на городище небольшие раскопки.

За валом городища расположено селище Троицкий Урай I (см. ниже), у подножия – селище Троицкий Урай II. В 60-70 м к востоку от городища находится еще одно городище – Троицкий Урай II, с которым связано селище Троицкий Урай III.

Ишмуратова Г.Р., Старостин П.Н., 1974; Старостин П.Н., 1967а, № 110; Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье, 1981, № 645.

с. Троицкий Урай. Селище I.

Находится за валом городища Троицкий Урай I (см. выше). В 1973 году осмотрено П.Н. Старостиным. В 1976 году им заложен на селище раскоп площадью 75 кв. м.

Ишмуратова Г.Р., Старостин П.Н., 1974; Старостин П.Н., 1967а; Старостин П.Н., Габяшев Р.С., 1977; Археологическая карта Татарской АССР. Предкамье, 1981, № 646.

с. Троицкий Урай. Погребение.

Обнаружено в 1973 году П.Н. Старостиным на территории селища Троицкий Урай I (см. выше) Рыбно-Слободского района Республики Татарстан.

Ишмуратова Г.Р., Старостин П.Н., 1974; Старостин П.Н., 1986а.

пос. Усинский. Селище III.

Находится в 0,1 км к северу от пос. Усинский Волжского района Самарской области, на территории Самарской Луки. Располагается на краю первой надпойменной правобережной волжской террасы.

В 1988 году И.Н. Васильева при раскопках средневекового грунтового могильника золотоордынской эпохи исследовала 512 кв. м площади более раннего поселка именьковской культуры.

г. Уфа. Городище II.

Находится на территории г. Уфы Республики Башкортостан, на правом берегу р. Белой.

В 1957 и 1958 гг. П.Ф. Ищериковым и Н.А. Мажитовым исследовано 32 кв. м площади памятника.

Ищериков П.Ф., Мажитов Н.А., 1962; Сальников К.В., 1964.

г. Уфа. Погребение на Пушкинской улице.

Погребение с трупосожжением обнаружено на Пушкинской улице г. Уфы Республики Башкортостан.

Сальников К.В., 1964.

с. Чирки-Бибкеево. Городище I.

Находится в 3 км к северо-востоку от с. Чирки-Бибкеево Буинского района Республики Татарстан, на мысу коренного правого берега р. Свияги.

Открыто в 1928 году, осматривалось Н.Ф.Калининым в 1949 году.

Калинин Н.Ф., Халиков А.Х., 1954; Старостин П.Н., 1967а, № 49; Археологическая карта Татарской АССР. Предволжье, 1985, № 466.

с. Шелехметь. Городище Ош-Пандо-Нерь.

Находится в 1,25 км к западу-северо-западу от с. Шелехметь Волжского района Самарской области, на Самарской Луке. Занимает вершину горы Ош-Пандо-Нерь, представляющую собой мысообразный отрог южной кромки Жигулевского плато.

Впервые упоминается К.И.Невоструевым в работе 1871 года; в 1922 году обследовалось В.В.Гольмстен, в 1969 – И.Б.Васильевым, в 1993 – В.А.Скарбовенко.

Невоструев К.И., 1871; Гольмстен В.В., 1925а; Матвеева Г.И., 1975.

с. Шелехметь. Селище Ош-Пандо-Нерь.

Находится в 0,7 км к западу от с. Шелехметь Волжского района Самарской области, на Самарской Луке, у подножия горы Ош-Пандо-Нерь (см. выше). Занимает приустьевую часть межгорной долины Холодный овраг и примыкающую к подножию горы узкую полосу первой надпойменной волжской террасы.

Открыто в 1922 году В.В.Гольмстен. Исследовалось в 1970, 1980-81 гг. Г.И.Матвеевой, в 1993-96 гг. М.С.Седовой, в 1994 году – Р.С.Багаутдиновым, в 1995 – В.А.Скарбовенко. Общая вскрытая площадь – 1594 кв. м.

Матвеева Г.И., 1975; Ключникова Р.М., Матвеева Г.И., 1985; Седова М.С., 1995.

пос. Шигоны. Селище П.

Находится в 2 км к юго-востоку от пос. Шигоны Шигонского района Самарской области, на левом берегу р. Усы.

Исследовалось в 1979-82 гг. А.А.Выборновым, О.В.Кузьминой, А.П.Семеновым; культурный слой с именьковскими сооружениями (металлургическими горнами) обнаружен на участке VI раскопа I 1980 года, на площади 84 кв. м; в квадратах 452, 459-461 раскопа I 1982 года и квадратах 1-2, 9-10 участка II 1982 года.

Семькин Ю.А., 1998.

д. Щербеть. Селище Островное I.

Находится в 5,5 км к северо-западу от д. Щербеть Спасского района Республики Татарстан, на останце надпойменной террасы левого берега р. Бездны.

Обследовалось П.Н.Старостиным в 1964 и 1965 гг. В 1965 году П.Н.Старостин раскопал две меднолитейные мастерские в разрушаемой водохранилищем части селища и обнаружил клад латунных слитков.

Старостин П.Н., 1967а, № 147; Старостин П.Н., 1986б; Сидоров В.Н., Старостин П.Н., 1970; Археологическая карта Татарской АССР. Западное Закамье, 1986, № 231.

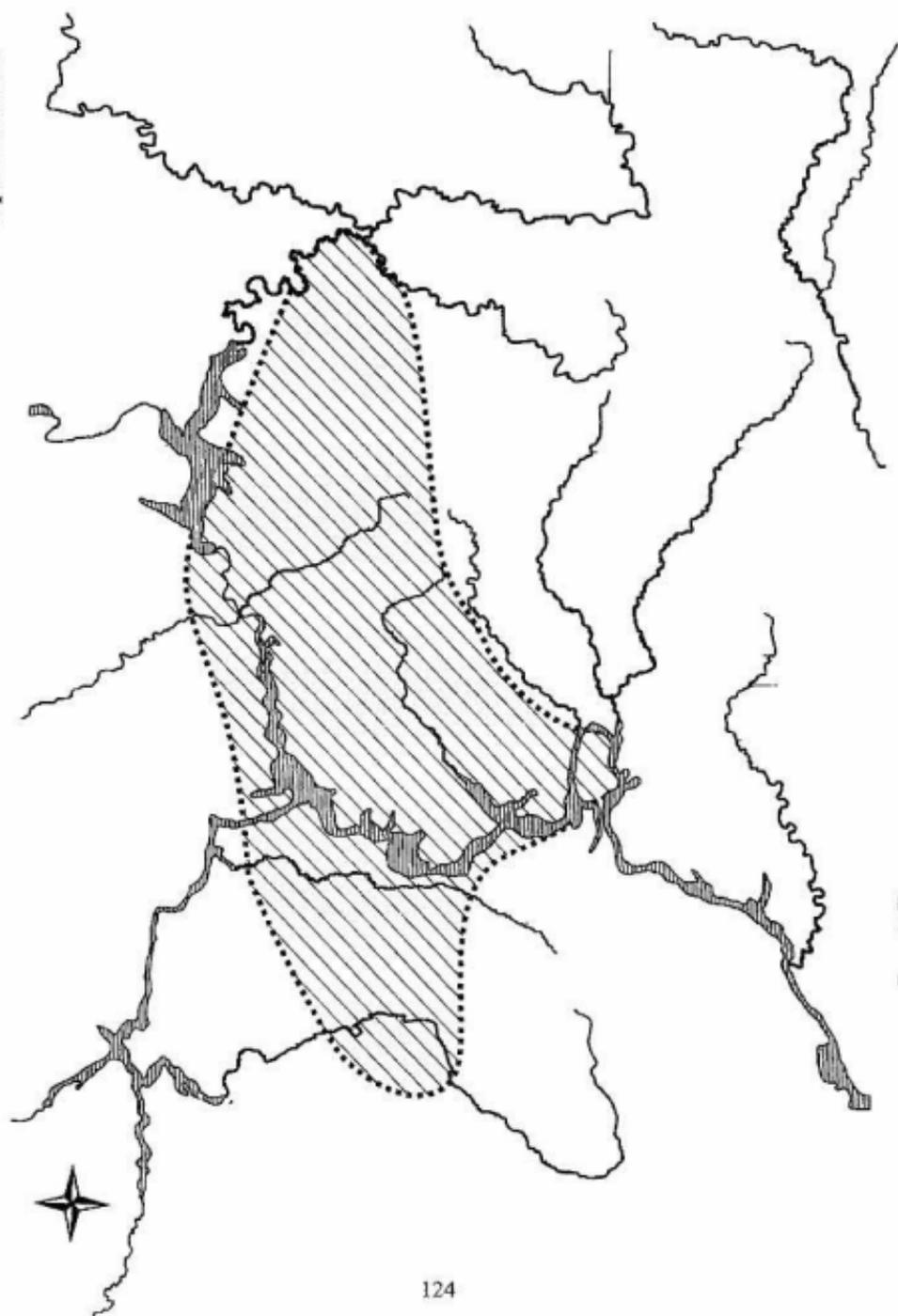

Рис. 1. Территория распространения именьковской культуры

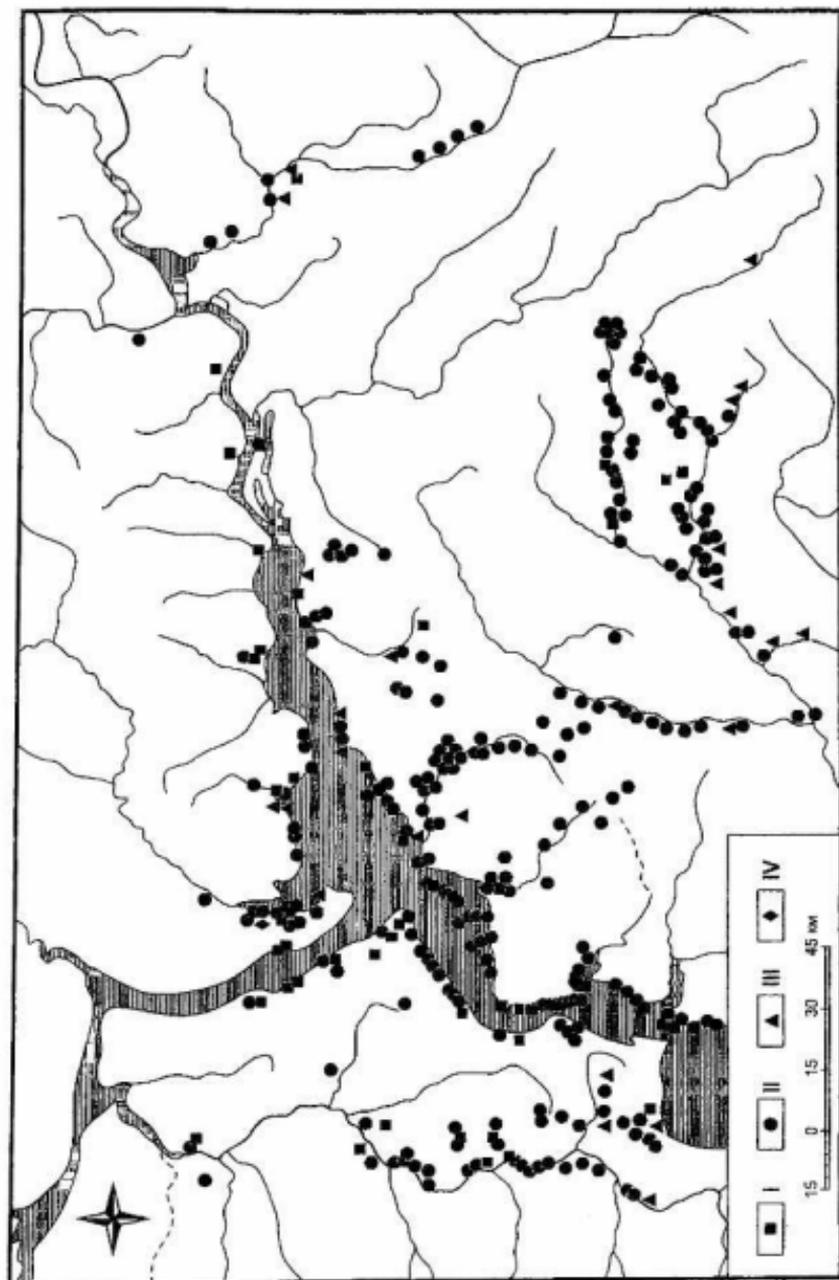

Рис. 2. Карта памятников именковской культуры Прикамья и бассейна р. Свияги (по П.Н.Старостину)

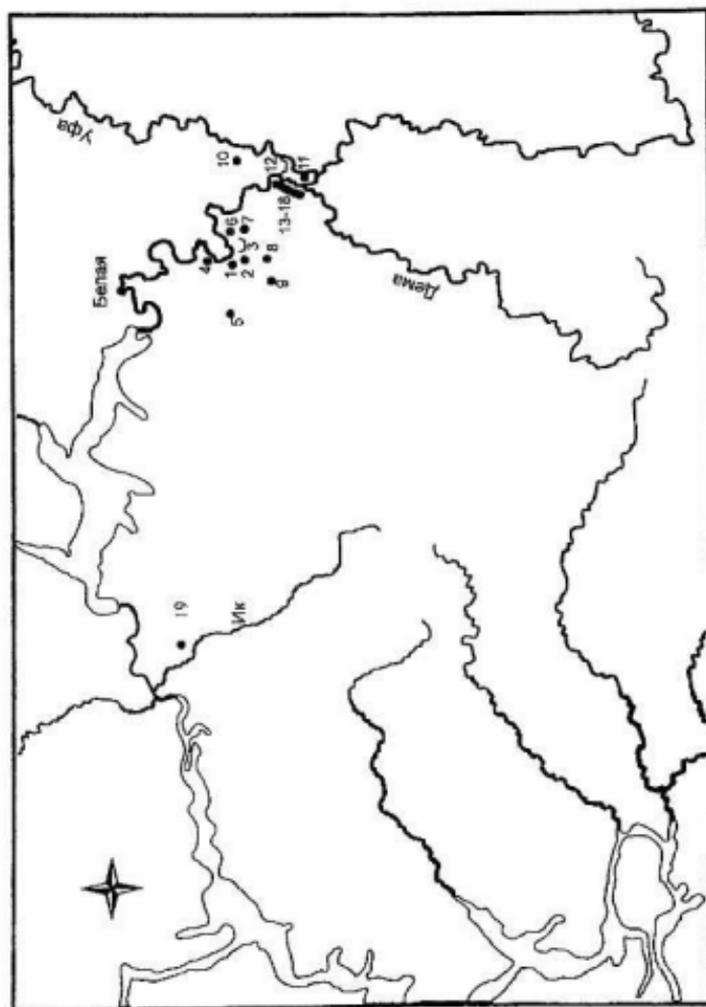

Рис. 3. Карта памятников именьковской культуры Южного Приуралья:

- 1 – Кушнаренковское городище, 2 – Кушнаренковское селище, 3 – Кушнаренковский могильник, 4 – Старо-Баскаковское селище, 5 – Матвеевское селище, 6 – Ахметовское I селище, 7 – Ахметовское II селище, 8 – Кувьковское городище, 9 – Восекское селище, 10 – Ново-Турбасливское II селище, 11 – городище Уфа II, 12 – Уфимский могильник на ул. Пушкина, 13 – Романовка I селище, 14 – Романовка II селище, 15 – Романовка IV селище, 16 – Романовка VIII селище, 17 – Миловка II селище, 18 – Миловка IV селище, 19 – Карповское городище.

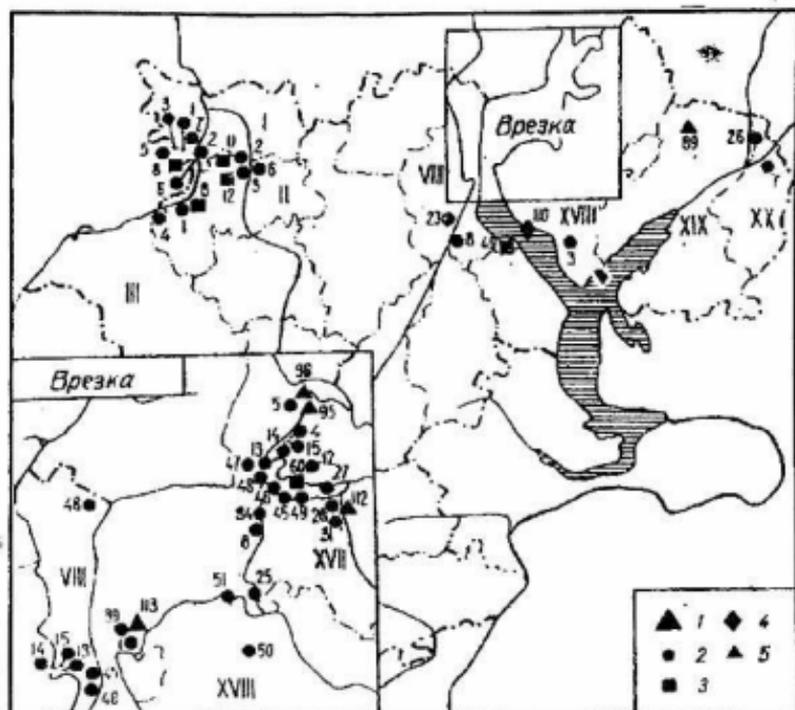

Рис. 4. Карта памятников именьковской культуры Ульяновской области (по Г.М.Бурову).

- 1 – фибула IV в, 2 – селище именьковской культуры, 3 – городище той же общины, 4 – «клад» VI–VII вв, 5 – находка именьковской керамики.
- I – Сурский район: 1 – селище Ашна-Пандо; 2 – Болтаевка; 3, 5 – Гулюшево I, III; 6 – Кирзять; 7 – Сурское; 8 – Ашна-Пандовское городище;
- II – Карсунский: 1 – Беловодье; 2, 3 – Малая Каударать I, II; 6 – Усть-Урень; 8 – Беловодское городище; 12 – Малокапгаратское II городище, III – Инзенский: 4 – Стрельниково; VIII – Ульяновский; 8 – Большие Ключицы II; 13-15 – Карлинское III-V; 23 – Кувшиновка I; 45, 40 – Ульяновск I, II; 48 – Черталинский овраг; 49 – Арбушское городище, XVII – Старомайнский: 4, 5 – Волостниковка I, II; 8 – Головкино III; 12-15 – Грязнуха I-IV; 25 – Ивановка II; 27 – Красная поляна; 28, 31 – Красная Река I, IV; 34 – Малиновка I; 45-49 – Старая Майна I-V; 60 – Майнское городище; 95, 96 и 112 – Волостниковские I, II, и Краснореченская находки керамики; XVIII – Чердаклинский: 1 – Алексеевка I; 3 – Андреевка I, 39 – Малое Пальцино, 50 – Чердаклы; 51 – Юрманки I; 110г – Кайбельский «клад»; 113 – Алексеевская находка фибулы; XIX – Мелекесский: 26 – Новая Сахча II; 89 – Лесо-Хмелевская II находка керамики, XX – Новомальклинский: 7 – Старый Сантимир II.

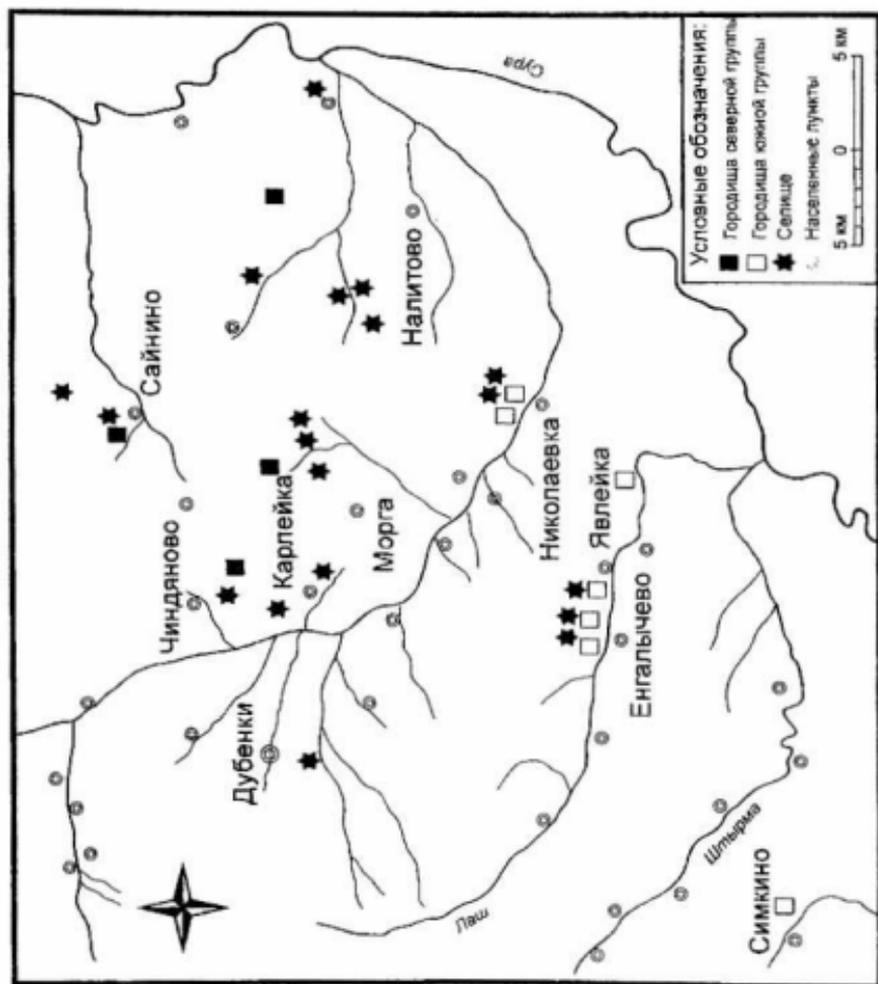

Рис. 5. Карта памятников именниковской культуры Среднего течения р. Суры (по П.Д.Стенанову)

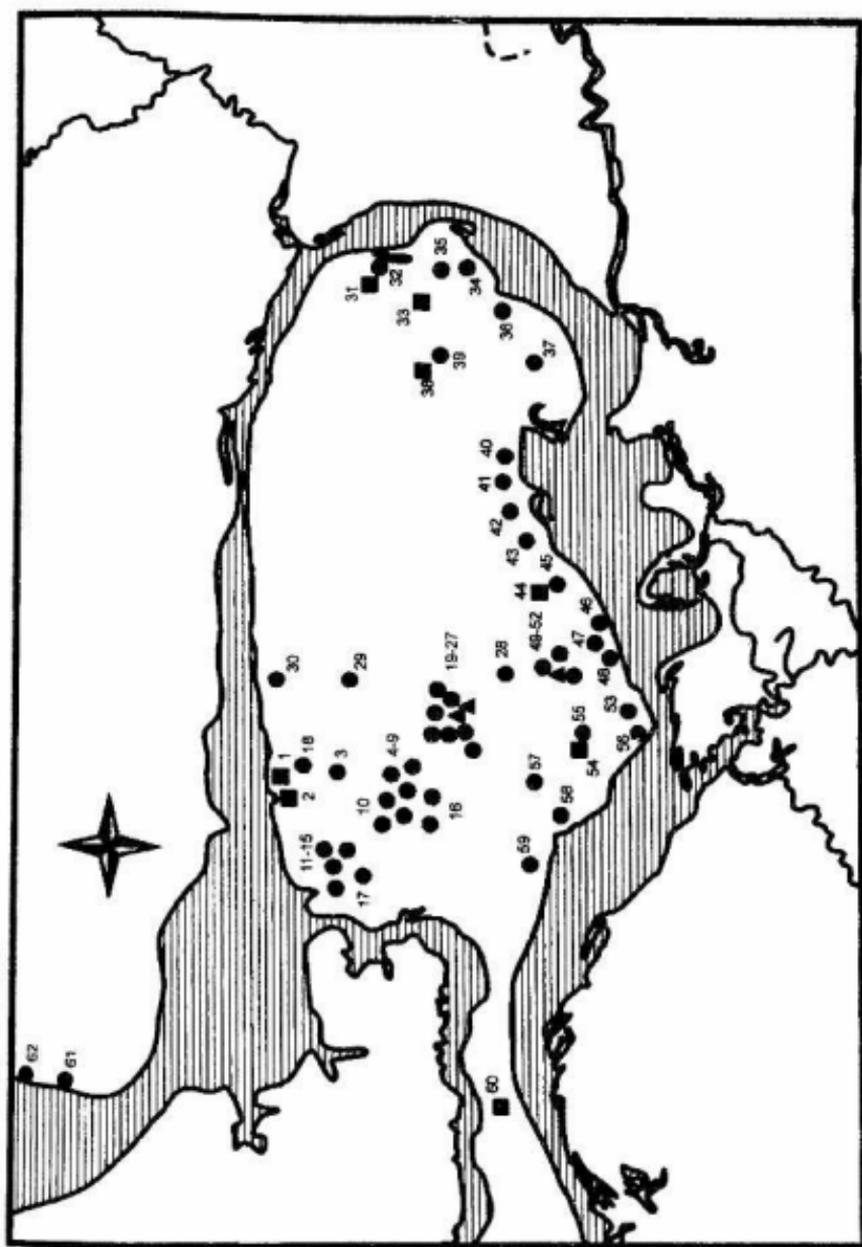

Рис. 6. Карта памятников именьковской культуры Самарской Луки (по Г.И.Матвеевой)

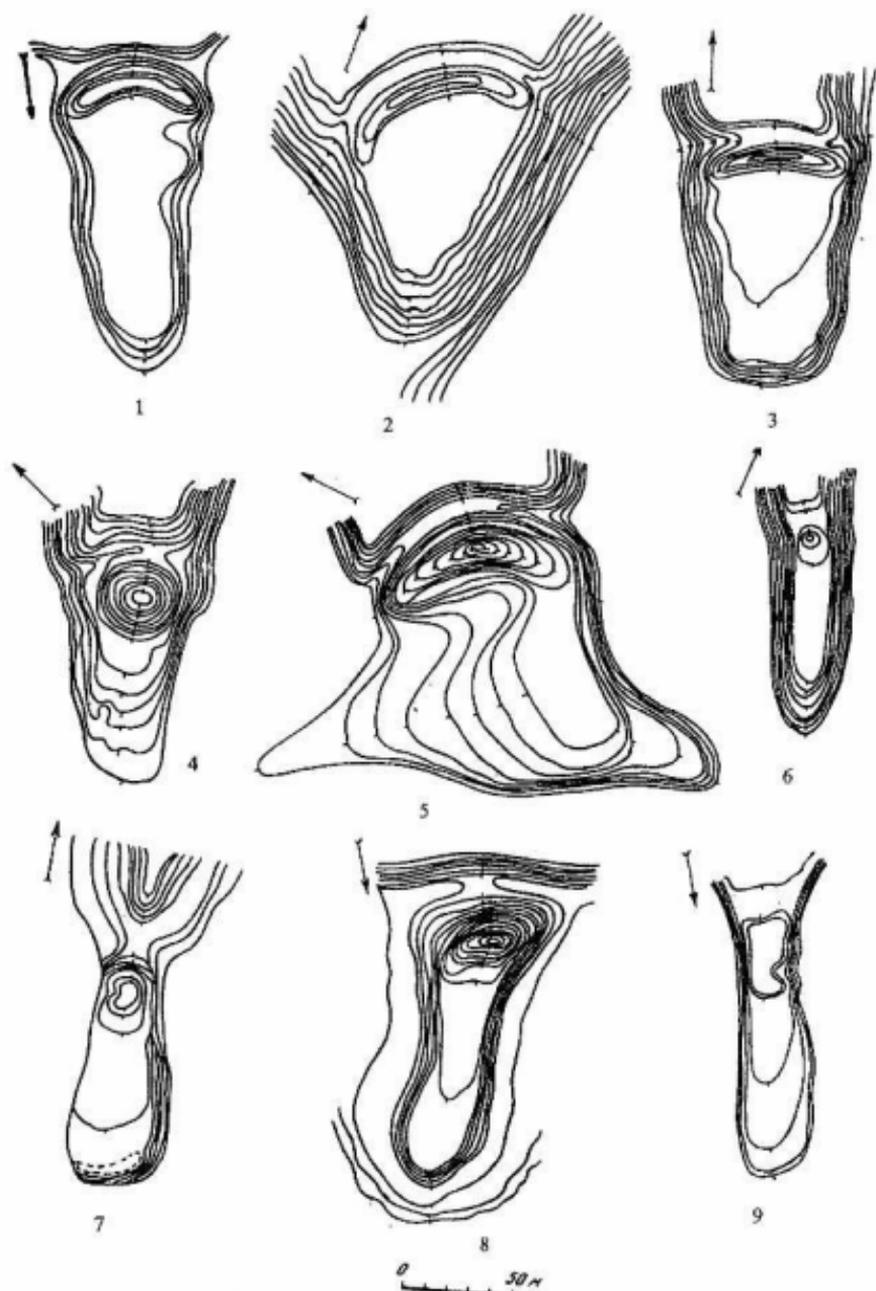

Рис. 7. Планы городищ именьковской культуры Нижнего Прикамья (по П.Н.Старостину): 1 – Бишевское; 2 – Татсунчелеевское; 3 – Троицко-Урайское I; 4 – Чирки-Бибкеевское I; 5 – Чирки-Бибкеевское II; 6 – Троицко-Урайское II; 7 – Маклашеевское II; 8 – Именьковское I; 9 – Тетюшское II.

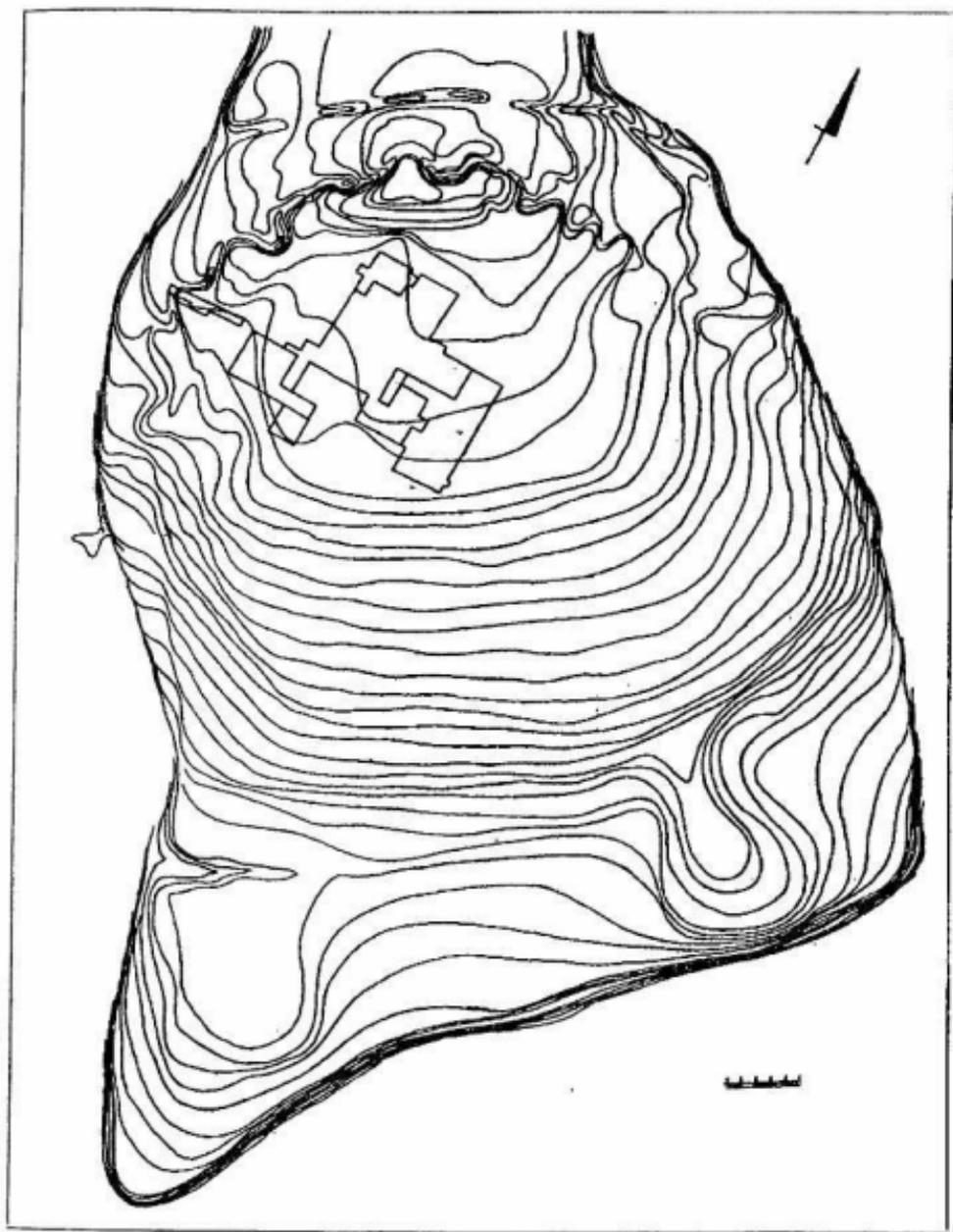

Рис. 8. План городища Лбище

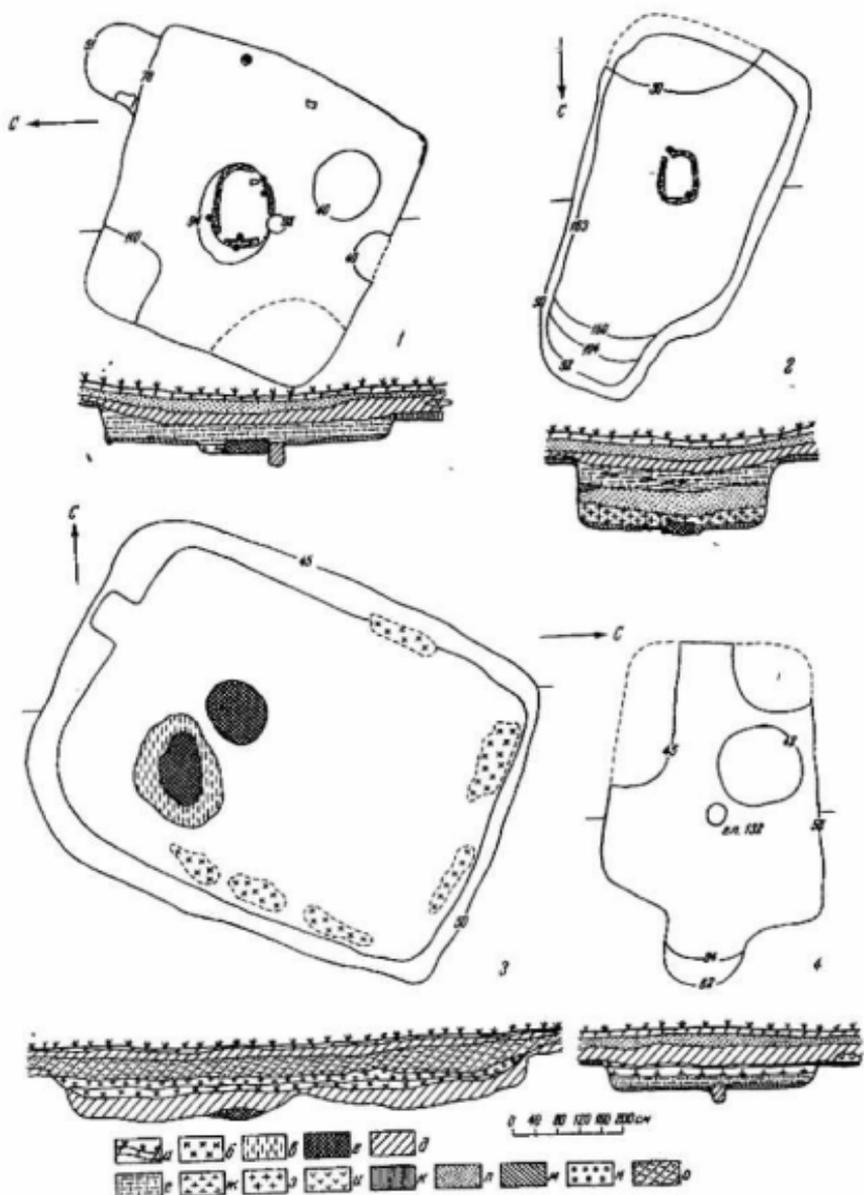

Рис. 9. Жилища именьковской культуры (по П.Н.Старостину). 1, 2, 4 – жилища Маклашеевского II городища; 3 – жилище Именьковского I городища.

Условные обозначения: а – дерн; б – уголь; в – зола; г – проклад; д – подзол; е – пестроцвет; ж – коричневый суглинок; з – коричневый суглинок с углями; и – красная глина; к – серый суглинок; л – темный гумированный слой; м – темная плотная прослойка; н – серая супесь; о – серозем

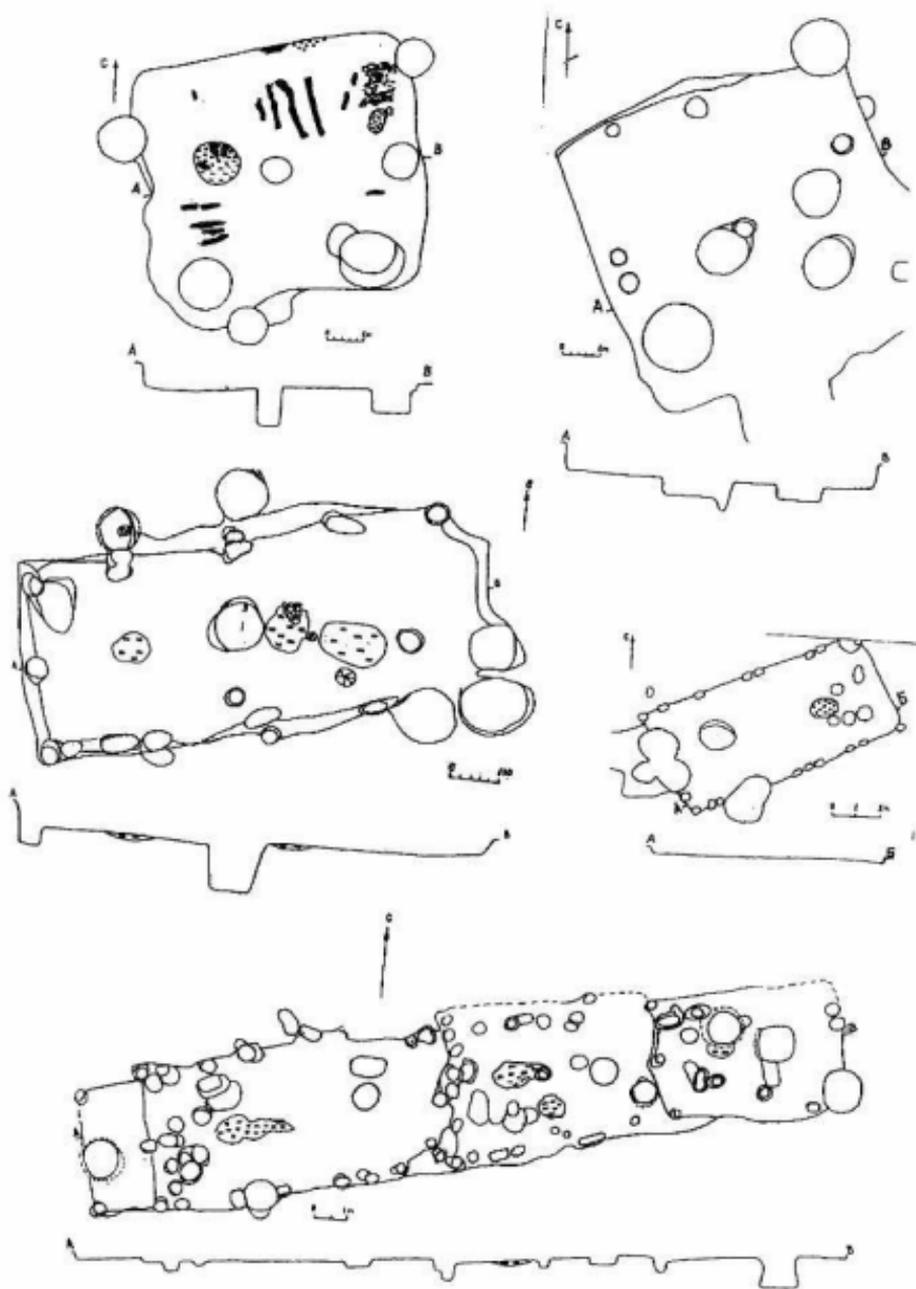

Рис. 10. Жилища Старо-Майнского городища

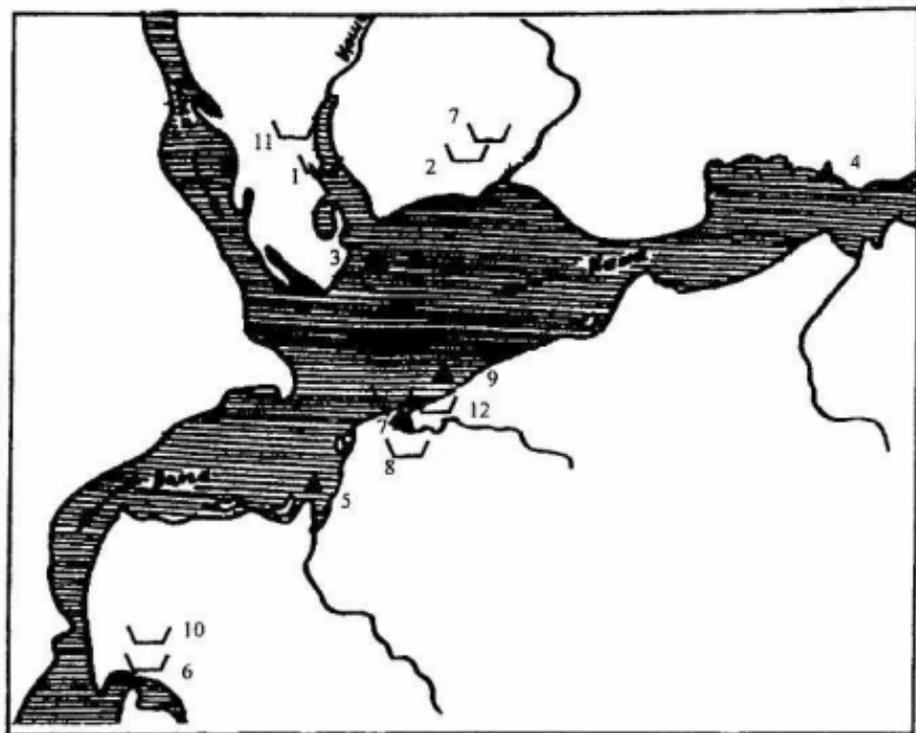

Рис. 11. Именьковские могильники на Нижней Каме.

- 1 – Рождественский могильник;
- 2 – Богородицкий могильник;
- 3 – Байчугинское погребение;
- 4 – Троицко-Урайское погребение;
- 5 – погребение около Старого Куйбышева;
- 6 – IV Маклашеевский могильник;
- 7 – III Именьковский могильник;
- 8 – Коминтерновский могильник;
- 9 – погребение у деревни Березовая Грива;
- 10 – V Маклашеевский могильник;
- 11 – Ташкирьменьский могильник;
- 12 – Татарские Измери IX могильник.

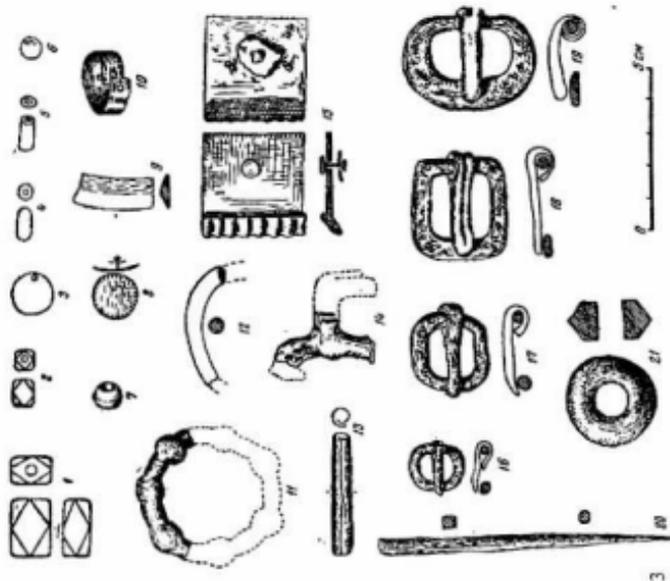

Рис. 12. 1, 2 – Погребения (группосожжения) из могильника у с. Рождествено (по В.Ф.Генningу);

3 – Предметы из могильника у с. Рождествено.

1-7 бусы; 8 – медная бляшка; 9 – обломок кольца; 10 – кольцо; 11 – кольцевая подвеска; 12 – обломок медного браслета; 13 – бронза; 14 – металлическая фигурка животного; 15 – поясная бляшка; 16-19 – пряжки; 20 – шило; 21 – глиняное пряслице.

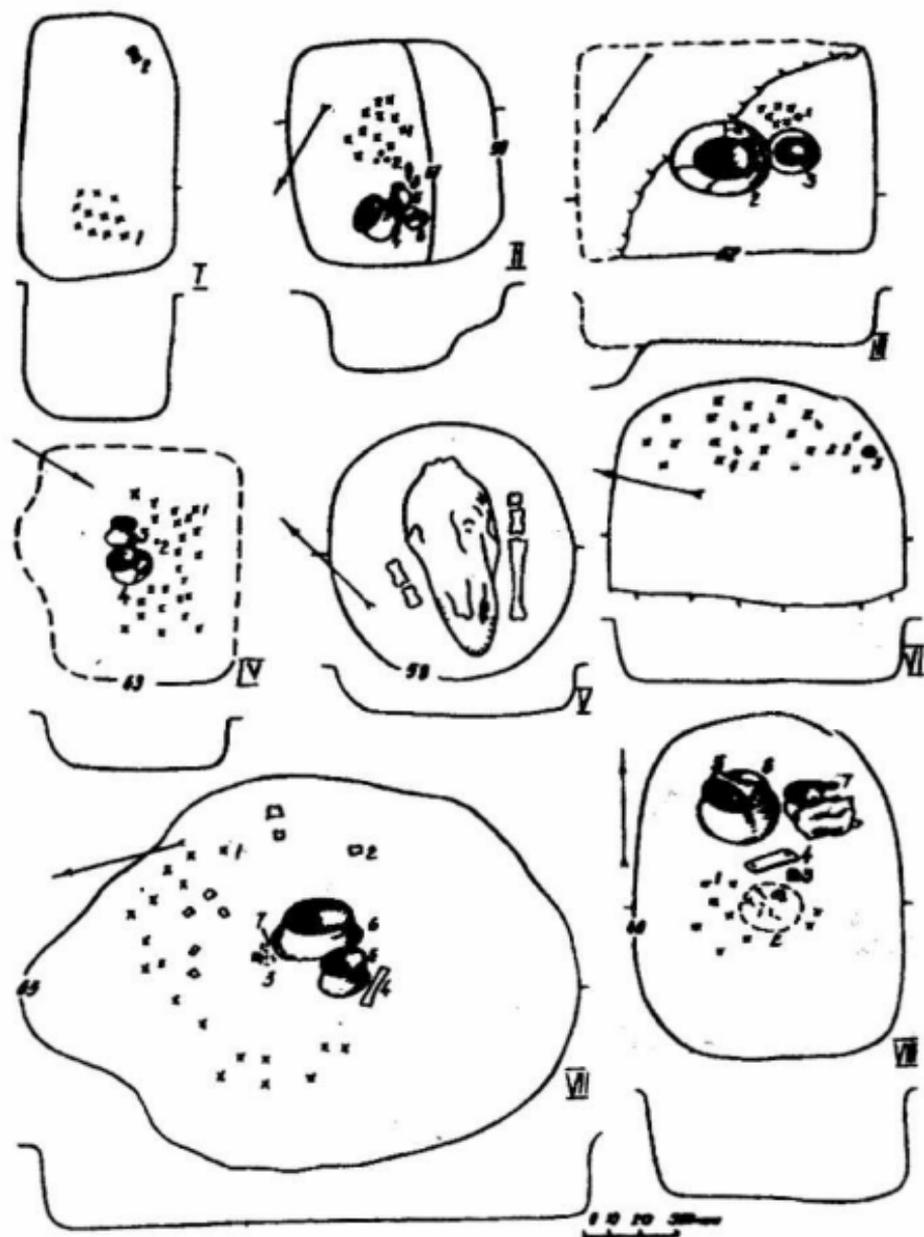

Рис. 13. Планы погребений именьковской культуры

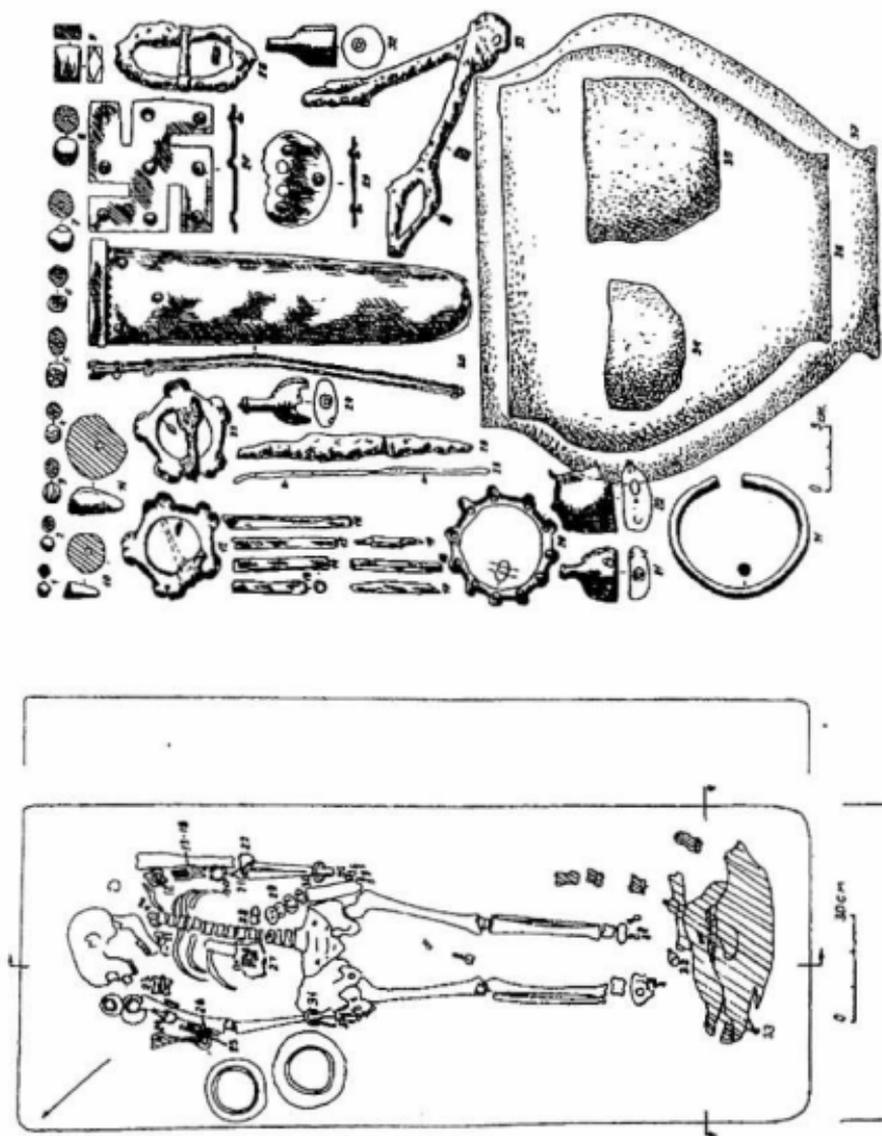

Рис. 14. План погребения 26, совершенного по обряду ингумации из Коминтерновского могильника (по Е. П. Казакову)
 Вещевой комплекс погребения 26: 1-8 – стекло; 9-11 – янтарь; 12-24, 27, 29-32 – бронза; 25, 26, 28, 33 – железо; 34-37 – керамика.

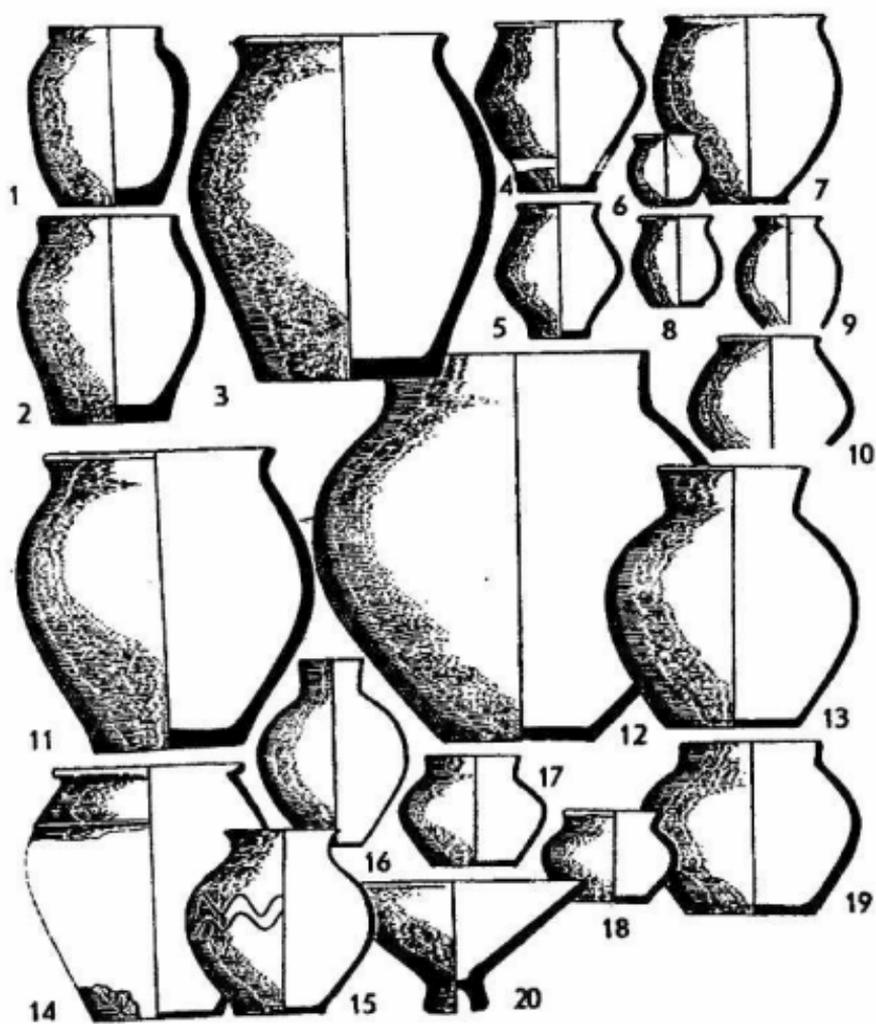

Рис. 15. Горшковидные сосуды и воронкообразная крышка с городища Лбище

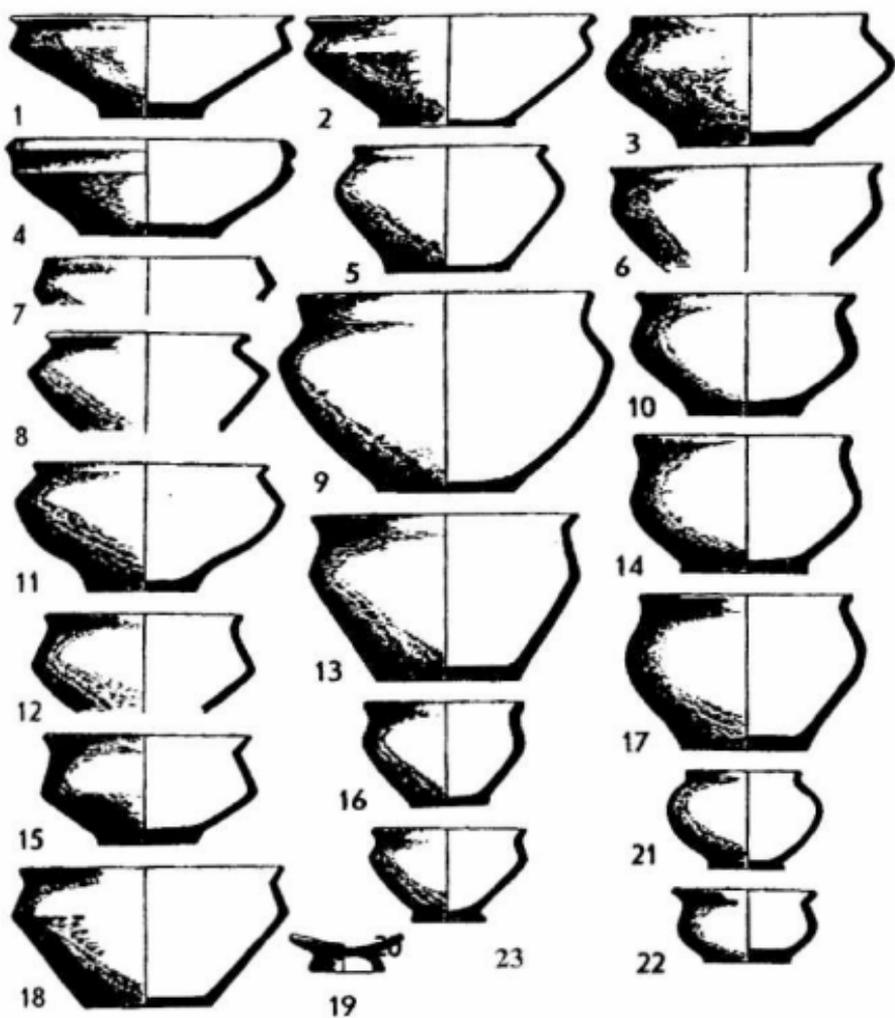

Рис. 16. Миски с городища Лбине

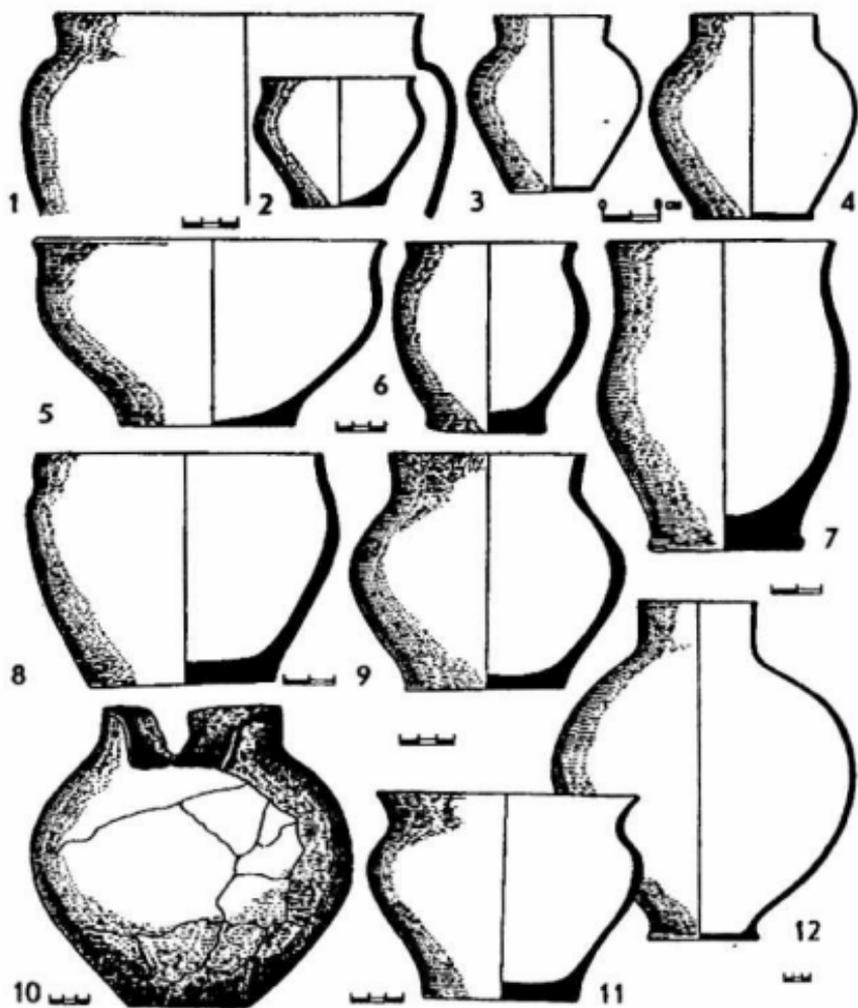

Рис. 17. Керамика именковской культуры со Старомайнского городища.

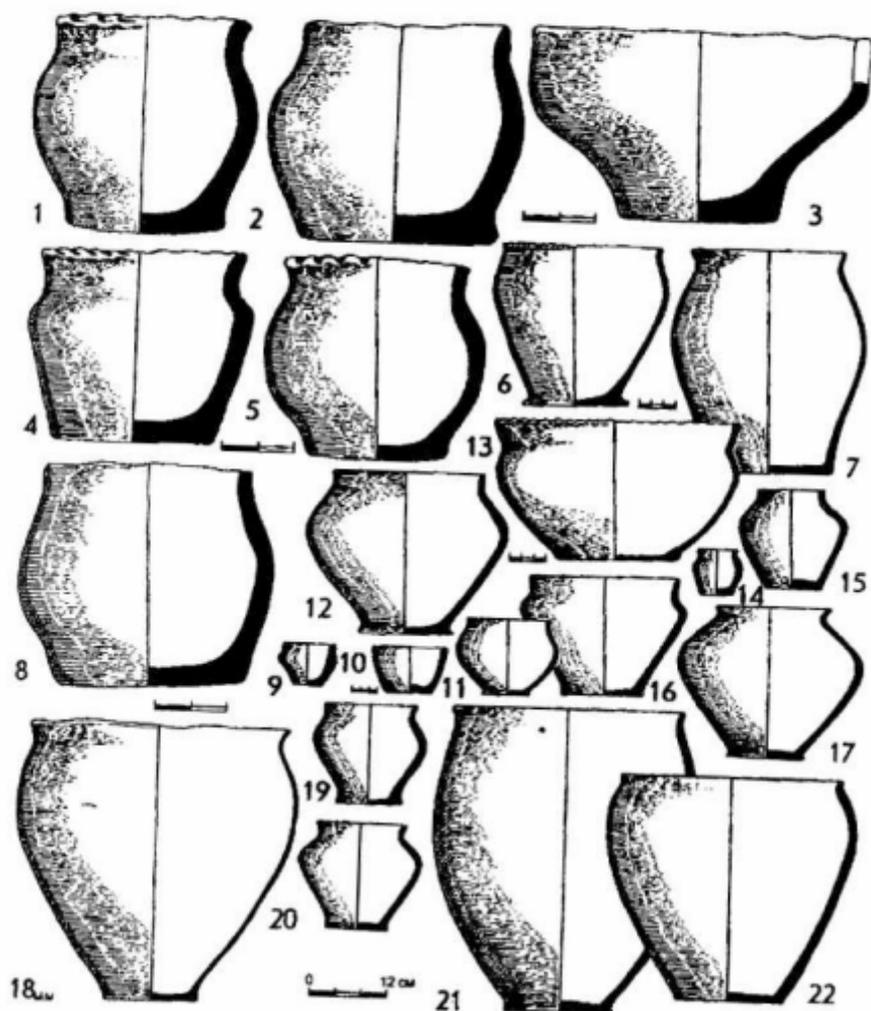

Рис. 18. Глиняная посуда Старомайнского (1-14) и Именьковского (15-22) городищ

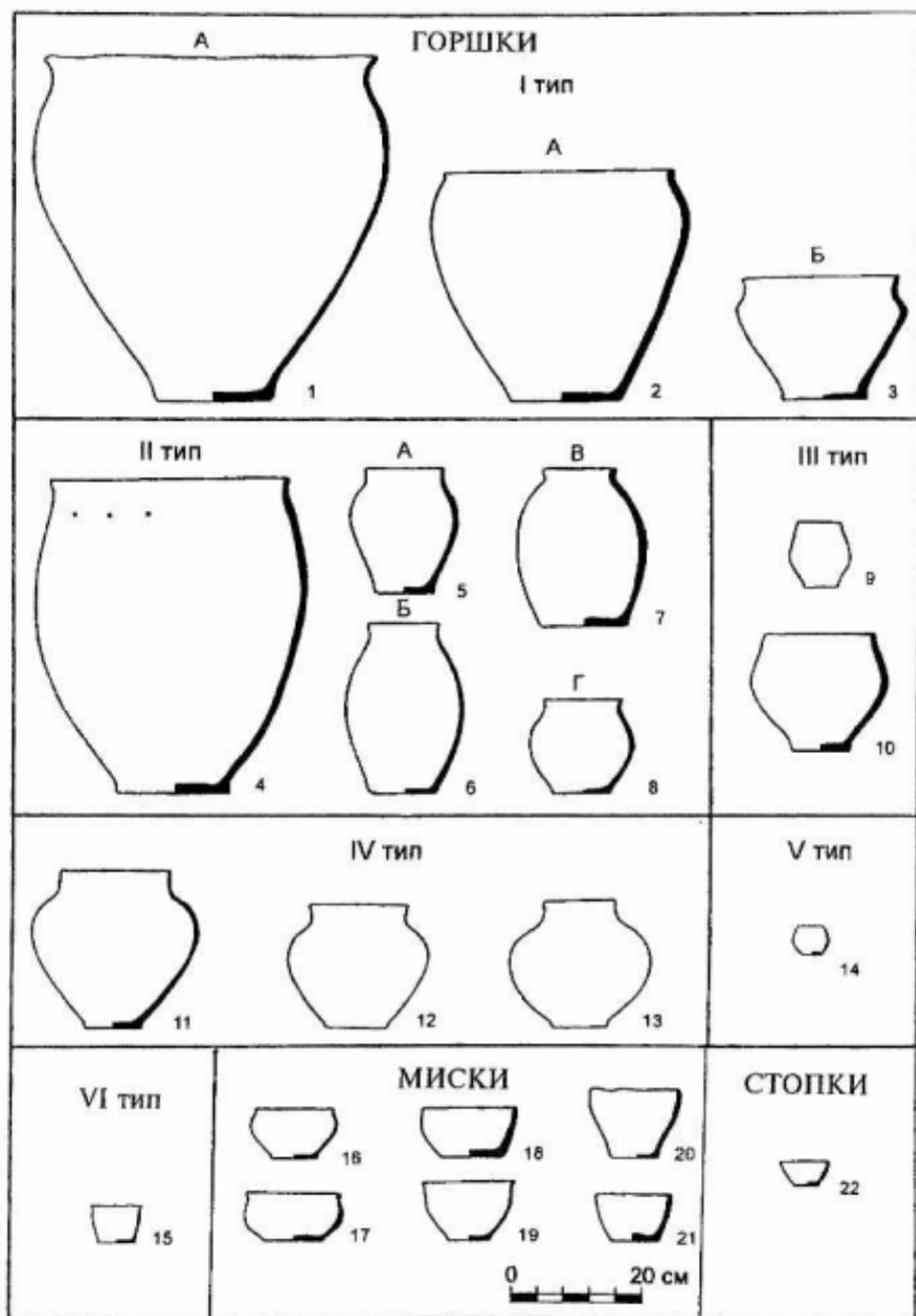

Рис. 19. Основные типы сосудов именковской культуры

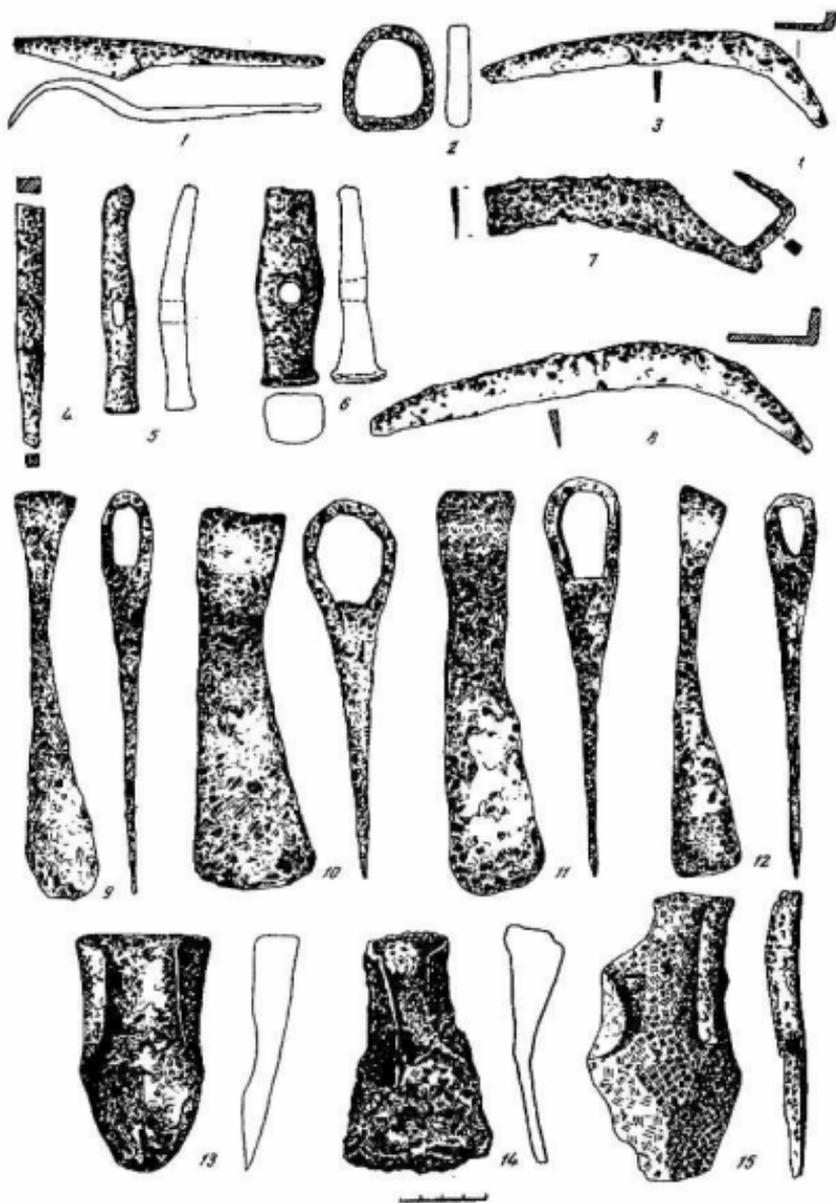

Рис. 20. Железные изделия именковской культуры (по П.Н.Старостину):
 1 – ложкарь; 2 – кольцо; 3, 8 – серпы; 4 – обломок напильника; 5, 6 – молотки;
 7 – обломок струга; 9-12 – топоры; 13, 15 – ральники; 14 – тесло-мотыжка
 (1, 5, 11 – Коминтерновское поселение (Курган); 2-4, 7-10, 14, 15 – Щербетское
 островное I селище; 6 – Маклашеевское II городище;
 12 – Именковское I городище; 13 – из ташкимерских находок)

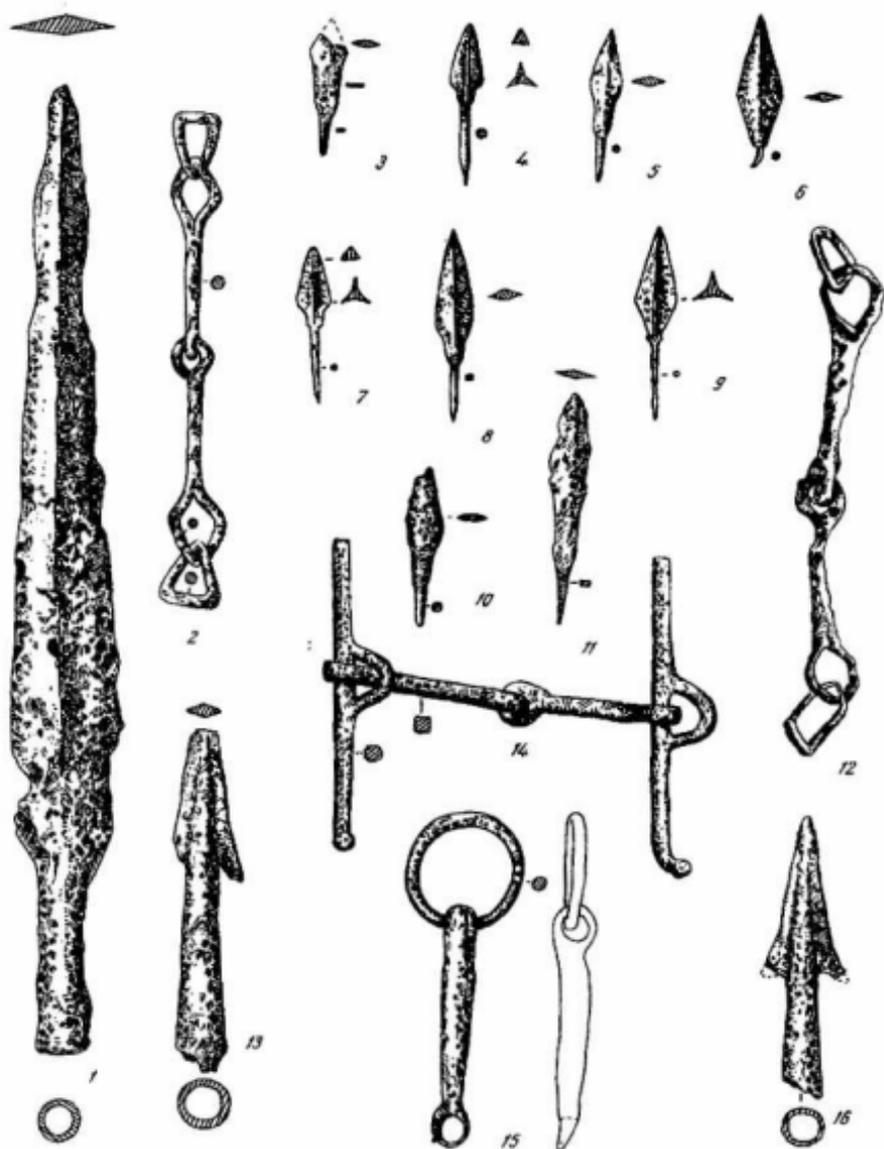

Рис. 21. Железное оружие и принадлежности конской сбруи (по П.Н.Старостину):

1 – наконечник копья; 2, 12, 14, 15 – удила; 3-11 – наконечники стрел;

13, 16 – наконечники копий;

1, 5, 6 – Тетюшское II городище; 8, 15 – Именьковское I городище;

2, 13, 14 – Щербетское островное I селище; 3, 4, 7, 9, 10 – Маклашеевское II городище; 11 – Татсунчелевское городище; 12 – Ембулатихинское I селище;

16 – Коминтерновское поселение (Курган)

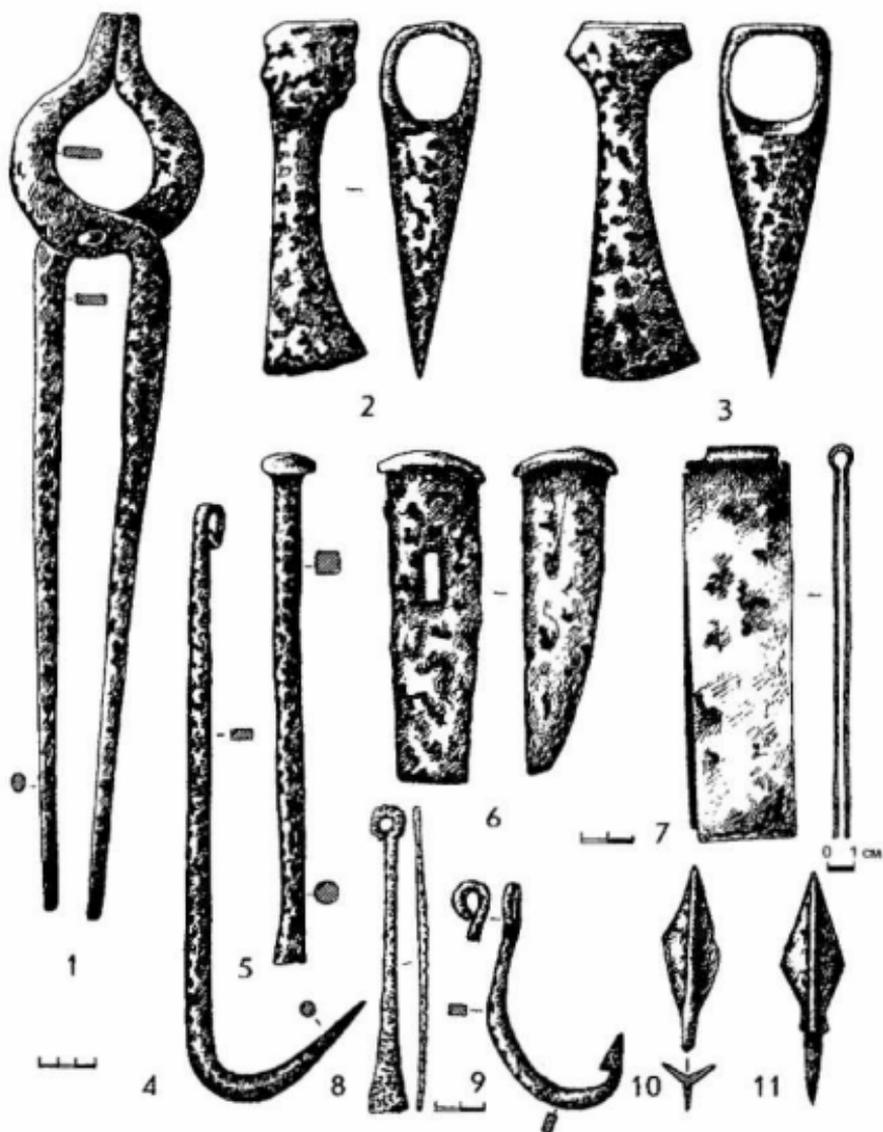

Рис. 22. Железные и бронзовые изделия с городища Лбище.
 1 – кузнечные клещи; 2, 3 – топоры; 4 – крючок; 5 – долото; 6 – кузнечный молот;
 7 – наконечник ремня; 8 – кресало; 9 – рыболовный крючок;
 10, 11 – наконечники стрел.
 7 – бронза; 1-6, 8-11 – железо

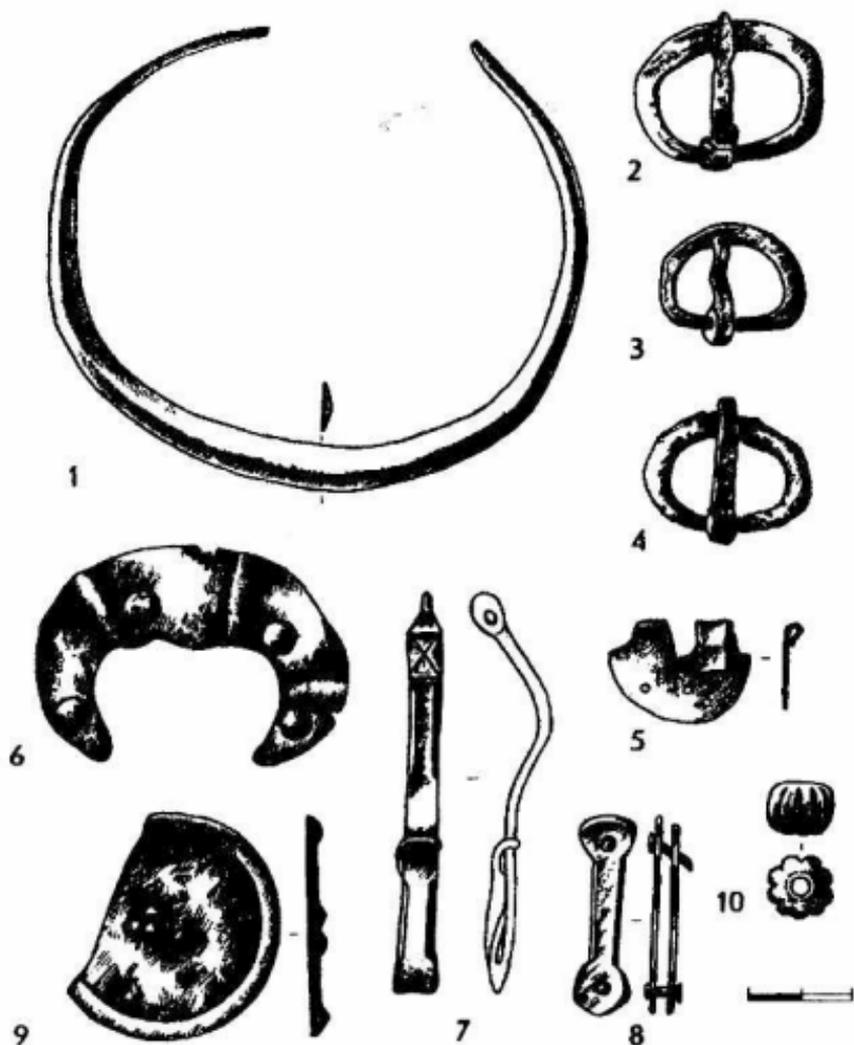

Рис. 23. Изделия из цветных металлов и стекла с городища Лбичце:
 1 – шейная гривна; 2-4 – пряжки; 5 – щиток от пряжки; 6 – украшение-лунница;
 7- фибула; 8 – наконечник ремня; 9 – зеркало; 10 – бусина.
 1-8 – бронза; 9 – серебро; 10 – стекло.

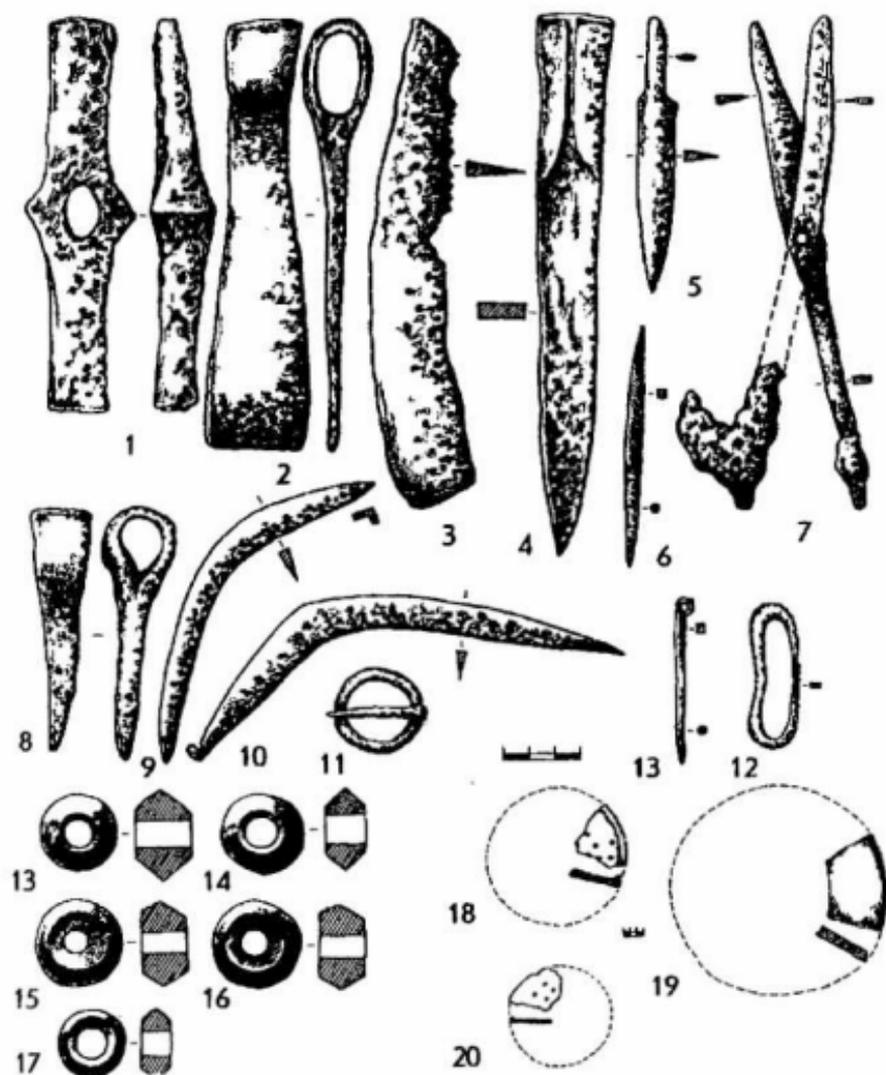

Рис. 24. Железные и глиняные изделия с поселений именьковской культуры:
 1 – кузнечный молот; 2 – топор; 3 – обломок косы (?); 4 – долото; 5 – нож;
 6 – шило; 7 – ножницы; 8 – топор-клевец; 9, 20 – серпы; 11, 13 – пряжки;
 12 – булавка; 13-17 – прислица; 18-20 – диски-лепешницы.
 1-10 – железо; 11-13 – бронза; 13-20 – глина.
 1 – Оп-Пандо-Нерь; 2-19 – Старомайское городище.

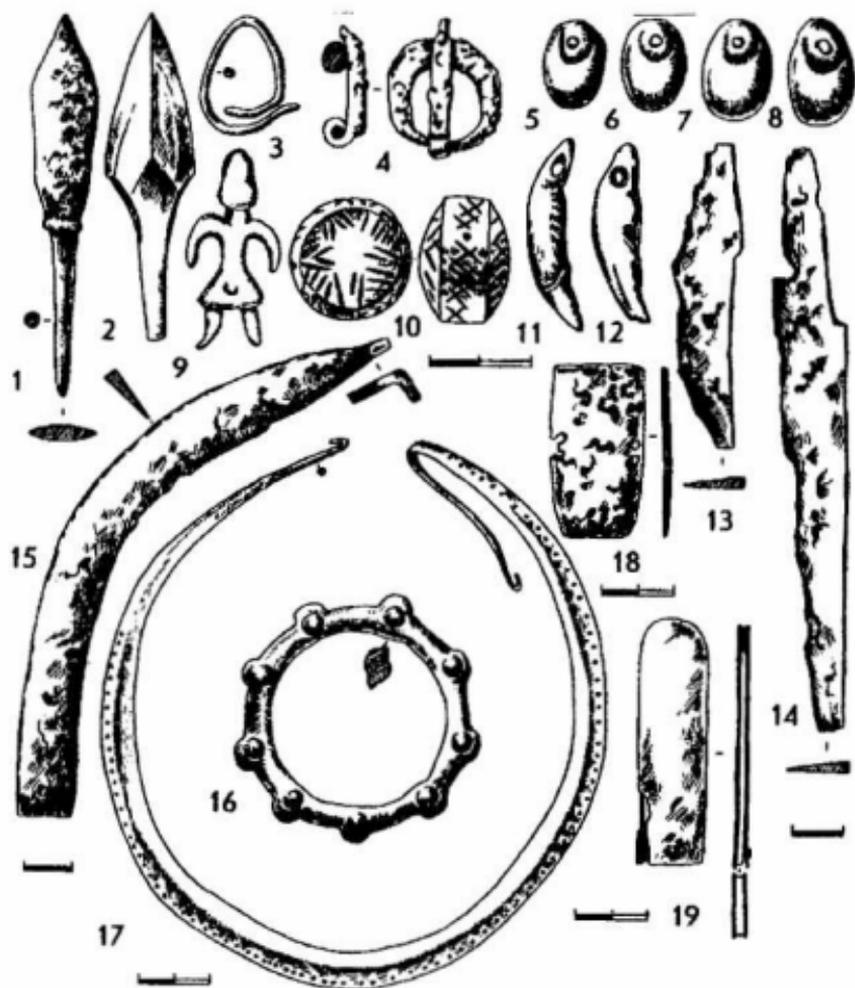

Рис. 25. Находки с селища Ош-Пандо-Нерь и с Кармалинского городища:
 1, 2 – наконечники стрел; 3 – височное кольцо (серьга); 4 – пряжка; 5-8 – бусы;
 9 – антропоморфная подвеска; 10 – глиняное изделие; 11, 12 – амулеты из клыков
 животных; 13, 14 – ножи; 15 – серп; 16 – подвеска; 17 – шейная гривня;
 18 – пластина от панциря; 19 – наконечник ремня.
 1, 4, 13-15, 18 – железо; 3, 9, 16, 19 – бронза; 17 – серебро; 5, 8, 10 – глина

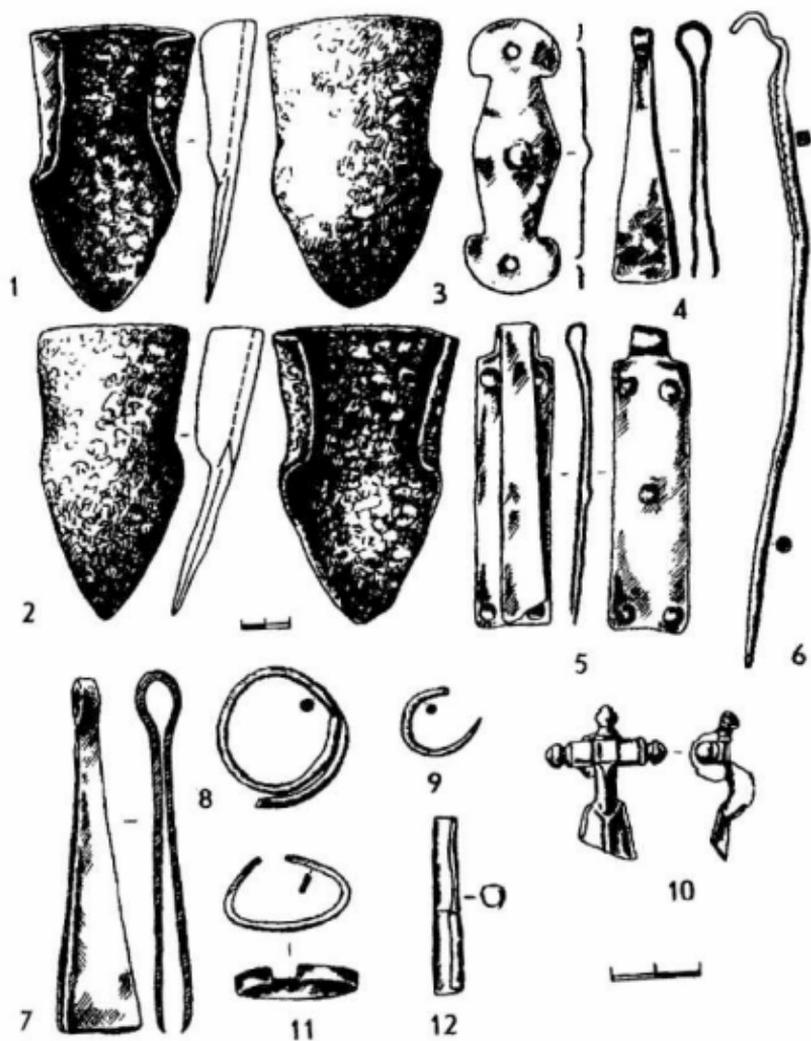

Рис. 26. Металлические изделия Старомайнского городища:
 1, 2 – паральники; 3 – поясная накладка; 4, 7 – пинцеты;
 5 – наконечник ремня; 6 – булавка; 8, 9 – височные кольца;
 10 – фибула; 11 – обойма; 12 – грубочка-пронизка.
 1, 2 – железо; 3-10 – бронза

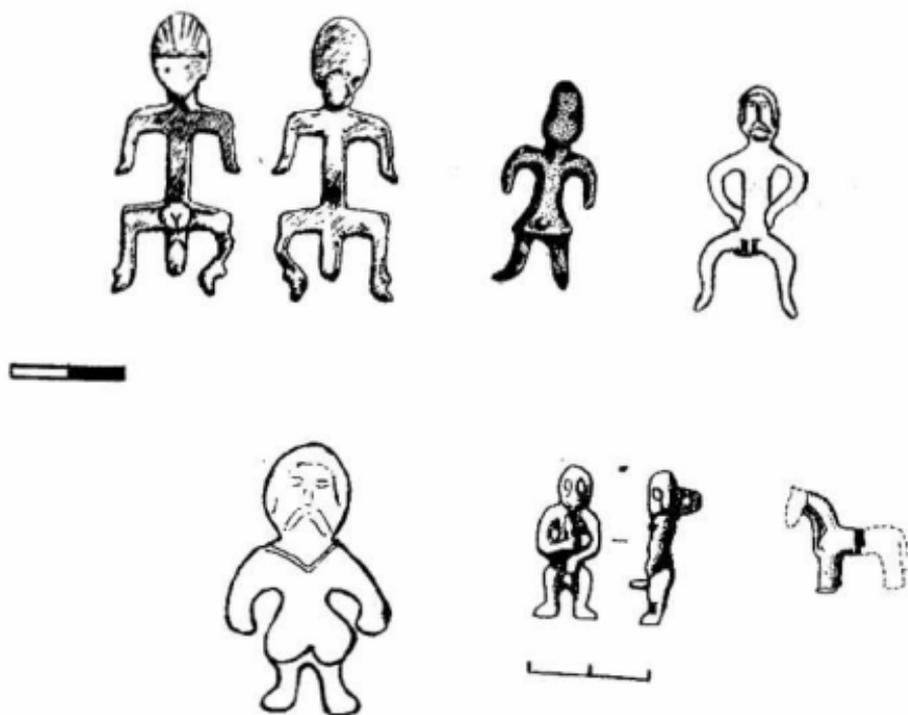

Рис. 27. Металлические и антропоморфные и зооморфные амулеты.

1 – Шелехметь;

2 – селище Ош-Падо-Нерь II у с. Шелехметь;

3 – Кушнаренокский могильник;

4 – Ново-Турбаслинский могильник;

5 – Романовское II селище;

6 – Щербетьское островное I селище.

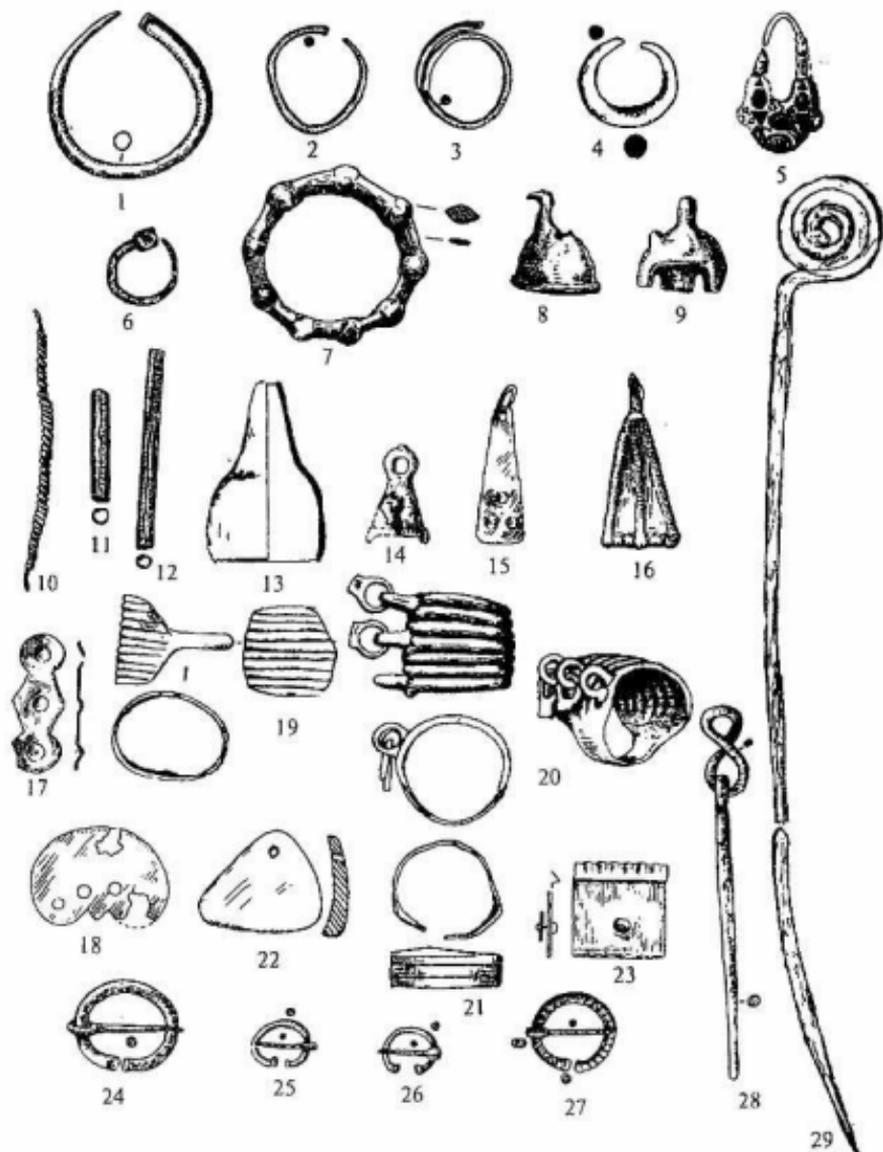

Рис. 28. Украшения и детали костюма.

1-6 – серьги; 7, 9, 13-16 – подвески; 10-12 – пронизки;

17, 18, 23 – поясные накладки; 19-21 – перстни; 22 – подвеска из раковины;

24-27 – сьюльгамы; 28, 29 – булавки.

1, 7, 8, 11, 14, 15, 28 – Щербетское островное I селище; 2, 5, 16 – Маклашевское II городище; 3, 4, 13, 19, 20, 21 – Старомайское городище; 6 – Кармалинское городище; 9, 10, 12, 24, 27 – Именьковское I городище;

17, 18, 23, 25 – Рождественский могильник; 29 – Романовское II селище

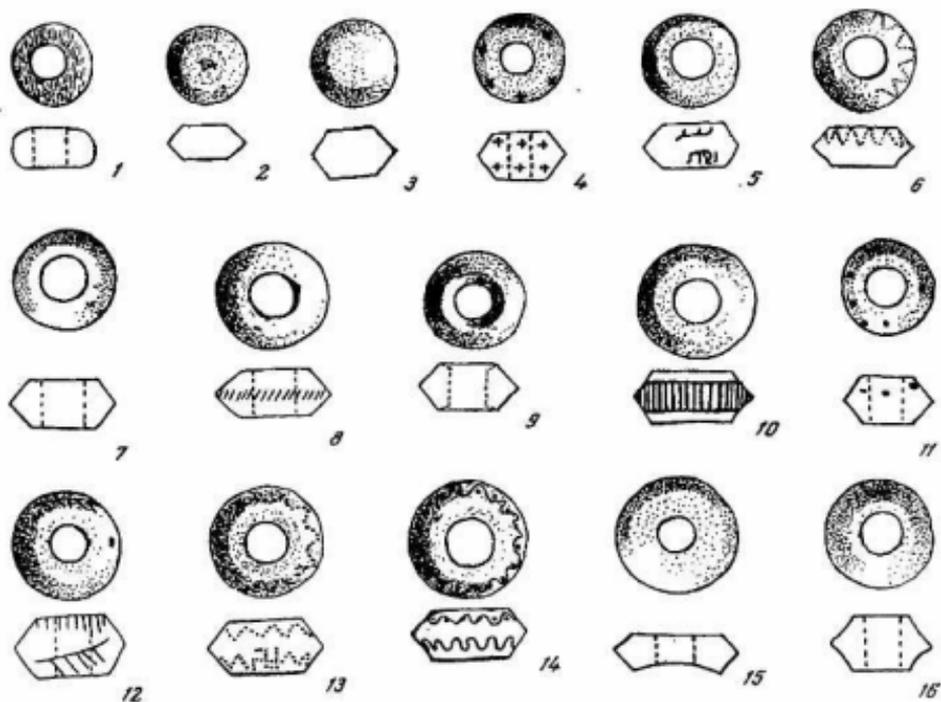

Рис. 29. Пряслица именьковской культуры (по П.Н.Старостину):
 1, 5, 6, 8, 11-16 – Щербетское островное I селище;
 2, 3, 7, 9, 10 – Именьковское городище;
 4 – Коминтерновское селище

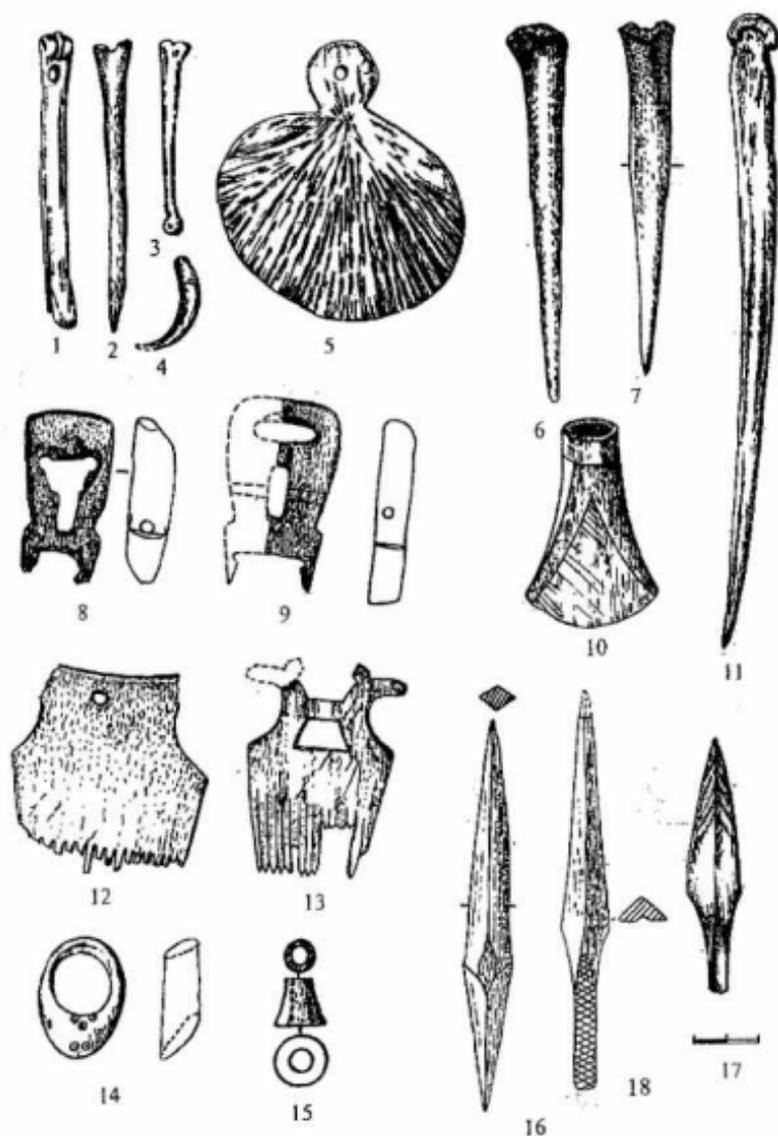

Рис. 30. Костяные изделия именковской культуры.
 1-3, 5, 11, 17 – Старо-Майское городище;
 4, 15 – Коминтерновское поселение (Курган);
 6, 7, 8, 12 – Маклашеевское II городище;
 10, 18 – Именковское I городище;
 9, 13, 14 – Щербетское островное I селище;
 16 – Ембулатихинское I селище

Рис. 31. Глиняные изделия (по П.Н.Старостину):
 1-3, 10 – литейные формы; 4-8 – тигли; 7, 8 – льячки; 9 – обломок сошла;
 1, 8, 9 – Маклашеевское II городище.
 2-5 – Именьковское I городище; 6, 7, 10 – Щербетское островное I селище

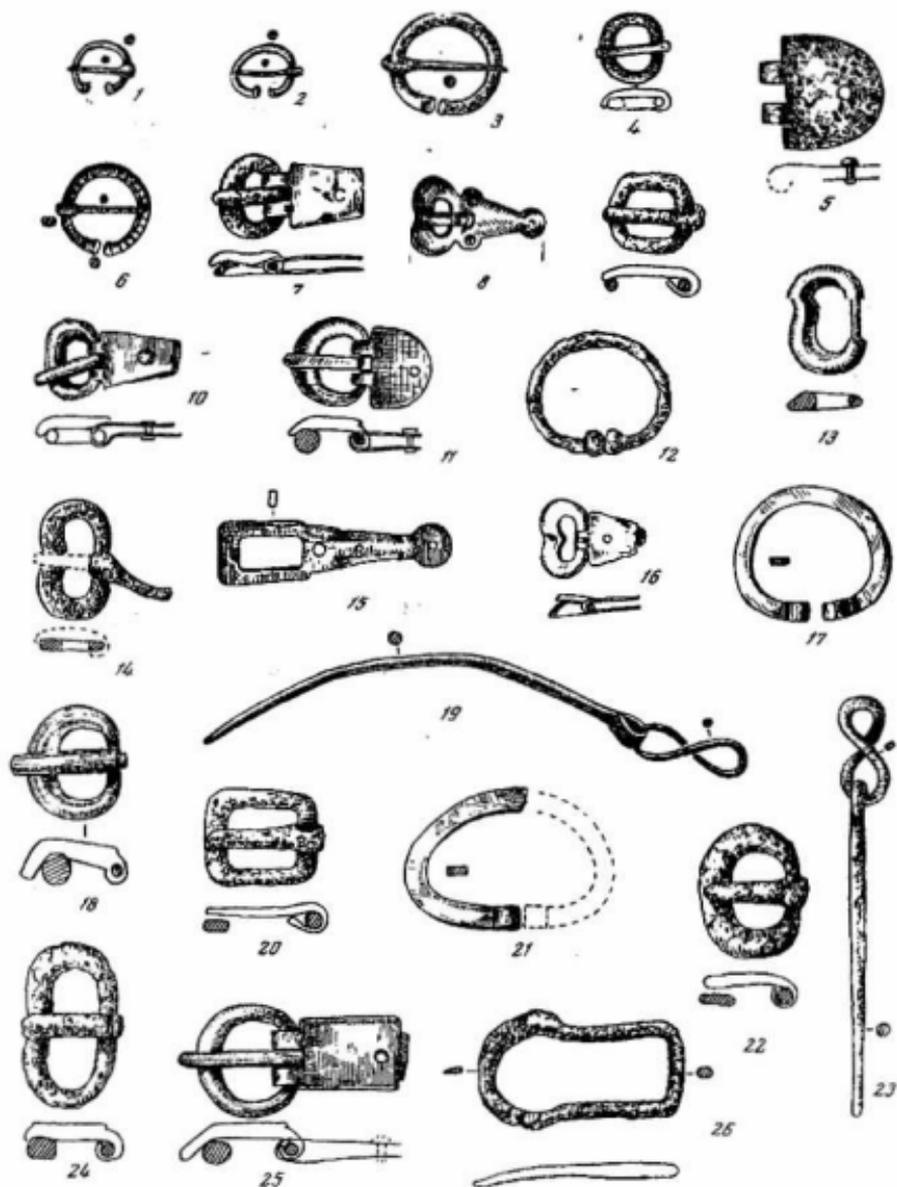

Рис. 32. Пряжки, сьюлгамы, булавки (по П.Н.Старостину):

1-3, 6, 12, 17, 21 – сьюлгамы; 4, 7, 17, 13-16, 18, 20, 22, 24-26 – пряжки;

5 – щиток пряжки; 19, 23 – булавки.

1, 2, 9, 16, 20, 22 – Рождественский могильник; 3, 6, 7 – Именьковское I городище;

4, 8, 10, 12, 17, 18, 21, 23-25 – Щербетское островное I селище;

5, 11, 13, 14 – Коминтерновское поселение (Курган);

15, 26 – Маклашеевское II городище; 19 – Татсунчелеевское городище

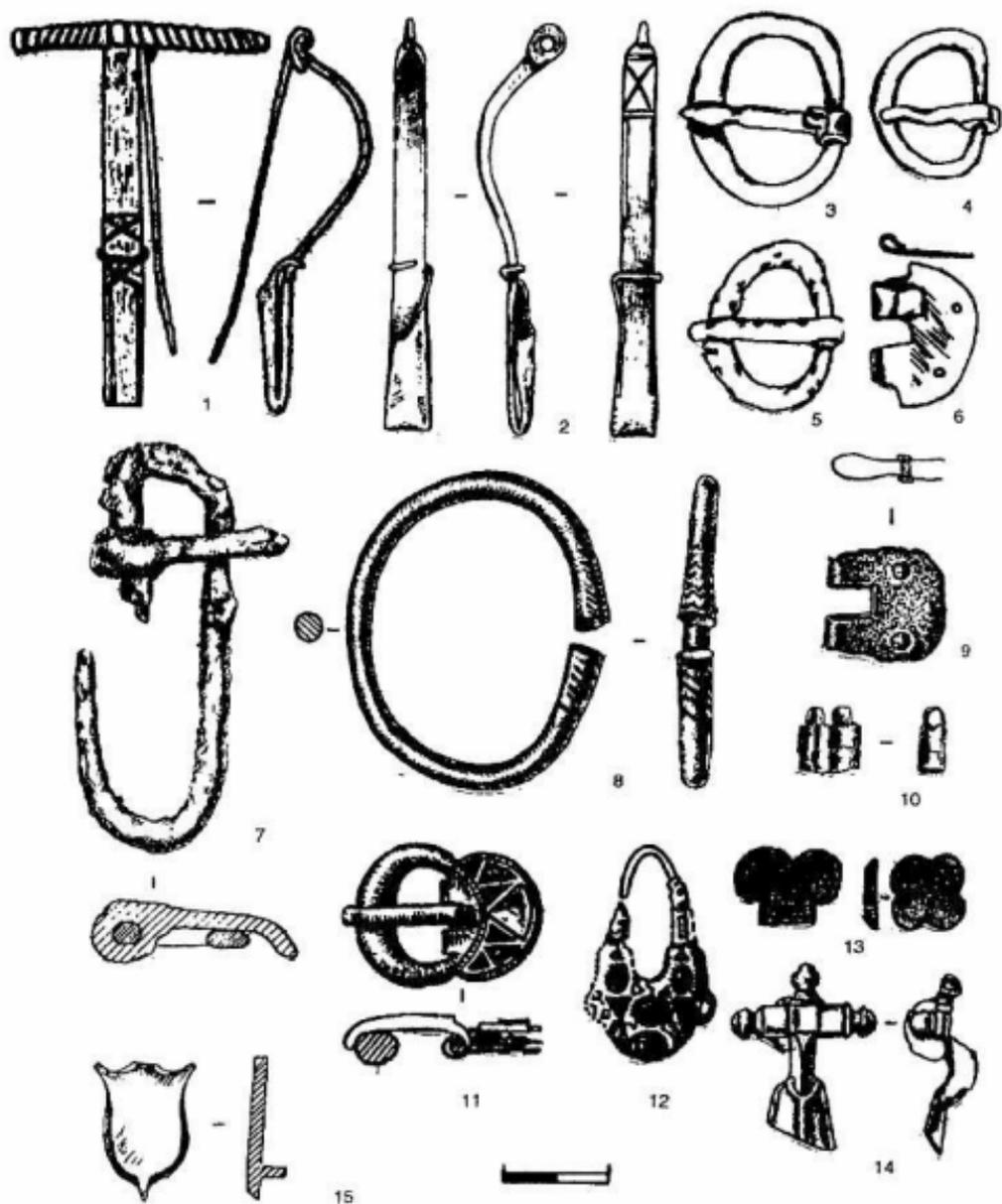

Рис. 33. Датированные вещи с памятников именьковской культуры
 1, 2, 14 – фибулы; 3-7, 11 – пряжки; 8 – браслет; 9 – щиток пряжки; 10 – подвеска;
 12 – серьга; 13, 15 – поясные накладки;
 1, 12 – Дежневский могильник; 2-6, 8, 10 – городище Лбище; 13 – Ош-Пандо
 городище; 7, 14 – Старомайское городище; 15 – Романовское II селище

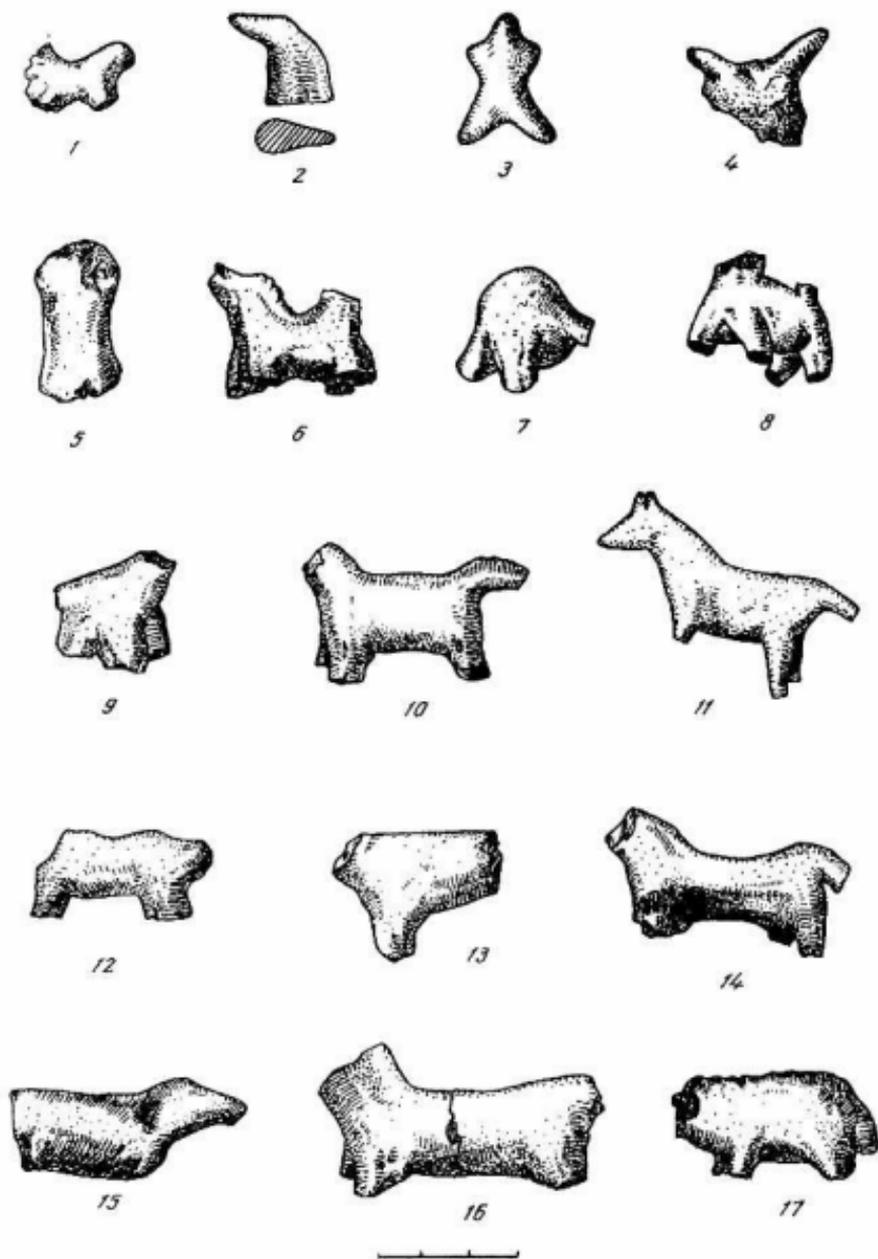

Рис. 34. Глиняные фигурки животных (по П.Н.Старостину):
 1 – Татсунчелевское I селище; 2, 3, 5, 7-9, 11-16 – Именьковское I городище;
 4 – Маклашеевское II городище; 6 – Коптелов бугор; 10 – Щербетьское островное I
 селище; 17 – Камскоустыньское I селище

ГЛОССАРИЙ

Азелинская культура – культура Волго-Вятского междуречья III-V вв. Получила название по могильнику у деревни Азелино Малмыжского района Кировской области. Выделена В.Ф. Генингом в 1963 году. Представлена материалами Азелинского, Суворовского, Тюм-Тюм и других могильников, а также Аргыжского и Буйского городищ. Могильники бескурганные, в них господствует обряд трупоположения, погребённые лежат в вытянутом на спине положении головами на север или северо-восток и сопровождаются большим количеством вещей: мужские погребения – орудиями труда и оружием, женские – украшениями. Керамика лепная, представленная горшками и мисками. Ведущими отраслями хозяйства племен азелинской культуры являлись земледелие и скотоводство. Азелинские племена – потомки племен пьяноборской культуры принадлежали к финно-угорской языковой ветви урало-алтайской языковой семьи.

Вельбарская (Вельбаркская) культура I-IV вв. н.э., распространенная на территории Польши и Белорусского Полесья, получила название по большому могильнику Вельбарк-Госцишево в низовьях Вислы. Поселения – неукрепленные селища. Жилища наземные и слегка углубленные в материк. Могильники грунтовые бескурганные. Подавляющее большинство погребений составляют трупосожжения в небольших округлых ямах, они делятся на урновые и безурновые. Преобладают трупосожжения в ямах без урн, в них кости перемешаны с остатками погребального костра. Вещей в погребениях немного. Обычно это сосуды, бронзовые фибулы и костяные гребни. Встречаются также иглы, бусы, замки. Керамика лепная: горшки и миски. Вельбарская культура принадлежала германским племенам: готам и гепидам.

Височное кольцо – украшение над висками, крепилось к волосам или к головному убору.

Волинцевского типа памятники локализуются на территории лесостепных районов Левобережной Украины и граничащих с ними районов Полесья. Они представлены неукрепленными поселениями и бескурганными могильниками. Доминирующим типом жилища является полуземлянка столбовой или срубной конструкции с вырезанной в материковом останце печью, реже с очагом в одном из углов. Основным типом хозяйственных сооружений были ямы-погребца, которые иногда устраивались в жилищах. Для грунтовых могильников волинцевского типа характерны трупосожжения в урнах вместе с предметами личного убора. В керамиче-

ском комплексе памятников волынцевского типа наблюдается сочетание лепной и гончарной посуды. Среди лепной посуды ведущими формами являются корчагообразные горшки или конусообразные сосуды с чётко профилированной верхней частью, с пальцевыми вдавлениями, насечками или отпечатками палочки, перевитой по венчику шнуром. Встречаются сковороды с высоким (до 5 см.) бортиком. Основу хозяйства составляли пашенное земледелие и скотоводство. Памятники волынцевского типа датируются VIII веком. Большинство исследователей связывает их со славянами.

Городецкая культура – относится к раннему железному веку и датируется I тыс. до н.э. Она занимала территорию от верховьев Дона (Липецкая область) на западе до Самарской Луки и района Саратова на востоке. Большую часть поселений составляют укрепленные валами и рвами городища, встречаются и неукрепленные селища. Жилища слабо изучены. Видимо это были полуземлянки небольшого размера. Керамика лепная. Она представлена сосудами горшковидной и баночной формы. Орнамент наносился штампом, отпечатки которого напоминают оттиски рогожи или сетки. Могильники городецкой культуры неизвестны, возможно это связано с каким-то особым погребальным обрядом. Все исследователи отмечают наличие у городецких племен земледелия, скотоводства, лесных промыслов и рыболовства. Металлические орудия у них крайне редки. По классификации Ю.А. Краснова, городецкие племена можно отнести к хозяйственно-культурному типу охотников и рыболовов лесной зоны, знакомых с начатками производящего хозяйства. Городецкие племена традиционно принято считать финно-уграми, хотя их культура значительно отличается от синхронной, бесспорно финно-угорской, ананьинской культуры.

Киевская культура, выделенная в 1949 году В.Н. Даниленко, локализуется на территории Среднего Поднепровья и Подесенья в Черниговской, Сумской, на севере Киевской области Украины, на востоке Гомельской и на юге Могилёвской области Белоруссии, а также на юге Брянской области России. Она датируется III-V вв. Поселения киевской культуры – неукрепленные селища. Основной тип жилища – однокамерные квадратные в плане полуземлянки с мощным опорным столбом в центре и располагавшимся рядом с ним открытым очагом. На некоторых поселениях киевской культуры открыты следы наземных построек, перекрывающих несколько ям-погребов. Могильники бескурганые. Погребения с остатками трупосожжения, совершенного на стороне, размещены группами, отстоящими друг от друга от 25 до 200 м. Специфической особенностью погребений, отличающей их от сожжений других культур, является захоронение останков кремации в неглубоких ямах округлой формы (диаметр 0,4–1,5 м). На дне ям находится обычно небольшое количество сильно пережженных костей умершего, иногда смешанных с остатками погребального костра.

Все это перекрыто прослойкой песка, выше которой встречаются следы тризны – кости животных, фрагменты разбитых сосудов. Глиняная посуда лепная, представлена горшками, корчагами, сковородами – дисками с небольшими бортиками. Экономической основой киевской культуры являлось сельское хозяйство, которое характеризовалось земледелием и придомным скотоводством. Земля обрабатывалась упряжными деревянными пахотными орудиями типа рал, которые иногда снабжались железными наральниками. В формировании киевской культуры принимали участие позднерубинские, какие-то шеворско-зарубинские группировки Во-льни и, возможно, более западных территорий. По мнению большинства исследователей, киевская культура – одна из крупных группировок предков ранних исторических славян.

Мазунинская культура (III-V вв.) занимала среднее течение р. Камы и Бельско-Уфимское междуречье. Поселения – многочисленные городища и селища. Жилища наземные. Могильники грунтовые. Погребенные лежат в вытянутом на спине положении головами на север и сопровождаются вещами. В мужских погребениях встречаются орудия труда, предметы вооружения и конской сбруи, в женских – украшения и орудия труда. Основу хозяйства составляли земледелие и скотоводство. Мазунинская культура принадлежала потомкам племен пьяноборской и кара-абызской культур. Язык ее носителей принадлежал к финно-угорской ветви урало-алтайской языковой семьи.

Наральник – железный наконечник деревянного пахотного орудия – рала.

Поянешти-Лукашевская культура (II-I вв. до н.э.). Памятники этой культуры находятся между Днестром, Прутом, Сиретом. Культура была выделена в конце 30-х гг. румынским исследователем Чиходару в результате раскопок могильника Поянешти в Румынии. В 50-х гг. Г.Б. Фёдоров раскопал могильник у с. Лукашевка на р. Реут и, определив его однотипность с румынскими памятниками, предложил объединить их в одну культуру под названием Поянешти-Лукашевка. Поселения неукрепленные, площадь их невелика (до 2 га), культурный слой незначителен. Жилища представлены постройками двух типов – наземными и полужемлянками. Очаги открытые, под их глинобитный или каменный. На памятниках культуры представлены три группы посуды. К первой группе относится лепная кухонная посуда с бугристой шершавой поверхностью, ко второй – лепная столовая посуда с лощеной поверхностью. Третью группу составляет немногочисленная импортная древнегреческая и кельтская керамика. Могильники грунтовые, не имеющие никаких внешних признаков. Погребальным обрядом было трупосожжение, производившееся за пределами могильника. Почти все погребения урновые. Урны, чернолощенные кувшины и миски, ставились на дно могильной ямы и, как правило, закрывались крышками, которыми служили

чернолощенные столовые миски. В них, кроме кальцинированных костей, находились побывавшие в огне предметы: браслеты, бусы, пронизи, ножи, пряслица, иглы, шилья, бритвы, пинцеты, иногда оружие. Население культуры Поянешти-Лукашевка вело оседлый образ жизни, занималось пашенным земледелием и придомным скотоводством. Развивались различные ремесла. Культура Поянешти-Лукашевка относится к числу тех культур, которые возникли на восточной окраине латенского мира в период передвижения среднеевропейских племен, вызванного давлением кельтов. Для Поянешти-Лукашевской культуры субстратом являлись фракийские племена гетов – население Молдовы. В ней также заметны черты различных ясторфских групп, прежде всего губинской группы, привнесенные пришельцами с территории между Одером и Эльбой. Поянешти-Лукашевская культура синкретическая, включающая местные гетские элементы и пришлые средневропейские, которые рядом исследователей отождествляются с древнегерманскими племенами – бастарнами.

Пражско-корчакская культура (V-VII вв.) распространялась на обширной территории от Верхней Эльбы до Среднего Поднепровья. Памятники с керамикой пражско-корчакского типа выявлены на территории Югославии, Австрии, Венгрии, Чехословакии, Германии, Польши, Румынии, на восточнославянской территории: в южной части Припятского бассейна, на Тетереве, в верховьях Буга, Днестра, Прута и в Закарпатье. Основной тип поселений – неукрепленные селища. Укрепленные городища немногочисленны. Основные типы жилищ – наземные дома типично славянского интерьера с печью-каменкой или глиняной печью. На поселениях Полесья открыты полужемлянки, имевшие четырёхугольные квадратные котлованы с длиной стен от 2,5 до 5 м. Полы земляные или выстланные досками. Печи-каменки располагались в одном из углов, противоположных входу. Крыши жилищ были двухскатными. Керамика лепная, представлена горшками с усечённо-коническим туловом, слегка суженным горлом и коротким венчиком. Наибольшее расширение всегда приходится на верхнюю треть сосуда. Орнамент отсутствует, лишь изредка встречаются насечки на венчике. Имеются сковороды – глиняные диски с небольшими бортиками. Погребальными памятниками являются грунтовые и курганные могильники с обрядом трупосожжения на стороне. Собранные на погребальном костре кальцинированные кости в урнах помещали в круглые могильные ямы диаметром 20-80 см. Кроме глиняных сосудов, в грунтовых могильниках почти ничего не встречено. Курганные могильники появляются в VI веке. Основным занятием населения пражско-корчакской культуры было земледелие. В западноволыньских и верхнеднепровских землях оно было пашенным. Второй по значению отраслью было скотоводство. По мнению всех исследователей пражско-корчакская культура принадлежала славянам.

Шеворская культура (II в до н.э. – начала V в н.э.), получившая название от города Шеворска в Польше, близ которого в с. Гаць был исследован могильник этой культуры. Шеворские памятники занимают земли центральной и южной Польши и западные области Украины. Поселения представлены неукрепленными селищами. Характерно два типа жилищ – наземные и полуземлянки столбовой конструкции. В центре жилищ находились открытые глиняные или каменные очаги. Преимущественное распространение получили полуземляночные жилища. Между жилищами располагались хозяйственные постройки легкого типа и ямы-погребца для хранения продуктов. Среди памятников шеворской культуры есть и крупные производственные центры по добыче и обработке железа, снабжавшие своей продукцией большие районы (Светокшицкие горы, Новая Гута, окрестности с. Тархалице в Нижней Силезии, Фаленты, недалеко от Варшавы). Основу хозяйства племён шеворской культуры составляли пашенное земледелие и скотоводство. Могильники бескурганые. Основную массу погребений составляют трупосожжения. В одних случаях кальцинированные кости сыпали в глиняные сосуды-урны и ставили в могилу, в других случаях кости высыпались непосредственно на дно могильных ям. Первые, по мнению исследователей, принадлежат германцам, вторые – славянам.

Пьяноборская культура (II в до н.э. – II в н.э.), распространена в Среднем Прикамье от устья р. Ика до устья р. Буй, а также в низовьях рек Ика и Белой. Поселения пьяноборской культуры – городища и селища. Жилища наземные срубные до 55 кв. м. площадью с открытыми очагами-кострищами. Крыши двухскатные. Могильники бескурганые, в них господствовал обряд трупоположения. Погребённые лежат в вытянутом на спине положении головой на север или восток. Мужские погребения сопровождаются оружием или орудиями труда, женские – многочисленными металлическими украшениями. Керамика представлена круглодонными сосудами с примесью толченой раковины. Орнамент состоит из поясков круглых ямок на шейке. Ведущую роль в хозяйстве играло скотоводство, второе место занимало мотыжное земледелие, важным подспорьем в пополнении запасов продуктов питания были рыболовство и охота. Язык племен пьяноборской культуры принадлежал к финно-угорской языковой семье.

Романовский тип памятников. К романовскому типу были отнесены Сальниковым К.В. поселения именьковской культуры среднего течения р. Белой, получившие название по первому исследованному селищу Романовка II в окрестностях г. Уфы.

Роменская культура (VIII-XI вв.) распространена в левобережной части Среднего Поднепровья. Она представлена укрепленными городищами и неукрепленными селищами. Жилищами были прямоугольные в плане полуземлянки размером 2,5-4х3,5 м, печи глиняные, вырезанные из материка или вылепленные, занимали один из углов жилища. Большая часть керамики изготовлена без гончарного круга. Гончарные сосуды появляются в конце IX века. Основу хозяйства составляли земледелие и скотоводство. Могильники курганные. Вплоть до IX-X вв. господствовал обряд трупопожжения. Урны с кальцинированными костями помещались в верхней части насыпи кургана. По мнению исследователей, романская культура принадлежала славянам-северянам.

Сюльгама – застежка для скрепления распашной одежды, представляющая собой незамкнутое кольцо, концы которого свернуты в трубочки. К кольцу прикреплялась игла для скалывания одежды.

Турбаслинская культура датируется концом IV-VII вв. Памятники турбаслинской культуры представлены, главным образом, могильниками, расположенными в среднем течении р. Белой в Башкортостане. Могильники курганные. Прямоугольные могильные ямы иногда имеют заплечики вдоль длинных стенок и подбой в изголовье. Погребенные лежат в вытянутом на спине положении, головой на север. Почти все костяки подвергнуты ритуальному разрушению с целью обезвреживания погребенных. Погребальный инвентарь представлен, главным образом, глиняными сосудами, украшениями, поясными пряжками и накладками. Турбаслинский тип керамики представлен круглодонными сосудами с высокой или низкой цилиндрической шейкой, орнамент отсутствует. Исследовано одно поселение – Улукулевское селище с керамикой турбаслинского типа. Турбаслинские племена в Южном Приуралье интенсивно смешивались с местными бахмутинскими и пришлыми именьковскими племенами и, возможно, жили на одних с ними поселениях. Турбаслинская культура генетически связана с памятниками салиховского типа, которые принадлежали сарматам, испытавшим готское влияние в период пребывания в Поднепровье и Подунавье и переселившимся в Приуралье в середине III в. н.э.

Фибула – декоративная булавка, использовавшаяся как застежка ниспадающей одежды. Фибулы известны с эпохи бронзы.

Черняховская культура (III-IV вв. н.э.) степного и лесостепного Приднепровья Молдовы и, частично, Польши и Румынии. Почти все поселения – неукрепленные селища, городища единичны. Жилища – полуземлянки и наземные, каркасно-столбовой конструкции с открытыми очагами и печами. Имеются глубокие ямы зернохранилища. Основу хозяйства со-

ставляли пашенное земледелие и скотоводство. Высокого уровня развития достигли ремесла: металлургия, металлообработка, бронзолитейное производство и гончарство. Керамика гончарная и лепная. Гончарные сосуды – миски, вазы, кружки. Лепные сосуды – главным образом, горшки. Могильники грунтовые с трупосожжениями и трупоположениями. Черняховская культура полиэтничная: её создателями были сарматы, готы, славяне, даки и поздние скифы. Некоторые историки связывают черняховскую культуру с империей Германариха.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
История изучения памятников именьковской культуры	5
Территория именьковской культуры	22
Поселения именьковской культуры	22
Жилища именьковской культуры	25
Могильники именьковской культуры	28
Керамика именьковской культуры	33
Хозяйство именьковской культуры	41
Металлургия и металлообработка	43
Костяные изделия	45
Украшения и детали костюма	46
Хронология именьковской культуры	53
Социальная структура именьковского общества	56
Верования именьковских племен	58
Этно-культурные контакты племен именьковской культуры	62
Происхождение именьковской культуры	65
Этническая атрибуция именьковцев	74
Историческая судьба племен именьковской культуры	77
Библиографический список	80
Указатель исследованных именьковских памятников	104
Приложение 1	124
Приложение 2	158